

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Лю Ижу

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЦИФРОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ
КАК ВЕКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ**

Специальность 08.00.14 – Мировая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, доцент
Белова Людмила Георгиевна

Внешний научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор,
Авдокушин Евгений Федорович

Москва – 2021

Содержание

Введение.....	4
Глава I. Концептуальные основы «Цифрового Шелкового пути» как вектора проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и инновационной составляющей инициативы «Один пояс, один путь»	17
1.1. Концепция открытости Китая внешнему миру как предпосылка выдвижения инициативы «Один пояс, один путь»	17
1.2. Объективность формирования и реализации инициативы «Один пояс, один путь»	27
1.3. Место проекта «Экономический пояс Шелкового пути» в реализации инициативы «Один пояс, один путь»	39
1.4. Цифровая составляющая в обосновании нового формата «Шелкового пути»	49
Выводы по I главе	65
Глава II. Структура и факторы формирования и развития «Цифрового Шелкового пути»	68
2.1. Инновационные стратегии развития Китая как предпосылка и основа выдвижения инициативы «Цифрового Шелкового пути»	68
2.2. «Цифровой Шелковый путь» как направление цифровизации экономики Китая	77
2.3. Основные элементы структуры «Цифрового Шелкового пути»	99
Выводы по II главе	111
Глава III. Состояние и перспективы сопряжения проектов «Цифрового Шелкового пути» с программами цифровизации экономики России и других стран Евразийского экономического союза	115
3.1. Состояние и пути сопряжения проектов «Цифрового Шелкового пути» и госпрограммы «Цифровая экономика России»	115

3.1.1. Результаты научно-технического сотрудничества России и Китая в конце XX – начале XXI вв.....	115
3.1.2. Анализ перспективных платформ сопряжения проектов Китая и России в процессах цифровизации экономики	125
3.2. Направления сопряжения проекта «Цифрового Шелкового пути» с программами цифровизации экономики других стран Евразийского экономического союза	139
3.3. Реализация проектов «Цифрового Шелкового пути» в странах Центральной Азии	149
Выводы по III главе.....	159
Заключение	161
Список литературы	166
Приложения	186

Введение

Актуальность темы диссертации обусловлена рядом существенных факторов, главным из которых является повышение значимости инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) в процессах поиска новой модели глобальной экономики. С одной стороны, ОПОП играет ведущую роль в экономике Китая и отвечает: за переход от модели экстенсивного роста к инновационной модели, основанной на внутреннем спросе, отечественных технологиях и императивах четвертой промышленной революции; за ликвидацию отставания в развитии северо-западных провинций Китая; за стимулирование экономического развития страны посредством более активного задействования внешних факторов на основе новой трактовки политики открытости внешнему миру (принцип «идти вовне») и др. С другой стороны, в процессе реализации проектов ОПОП Китай смог аккумулировать серьезные производственные мощности и ресурсы, которые позволяют ему активно искать пути глобальной экспансии своих товаров, услуг, идей, стандартов, опыта и др. на основе сотрудничества и взаимной выгоды с другими странами. Данную инициативу КНР поддержали многие государства: 126 стран подписали соглашения о сотрудничестве с Китаем в рамках ОПОП и ее сухопутной части «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП).

Актуальность темы исследования повышается в связи с началом трансформации проекта ОПОП в формат «Цифрового Шелкового пути» (ЦШП), прежде всего в сегменте ЭПШП. Название «Цифрового Шелкового пути» как инновационной составляющей ОПОП было провозглашено на международном форуме, посвященном развитию ОПОП (май 2017 г.), а затем подтверждено на XIX съезде КПК осенью 2017 г. Как заявил Си Цзиньпин (习近平) в мае 2017 г., «Пояс и путь» должны быть превращены в «дорогу инноваций» и в «Цифровой Шелковый путь» XXI в.¹

¹ Один пояс, один путь. Полный текст речи Си Цзиньпина от 19.05.2017: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа. <http://inosmi.ru/politic//20170519/239391693.html>

ЦШП позиционируется Китаем как мега–проект цифровизации национальных отраслей (посредством реализации моделей «Интернет+», «+Интернет», инструментов «четвертой промышленной революции») с учетом векторов ОПОП, формирующий на маршрутах ЭПШП элементы цифровой экономики во всех странах–участницах. Уникальность ЦШП в его позиционировании как части национальной цифровой экосистемы и одновременно – как вектора ЭПШП, ориентированного на формирование глобальной цифровой системы, позволяет рассматривать данный проект как стратегически значимый для Китая и всех стран, участвующих в ОПОП.

Механизмы трансформации проекта ОПОП в формат «Цифрового Шелкового пути», изучение процессов становления и развития ЦШП, его трендов и проблем является актуальным вопросом для России и остальных стран ЕАЭС, поскольку представляет ряд перспективных направлений для цифровизации национальных экономик этих стран и возможностей для ответа на новые технологические и не только вызовы.

Степень научной разработанности темы исследования. Общетеоретической основой диссертации послужили статьи и монографии китайских и зарубежных авторов, аналитические доклады государственных организаций по проблемам ОПОП и ЦШП, а также по развитию инноваций и цифровой экономики в Китае. В основу анализа проблем ОПОП и ЦШП легли работы таких китайских авторов, как: Ван Жунью (王润球), Линь Ифу (林毅夫), Ли Теин (李铁映), Лу Шань (卢山), Ма Хуатэн (马化腾), Сан Байчуань (桑百川), Сунь Фэй (孙飞), Ху Чжэньюань (胡正堦), Хэ Чжифэн (何志飞), Чу Фуминь (朱福民), Чжан Юаньмин (张源铭), Чжао Лэй (赵磊), Ху Цзяюн (胡家勇) и других.

В России проблеме ОПОП в ее многовекторном понимании уделяется заметное внимание в основном со стороны специалистов по Китаю. Имеется и ряд аналитических статей и отдельных монографий видных российских ученых, посвященных ОПОП. Данная проблематика стала объектом исследования и в

других странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Среди публикаций российских авторов можно выделить работы: Авдокушина Е.Ф., Беловой Л.Г., Бергера М.Я., Луконина С.А., Осьмовой М.Н., Михеева В.В., Перской В.В., Пивоваровой Э. П., Островского А.В., Портякова В.Я., Сазонова С.Л., Хейфеца Б.А. и других. Среди авторов из других стран ЕАЭС следует отметить труды казахских ученых – Акижанова С.С., Нурсеитова А.А., узбекских экономистов – Ходжаева А.Х., Кузиева Н.А., киргизского научного деятеля Акаева А.А. и других.

Проблеме ОПОП уделяется значительное внимание и исследователями из западных стран. Следует отметить, что в отличие от китайских источников, среди работ западных ученых нет фундаментальных, комплексных исследований, посвященных анализу ЦШП. Однако есть много разного рода публикаций, которые часто носят конъюнктурный, политизированный характер. К числу западных авторов, чьи работы касаются проблематики «Пояса и пути», можно отнести: К. Плобергера (C. Ploberger), А.Р. Кребера (A.R. Kroeber), Т. Миллера (T. Miller), Т. Саммерса (T. Summers) и других.

В ходе работы над диссертацией были использованы идеи и положения, почерпнутые из публикаций, посвященных теоретическим и методологическим проблемам формирования и развития цифровой экономики. Среди китайских исследований можно выделить работы Ма Хуатэна (马化腾), Сюй Чэня (徐晨), У Дахуа (吴大华), Тан Синлуня (唐兴伦), Цзэн Мина (曾鸣) и др. К числу западных экономистов, работы которых по проблемам цифровой экономики были использованы в диссертации, относятся: Р. Бухт (R. Bucht), С. Бреннен (S. Brennen), И. Вебер (Isabella Weber), Д. Крейсс (D. Kreiss), Р. Хикс (R. Higs) и т.д. Среди трудов российских исследователей и авторов из других стран ЕАЭС выделяются работы Дятлова С.А., Купчишиной Е.В., Марьяненко А. К., Паньшина Б.Н. (Беларусь), Селищевой Т.А. и других.

В силу практически абсолютной новизны проекта ЦШП на сегодняшний день очень мало работ, которые бы позволили изучить причинно–следственные связи и опыт трансформации ОПОП в ЦШП на постоянно прогрессирующей

цифровой базе китайской экономики и сделать выводы о значимости и перспективах проекта ЦШП для стран–участницах ОПОП (ЭПШП). Данные обстоятельства в совокупности обусловили выбор темы исследования.

Цель исследования – на основе анализа российских, китайских и зарубежных источников выявить теоретические основы и механизмы реализации проекта «Цифровой Шелковый путь» как вектора инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и обосновать его воздействие на экономику Китая, России и других стран ЕАЭС.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- обосновать место проекта ЦШП в системе инициатив ЭПШП и ОПОП в процессе реализации открытой внешнеэкономической политики Китая «идти вовне» в ее новой модифицированной форме – экспансии на глобальные рынки;
- на основе анализа и обобщения российских, китайских и зарубежных источников выявить теоретические и методологические основы проекта ЦШП как вектора инициативы ЭПШП и как формы реализации инициативы ОПОП;
- раскрыть структурные и институциональные элементы ЦШП;
- проанализировать и охарактеризовать уровень развития цифровой экономики в Китае как основы ЦШП;
- идентифицировать направления взаимодействия и сопряжения проекта ЦШП с целевыми установками госпрограммы «Цифровая экономика Российской Федерации» и цифровыми инициативами стран ЕАЭС.

Объектом исследования является проект «Цифровой Шелковый путь» как вектор инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и инновационная составляющая инициативы «Один пояс, один путь».

Предмет исследования – направления и механизмы реализации проекта «Цифровой Шелковый путь» и его воздействие на экономику Китая, России и других стран ЕАЭС.

Научная новизна диссертации состоит в формировании авторской концепции места проекта «Цифровой Шелковый путь» в системе инициатив

«Экономический пояс Шелкового пути» и «Один пояс, один путь», направлений и механизмов реализации ЦШП, выявления наиболее перспективных точек сопряжения ЦШП с цифровыми проектами Российской Федерации и других стран ЕАЭС и стратегий положительного воздействия ЦШП на экономику этих стран.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1) в процессе определения места проекта ЦШП в системе инициатив ЭПШП и ОПОП раскрыта сущность современной трактовки политики внешнеэкономической открытости Китая, состоящей в сочетании продолжения курса на открытость экономики Китая внешнему миру с акцентом на реализацию политики «идти вовне» с нацеленностью на активное завоевание внешних рынков (товарных, инвестиционных, технологических, финансовых). Формирующийся механизм «новой архитектоники всесторонней открытости» Китая включает растущую внутреннюю открытость для субъектов глобальной экономики и внешнюю открытость как расширение сфер функционирования и возможностей для китайских компаний за рубежом. В этом сочетании определяющей стороной в настоящее время становится внешняя открытость, трансформирующая Китай в одного из лидирующих субъектов мировой экономики;

2) сформулирована авторская трактовка инициативы ОПОП как концепции, нацеленной на формирование нового механизма глобальной кооперации стран на принципах институциональной открытости, сотрудничества, взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности («сообщество единой судьбы») и посредством инновационных механизмов цифровизации в виде проекта ЦШП;

3) выдвинуто и обосновано положение о том, что ЦШП одновременно является частью формируемой национальной цифровой экосистемы Китая и зарубежных направлений реализации инициативы ОПОП. Исследована развивающаяся модель цифровизации китайской экономики, во многом опирающаяся на теоретические разработки зарубежных исследователей в

области цифровой экономики в интерпретации китайских экономистов. Показаны и проанализированы определяющие черты китайского пути развития цифровой экономики как реализации концепции «Интернет+», в основе которой лежит курс на интеграцию интернет–технологий с традиционными отраслями экономики Китая и выход бизнес–моделей этих отраслей в пространство онлайн. Обосновано авторское положение, что особенностью концепции «Интернет+» является ее позиционирование как универсального механизма развития цифровой экономики на основе китайских стандартов, применимых как для развитых, так и развивающихся стран;

4) выделены структурные составляющие ЦШП, базирующиеся на результатах цифровизации экономики Китая, особенности их формирования и развития. Показана и проанализирована роль сферы торговли как базового элемента для экспансии Китая на внешние рынки на современной стадии развития международных отношений страны и для развития ЦШП на текущем этапе; обоснована специфика ЦШП, состоящая не только в использовании цифровых инструментов (включая искусственный интеллект, интернет вещей, анализ больших данных), прошедших апробацию в Китае, но и в наращивании использования за рубежом ряда новейших технологий, определяющих сущность четвертой промышленной революции;

5) выявлены и охарактеризованы особенности стратегий цифровой экспансии высокотехнологичных китайских корпораций («Хуавэй» (华为), «Алибаба» (阿里巴巴), «Тэнсюнь» (腾讯) и других) в Российской Федерации и странах Центральной Азии, включая, включая стратегии слияний и поглощений (M&A), использования электронных платформ, маркетплейсов, маркетспейсов. Эти особенности состоят в превращении данных стратегий в органичную составляющую бизнес–стратегий принимающей страны (стратегия «компаний–хамелеона»), углублении проникновения цифровых технологий, формировании кластеров технологического бизнеса на основе китайских стандартов;

6) сформулированы предложения по развитию сотрудничества и сопряжения проектов ЦШП с цифровыми инициативами российских

предприятий и компаний других стран ЕАЭС и национальными программами развития цифровой экономики, установлены перспективные сферы такого сотрудничества в области искусственного интеллекта, интернета вещей и промышленного интернета, технологий обработки и хранения больших данных, цифровизации транспортно–логистической сферы, финтеха и других направлений.

Теоретическая значимость исследования состоит в формировании целостной авторской концепции многогранной теоретической сущности инициативы ОПОП и ее важной составляющей – «Цифрового Шелкового пути». Раскрыто содержание терминов, принципиально важных для проекта ЦШП: «сообщество единой судьбы человечества», «новая архитектура открытости», «инклюзивная экономика», «новый порядок Шелкового пути»; показана взаимосвязь между цифровизацией китайской экономики и реализацией концепции «китайской мечты»; показана роль ЦШП как важного элемента цифровизации мировой экономики. Полученные в ходе исследования процессов становления и развития ЦШП положения и выводы позволили сформулировать концептуальные подходы к сопряжению проектов цифровой экономики Китая, России и других стран ЕАЭС.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов, предложений и рекомендаций автора в работе государственных и корпоративных структур, занимающихся проблемами сопряжения проектов Китая и стран ЕАЭС в цифровой сфере при формировании и реализации конкурентоспособных инновационно-технологической и инвестиционной стратегий. Выводы диссертации могут оказать практическую помощь органам государственной власти Российской Федерации и Китая (в частности, Министерству экономического развития РФ, Министерству промышленности и торговли РФ, Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Федеральному Собранию и руководству субъектов РФ; Министерству промышленности и информатизации КНР, Министерству коммерции КНР, Госкомитету по вопросам развития и

реформ) в формировании стратегий инновационного развития и повышения международной конкурентоспособности, совершенствования экономических институтов. Положения и выводы диссертационного исследования могут быть полезны сотрудникам научно-исследовательских организаций (в исследованиях факторов и стратегий инновационного развития и цифровизации экономики). Материалы диссертации могут быть рекомендованы для использования в высших учебных заведениях в тематике учебных дисциплин: «Мировая экономика», «Международные экономические отношения», «Международный менеджмент», а также – курсов по выбору, включая спецкурс «Цифровая экономика в Китае».

Методологическая и эмпирическая база исследования. В диссертационной работе использовались научные методы системного, логического, структурного, факторного и сравнительного анализа. Информационно-теоретической основой исследования послужили статистические базы данных китайских правительственных учреждений, Государственного Статистического Управления (ГСУ, National Bureau of Statistics of China, NBS), специальные информационно-аналитические сборники, посвященные развитию ОПОП и ЦШП, годовые отчеты китайских организаций, ответственных за реализацию соответствующих инициатив и проектов, в т. ч. «Хуавэй» (华为), «Алибаба» (阿里巴巴), «Тэнсюнь» (腾讯) и др. Были использованы научные статьи, представленные в международных электронных библиотеках и базах «Соушэл Сайенс Ризёч Нетворк» (Social Science Research Network).

Положения, выносимые на защиту:

– необходимость современной трансформации модели глобализации мировой экономики, которая дальше не может эффективно функционировать в условиях доминирования одной страны и одной валюты на главенствующих принципах рыночного саморегулирования, приводит к поиску новой системы мирового сотрудничества на условиях взаимовыгодной кооперации и справедливого распределения получаемых эффектов с учетом усиления роли

государственного управления экономикой. В качестве будущей экономической модели мира можно рассматривать предложенную Китаем инициативу ОПОП и практические механизмы ее реализации как минимум на евразийском континенте на условиях сотрудничества, взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности. Обоснованием предполагаемой глобальной эффективности данной модели служат достижения китайской экономики, в основе которых – политика внешней открытости и современная ее трансформация в сторону «новой архитектуры» – институциональной открытости;

– инициатива ОПОП имеет важный характер в силу ее концептуальной значимости. ОПОП и ЭПШП как ее сухопутная часть рассматриваются не только как проекты решения внутренних проблем перестройки экономики в условиях «новой нормальности» и проблем внешней экспансии Китая с учетом поиска новых рынков сбыта. Данные инициативы справедливо рассматривать как вектор перехода на новые инструменты управления экономикой развивающихся стран в ее цифровом варианте с помощью ЦШП и новые условия сотрудничества между государствами в предлагаемой модели глобализации;

– ЦШП как цифровая основа ЭПШП имеет уникальный механизм экспансии, придуманный и успешно осуществляемый Китаем посредством его политики открытости. В основе ЦШП – платформенная модель формирования бизнес-среды, ориентированная как на сглаживание цифровых дисбалансов развития секторов национальной экономики и отдельных провинций Китая, так и экспансию современных технологий цифровизации китайской экономики в соседние страны по маршрутам ОПОП в стратегических целях формирования глобальной цифровой экосистемы. Первые успешные результаты экспансии и внедрения некоторых китайских технологий в соседних странах, например, странах Центральной Азии, могут служить определенным обоснованием эффективности инициативы и выступать весомым фактором в продолжение ее реализации;

– ЦШП является в широком смысле пространством цифровых решений и одновременно электронной средой взаимодействия как на внутреннем, так и на внешнем государственном уровнях. ЦШП задает некоторый универсальный стандарт и основу для понимания сущности цифровой экономики, единого определения которой в мире на сегодняшний день по-прежнему нет. В связи с этим повышается значимость совокупности составляющих ЦШП, поддерживаемая отсутствием готовых решений по ее формированию. Необходимо определять эффективные драйверы развития ЭПШП и выделять их в совокупность, которая может быть сформирована как из отдельных отраслей экономики (розничная торговля онлайн и офлайн), цифровых технологий Китая («Интернет+», «Золотой щит»), стратегий глобальных китайских ТНК («Хуавэй» (华为), «Алибаба» (阿里巴巴), «Тэнсюнь» (腾讯) и др.), так и из инструментов четвертой промышленной революции (искусственного интеллекта, облачных технологий, интернета вещей, блокчейна и пр.);

– необходима новая система коммуникаций и полноценного обеспечения геополитических и экономических интересов между двумя стратегическими партнерами Россией и Китаем в условиях их ориентации на формирование модели новой глобальной экономики. Базовым уровнем новой системы коммуникаций могут выступать эффективные процессы сопряжения проектов России и Китая и их системный характер;

– ЦШП как гибкий и динамичный инструмент способствует поиску политически и экономически выгодных решений для Китая и стран ЕАЭС с точки зрения обеспечения соблюдения интересов всех партнеров на текущем этапе развития ЭПШП. Сопряжение проектов ЕАЭС и Китая пока не носит системного характера, но поддается влиянию стратегии поэтапного продвижения инициативы на Запад и может рассматриваться как перспективное направление сотрудничества. Стратегии китайских ТНК при реализации проектов ЦШП обладают гибкостью и успешно подходят для проектов стран Центральной Азии.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует П.25 «Национальная экономика отдельных стран в системе мирохозяйственных связей: проблемы оптимизации взаимодействия и обеспечения национальных экономических интересов» Паспорта специальности 08.00.14 – Мировая экономика.

Публикации, материалы из которых включены в диссертацию.

При подготовке разделов диссертации 1.1. «Концепция открытости Китая внешнему миру как предпосылка выдвижения инициативы «Один пояс, один путь», 1.2. «Объективность формирования и реализации инициативы «Один пояс, один путь», 1.3. «Место проекта «Экономический пояс Шелкового пути» в реализации инициативы «Один пояс, один путь», 1.4. «Цифровая составляющая в обосновании нового формата «Шелкового пути», 2.1. «Инновационные стратегии развития Китая как предпосылка и основа выдвижения инициативы «Цифрового Шелкового пути», 2.2. «Цифровой Шелковый путь» как направление цифровизации экономики Китая», 2.3. «Основные элементы структуры «Цифрового Шелкового пути», 3.1.2. «Анализ перспективных платформ сопряжения проектов Китая и России в процессах цифровизации экономики», 3.2. «Направления сопряжения проекта «Цифрового Шелкового пути» с программами цифровизации экономики других стран Евразийского экономического союза», 3.3. «Реализация проектов «Цифрового Шелкового пути» в странах Центральной Азии» использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ им. М.В. Ломоносова, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Авдокушин Е.Ф., Лю И. Цифровизация экономического пояса шелкового пути // Современные научные исследования: исторический опыт и инновации (Якаевские чтения – 2019): сб. материалов XV Международной научно–практической конференции. – Краснодар: ИМСИТ, 2019. / ISBN 978–5–91020–036–8. – С.10 – 19 (1.1 п.л. / личный вклад 0.55 п.л.).

2. Барыкин С.А., Лю И. Предпосылки глобального развития рынка финтех в рамках концепции технологических укладов экономики К.Перес // Экономика Бизнес Банки. № 1 (28). 2019. – С.146 – 155 (0,77 п.л. / личный вклад 0,35 п.л.). (Пятилетний импакт-фактор журнала по РИНЦ: 0,449).

3. Лю И. «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь» // Инновации и инвестиции. № 12. 2020. – С.278 – 282 (0,75п.л.). (Пятилетний импакт-фактор журнала по РИНЦ: 0,155).

4. Лю И. Некоторые особенности становления и развития цифровой экономики в Китае // Вопросы новой экономики. № 4. 2019. – С. 44 – 47 (0,4 п.л.). (Пятилетний импакт-фактор журнала по РИНЦ: 0,272).

5. Лю И. Предпосылки выдвижения и факторы формирования цифрового шелкового пути // Вопросы новой экономики. № 3. 2019. – С.14 – 17 (0,45п.л.). (Пятилетний импакт-фактор журнала по РИНЦ: 0,272).

6. Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая // Мир новой экономики. № 1. 2019. – С.67 – 76 (0,99 п.л. / личный вклад 0,75 п.л.). (Пятилетний импакт-фактор журнала по РИНЦ: 1,258).

7. Лю И., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ Цифрового шелкового пути // Мир новой экономики. № 4. 2019. – С. 62 – 71 (0,99 п.л. / личный вклад 0,75 п.л.). (Пятилетний импакт-фактор журнала по РИНЦ: 1,258).

8. Cherniavska Olena V., Liu Yi-ru, Cherniavska Oleksandra D., Khan Imran and Zham Olena Scaling up chengyu's role in Xij Jinping's government policies concept: from specific Chinese national linguistic constructions up to markers and goals of the GEO // International Journal of Management. № 5. 2020. – P. 185 – 194. (0,82 п.л. / личный вклад 0,35 п.л.). (Пятилетний импакт-фактор журнала по CiteScore: 0,1).

Апробация результатов работы. Работа прошла апробацию на кафедре мировой экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Результаты работы докладывались на научных конференциях МГУ «Ломоносов

– 2018», «Ломоносовские чтения – 2018», РЭУ им. Плеханова Г.В. (декабрь 2018 г.), «Международной конференции молодых ученых Тайшань» в 2019 г. (Китай, г. Шаньдун). По теме диссертации опубликованы 8 (восемь) статей общим объемом 6,27 п.л., в том числе 1 (одна) статья – в журнале, индексируемом в базе данных «Скопус» (Scopus), 3 (три) статьи – в журналах из списка рекомендованных МГУ им. М.В. Ломоносова для опубликования результатов диссертационных исследований, 3 (три) статьи в научных изданиях, входящих в перечень ВАК.

Структура работы. Логика и структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав основного текста, заключения, списка использованных источников и приложений.

Глава I. Концептуальные основы «Цифрового Шелкового пути» как вектора проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и инновационной составляющей инициативы «Один пояс, один путь»

1.1. Концепция открытости Китая внешнему миру как предпосылка выдвижения инициативы «Один пояс, один путь»²

Более 40 лет назад, в 1978 г., на Третьем пленуме ЦК КПК впервые была обнародована идея о политике открытости Китая внешнему миру как отправной точке экономических реформ в стране.

В концептуальном аспекте политика внешней открытости (ПВО) – это система взаимозависимых сторон единой политики Китая, осуществляемой с начала 1980-х годов по выводу страны на передовые рубежи в мире и включающей в себя: нарастающее взаимодействие с внешним миром, прежде всего в сфере экономики, интеграцию в международное разделение труда, в международную торговую систему, привлечение зарубежных инвестиций и технологий, креативных идей, адаптированных к китайским реалиям и др.

Идея внешней открытости (对外开放 «дуйвай кайфан») стала началом долгосрочного изменения модели внешнеэкономической политики и одновременно – значимой предпосылкой экономической реформы Китая. Данная идея появилась вследствие кардинального пересмотра и отказа от сложившейся системы экономических отношений, т.е. от проводимой в 60– 70-е гг. XX века политики «опоры на собственные силы» (自力更生 «цзыли гэншэн») в духе автаркии, которая была основана на минимизации объемов всевозможного импорта: товаров, технологий, техники, иностранных инвестиций (в любой форме). Разворот сложившейся системы позволил снять

² При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная в соавторстве, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Cherniavska Olena V., Liu Yi-ru, Cherniavska Oleksandra D., Khan Imran and Zham Olena Scaling up chengyu's role in Xij Jinping's government policies concept: from specific Chinese national linguistic constructions up to markers and goals of the GEO // International Journal of Management. – 2020. – № 5. – P. 188 (0,82 п.л. / 0.35 п.л.).

ограничения и открыть внутренние рынки для импорта всех необходимых Китаю товаров и технологий.

Развитие ПВО на начальном этапе можно проанализировать посредством значимых цитат инициатора реформ КНР Дэн Сяопина (邓小平):

1) он впервые озвучил название новой политики и ее старт в июне 1980 г., заявив, что страна ускоряет выход на международную арену посредством «осуществления политики открытости», что предполагает расширение международных контактов, привлечение иностранного капитала и технологий для развития экономики³;

2) на четвертой сессии пятого созыва ВСНП он подчеркнул, что «реализация политики открытости внешнему миру является постоянным, неизменным курсом страны»⁴ (ноябрь 1981 г.);

3) в 1982 г. он отметил, что если не менять ПВО в течение ближайших 50 лет, то «в течение последующих 50 лет контакты Китая с мировой экономикой будут частыми и многократными, усилится взаимозависимость и неотрывность страны от мировых процессов»⁵, причем осуществление политики открытости не означает взаимодействие только с экономически развитыми странами (США, Япония, Западная Европа), но и «со странами Юго–Восточной Азии, СССР и странами Восточной Европы»⁶, т.е. открытость ко всем странам мира.

В декабре 1982 г. проведение ПВО было внесено как очень значимое положение деятельности государства в обновленную Конституцию КНР.

Идея открытости в 80–х гг. прошлого столетия встретила сопротивление и в партийно–правительственных, и в общественных кругах. Активные дискуссии способствовали эволюции взглядов китайских экспертов на политику открытости, осознание ее своевременной необходимости для развития национальной экономики и общества. Как результат, была

³ Дэн С. О строительстве специфически китайского социализма / С. Дэн. – Пекин: «Издательство литературы на иностранных языках», 1984. – С. 66.

⁴ Ван Ш. Чжунго дуйвай маои лунли юй чжэнцэ (Теория и политика внешней торговли Китая) / Ш. Ван. – Пекин: «Чжунго дуйвай цзинцзи маои чубаньшэ», 1989. – С. 56.

⁵ Ли Т. Теория и практика экономических реформ в КНР / Т. Ли. – М.: ИДВ РАН, 2000. – С. 119.

⁶ В период до 1991 г. Российская Федерация входила в состав СССР.

сформирована и официально утверждена целостная концепция ПВО как долгосрочная стратегия и основной рычаг преодоления экономического отставания, перехода в ранг догоняющего ведущих стран в развитии экономики с последующим прорывом в число лидеров внешней торговли и других видов внешнеэкономической деятельности⁷.

Политика открытости как важная составляющая модели построения «социализма с китайской спецификой» имеет двоякое содержание:

1) экономическое: стратегический вектор китайской внешнеэкономической политики, нацеленный на вывод страны на траекторию устойчивого развития и последующего рывка в число мировых лидеров посредством тактики заимствований разного рода экономических достижений развитых государств;

2) социокультурное: открытость (кайфан) предполагает открытость сознания жителей страны ко всему новому, инновационному, отказ от тормозящих догм (в т.ч. связанных с перегибами в период «культурной революции»).

Основными положениями ПВО выступают: (1) образование целостного народнохозяйственного комплекса, трендом развития которого является применение все большего числа рыночных механизмов под общим контролем государства и целенаправленное последовательное интегрирование в мировую хозяйственную систему; (2) максимально возможное использование сравнительных преимуществ страны в международном разделении труда; (3) обеспечение сбалансированного роста национальной экономики и доступности внутреннего рынка для привлечения иностранных товаров и технологий, капитала, знаний и др.

В качестве первых положительных результатов осуществления ПВО известный китайский научный деятель Ли Теин выделяет следующие: смену идеологической платформы экономического развития страны, заключающуюся

⁷ Линь И., Цой Ф., Ли Чж. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа / И. Линь, Ф. Цой. – М.: ИДВ РАН, 2001. – С. 177.

в развенчании теории автаркии; активное привлечение достижений науки и культуры, созданных и создаваемых усилиями всего человечества (и социалистическими, и капиталистическими странами) и сбалансированное использование двух типов ресурсов – внутреннего и внешнего; разработку и последующее практическое воплощение теории свободных экономических зон (СЭЗ); определение точного соотношения принципов открытости и «опоры на собственные силы»⁸, позволяющее эффективно задействовать внутренний ресурсный потенциал страны и внешний потенциал хозяйственных связей.

Последнее положение Ли Теина об оптимальной степени открытости национальной экономики рассмотрим подробнее как уникальную национальную особенность достижения экономического успеха (Таблица 1).

Таблица № 1 – Факторы, влияющие на реализацию ПВО

Фактор	Содержание
Политическая стабильность	обеспечение политической стабильности – главный фактор успеха ПВО. Основными критериями в основе обеспечения стабильности являются: развитие человеческого капитала, рост производительности труда и уровня жизни, благосостояния людей
Оптимальное соотношение ПВО и «и опоры на собственные силы»	интегрированное взаимодействие национальной и глобальной экономики на основе принципов взаимозаменяемости и взаимодополняемости. Опора на собственные силы – отправная точка для ПВО, и, наоборот, ПВО – основа для укрепления «собственных сил», т.е. работает циклический механизм их взаимодействия, ориентированный на защиту экономической безопасности страны
Постоянный контроль государства над реализацией ПВО	мониторинг и изменение отдельных аспектов ПВО при необходимости, в т.ч. оптимизация процессов ПВО, связанных с тарифным регулированием внешней торговли, управлением потоками иностранных инвестиций для интенсивного развития отдельных отраслей (ориентированных на экспорт и импортозамещение), валютным регулированием и др. Основная цель государственного контроля – обеспечение экономического роста, конкурентоспособности и национальной безопасности страны
Система азиатских ценностей	гармоничное существование и сотрудничество во всех направлениях человеческих взаимоотношений (семейных, деловых, государственных); бережливость и склонность к накоплению и др.

⁸ Ли Т. Теория и практика экономических реформ в КНР / Т. Ли. – М.: ИДВ РАН, 2000. – С. 117 – 118.

Фактор	Содержание
Влияние мировых рынков капитала	к началу реализации ПВО (начало 80-х гг. прошлого века) на глобальных финансовых рынках сложилась благоприятная конъюнктура, способствующая привлечению иностранных капиталов в страну
Особенности использования рабочей силы	значительная масса дешевой рабочей силы и ее эффективное использование позволили существенно экономить на себестоимости производства и производить значительные объемы продукции («фабрика по массовому производству»)
Наличие богатой диаспоры	наличие богатой китайской диаспоры, в т.ч. в развитых странах мира, сыграло значительную роль в быстром развитии экспортного и промышленного потенциала страны

Источник: разработано автором

Успешная реализация концепции открытости существенно повысила роль внешнего фактора и сгладила внутренние противоречия экономического развития⁹, что предопределило успех реформы в стране.

Реализация принципа оптимального соотношения «политики открытости и опоры на собственные силы» позволила руководителям КНР проводить эффективную рациональную внешнеторговую политику сочетания свободы торговли и протекционизма. По существу, это выражалось в расширении свободы торговли с учетом модификации и адаптации политики протекционизма под нужды страны. На практике данный подход выглядел как смелый эксперимент по использованию рациональных форм расширения экспортного производства и освоения импортных технологий, внедрению новых видов сотрудничества с иностранными партнерами.

Первые 20 лет реформ к началу XXI века показали, что выбранная модель ПВО является эффективной и оптимальной для условий Китая. За это время был выработан и реализован серьезный механизм интеграции страны в международное разделение труда с учетом своих сравнительных преимуществ. Данный механизм опирался на политическую и общественную поддержку и включал обширный инструментарий: модели импортозамещения, экспортной

⁹ Реализация политики внешней открытости способствовала и постепенному разрушению внутринациональных барьеров между отдельными провинциями и регионами. В 80-е гг. XX века еще существовали внутренние ограничения, неформальные границы между провинциями, на рынки которых не допускались товары из соседних провинций Китая.

ориентации и их уникальное сочетание; стратегию диверсификации внешнеторговых рынков посредством расширения номенклатуры экспорта готовой продукции; модель перехода от трудоемких и капиталоемких к наукоемким продуктам производства посредством использования передовых технологий и методов управления; стратегию оптимального использования внутренних ресурсов и резервов (рабочей силы, географического положения и др.); схемы делегирования полномочий и расширения прав производителей экспортной продукции при усилении валютного регулирования со стороны государства; стратегии расширения экономических связей на разных уровнях: от государственного до уровня хозяйствующих субъектов и пр.

Китайский опыт показал, что открытость – это не цель преобразований, а предпосылка повышения эффективности национальной экономики и уровня благосостояния общества.

На стыке веков встал вопрос о необходимости формирования видения долгосрочных перспектив экономического развития страны. Несмотря на то, что принципы ПВО по существу не менялись за весь период ее реализации, сама политика нуждалась в модификации в соответствии с требованиями новых глобальных экономических и политических вызовов и с учетом сохранения основной цели – служить потребностям и национальной безопасности экономического развития страны.

Новый этап реализации ПВО, начало которого пришлось на середину 10-х гг. XXI, постепенно приобретал глобалистский характер (подробнее этапы политики открытости представлены в Приложении 1 к исследованию).

Если стратегия «идти вовне» базировалась в нулевые годы XXI века на использовании сравнительных преимуществ лишь в завоевании отдельных сегментов мирового рынка, то практически после 2010 г. было принято решение о расширении экономической экспансии, осуществлении действительно глобальной внешнеэкономической деятельности, основанной на накопленном экономическом потенциале («мировая фабрика», триллионные золотовалютные резервы (ЗВР) и др.) и высокой инновационной составляющей.

Именно в этот период были поставлены задачи по переходу от «большой» к «могучей» державе, от «мировой фабрики» по сборке и производству товаров массового спроса по чужим технологиям к формированию на территории Китая технологических центров, разработке оригинальных китайских брендов, основанных на отечественных технологиях.

Продолжение ПВО строится на мощном потенциале глобализации, который, с одной стороны, рассматривается с точки зрения продолжения расширения и либерализации участия иностранных игроков в экономике Китая с целью реализации амбициозных целей «китайской мечты» о возрождении Китая, создания процветающего инновационного государства, формирования общества «сяокан» (小康) и «датун» (大同) (к 2049 г)¹⁰, а, с другой стороны, открывает глобальные возможности расширения присутствия китайских компаний на мировых рынках в области торговли, инвестиций, технологий (подробнее особенности эволюции политики открытости представлены в Приложении 2 к работе). Одним из дополнительных факторов, существенно повлиявших на изменения ПВО стало замедление темпов роста ВВП. В концентрированном виде все эти стратегии, настроения, цели и задачи продолжения реализации ПВО были представлены посредством выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП)¹¹.

Новые приоритеты развития экономики и новые критерии ее эффективности, заключающиеся в замене сверхвысоких темпов ВВП на средневые с высококачественным развитием, сформировали основу более серьезных требований к ПВО. Эти требования выражаются в разработке в стране плана по формированию «новой архитектуры всесторонней открытости». Всесторонняя открытость предполагает реализацию инициативы ОПОП во взаимодействии со странами, находящимися на ее маршрутах,

¹⁰ Cherniavska Olena V., Liu Yi-ru, Cherniavska Oleksandra D., Khan Imran and Zham Olena. Scaling up chengyu's role in Xijiping's government policies concept: from specific Chinese national linguistic constructions up to markers and goals of the GEO // International Journal of Management. – 2020. – №5 – P.188.

¹¹ Цзю Ц., Юй С. «И дай и лу» дэ диюань чжэнжи. Гоуцзянь хуася гунти, туйцзинь дуйвай кайфан синь чжаньлюэ 2.0 (Политическая география «Одного пояса, одного пути». Построение китайского общества и новая конструкция открытости Китая – Один пояс, один путь 2.0) / Ц. Цзю, С. Юй. – Ханчжоу: Чжэцзян дасюэ чубаньшэ, 2018. – С. 185.

посредством расширения и укрепления роли механизмов двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Содержание «всесторонней открытости» включает ключевые направления, о которых Си Цзиньпин (习近平) заявил в августе 2018 г. на Беооском азиатском форуме, а затем развил их в выступлении на 2-м Форуме, посвященном инициативе «Пояс и путь» в Пекине в апреле 2019 г.¹²: 1) более весомый приоритет курсу ПВО; 2) расширение возможностей доступа иностранного капитала на внутренний рынок; 3) акцент на сотрудничество в сфере защиты интеллектуальной собственности; 4) рост объемов импорта товаров и услуг; 5) повышение эффективности координации экономической геополитики.

Председатель КНР на фоне подведения первых итогов развития новой модели ПВО говорил о стратегической целесообразности создания «благоприятной инвестиционной среды» как минимум в странах–участницах ОПОП¹³, что, в конечном результате, должно привести к обоюдному процветанию и Китая, и других стран, сделать сотрудничество прогрессивным и открытым.

В рамках открытой политики Китай ускоряет реализацию стратегии по созданию широкой сети зон свободной торговли (ЗСТ) в регионах, находящихся на маршрутах ОПОП. Для этого по состоянию на конец 2018 г. Китаем уже было подписано 24 соглашения о свободной торговле¹⁴, т.е. страна выступает против протекционизма, что необходимо при ориентации на успешную реализацию ОПОП. Китай объявил о намерениях в течение 5 лет, начиная с 2019 г. импортировать товаров на 8 трлн. долл. США, привлечь инвестиций на 600 млрд. долл. США и обеспечить 700 млн. поездок своих туристов за рубеж¹⁵.

¹² Речь Си Цзиньпина на церемонии открытия II Форума по международному сотрудничеству инициативы «Один пояс и один путь» // Информационное приложение Россия–Китай. – 2019. – № 4. – С. 35.

¹³ Там же. – С. 37.

¹⁴ Китай ведет переговоры с 27 странами по двенадцати зонам свободной торговли по модернизации существующих и по созданию новых зон.

¹⁵ Тавровский, Ю. Первый юбилей / Ю. Тавровский // Китай. – 2018. – № 9. – С. 9.

Внутри страны также происходят изменения. Планируя масштабное развитие внешней торговли, Китай выполнил все обязательства, принятые при присоединении к ВТО. В частности, в период с 2010 г. по 2017 г. были выполнены запланированные действия в сферах торговли товарами и услугами: планомерно снижался порог доступа иностранного капитала на рынок Китая, для зарубежных инвесторов улучшался деловой климат, снижался общий уровень таможенных тарифов, сокращались нетарифные меры, последовательно реализовался принцип равноправного подхода к зарубежным хозяйствующим субъектам, было отменено лицензирование тех видов деятельности, которые не подлежат административному лицензированию и др. В течение рассматриваемого периода был также существенно либерализован режим доступа иностранных инвесторов на китайские фондовые площадки материкового Китая, предоставлено право обладать контрольным пакетом акций или право ведения самостоятельной хозяйственной деятельности. Си Цзиньпин (习近平) в мае 2017 г. на очередном форуме настаивал на открытости и доступности ОПОП в целях сбалансированного развития и роста ВВП всех стран–участниц данной инициативы.

В целом открытая политика на новом этапе ориентирована на строительство глобальной экономики на основе либерализации торговли с учетом принципов взаимной выгоды, инклюзивности и всеобщности при решительной борьбе с унилатерализмом и торговым протекционизмом в системе международных экономических отношений¹⁶. Инициатива ОПОП дает возможности реализовать данные идеи и принципы, поскольку она ориентирована на сопряжение предлагаемой инновационной модели сотрудничества с уже действующими региональными институтами и проектами.

Китай на основе ОПОП постепенно переходит от открытости движения товаров и факторов производства к институциональной открытости¹⁷,

¹⁶ Видения и действия по совместному построению Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути 21 века: офиц. текст 28.03.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm>

¹⁷ Коммюнике Четвертого пленума ЦК КПК 18-го созыва: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://russian.people.com.cn/31857/310514>.

предполагая руководствоваться более высокими стандартами и развивая открытость вширь и вглубь на инклюзивной основе. За этими идеями о взаимной открытости просматривается либо ее идеалистическая трактовка, либо ее выдвижение с позиций сильной стороны, которой необходимы новые рынки сбыта и ресурсы. Глобалистская идея открытости, в первую очередь, на руку сильным, доминирующим и самодостаточным экономикам, среди которых сегодня находится и Китай¹⁸.

Ратуя за глобальную открытость национальных экономик, Китай забывает о своей истории развития ПВО, которая реализовывалась поэтапно, осторожно, исходя из достигнутых результатов роста экономики и международной экономической конъюнктуры. Вряд ли Китай согласился бы с идеей глобальной открытости в 80–е гг. и в 90–е гг. XX века, да и в начале XXI века. Лишь после того, как он стал мировым лидером в торговле товарами, начал международную экспансию капитала, он объявил себя сторонником фритредерства, глобализма, всеобщей открытости экономик. Как отмечал в 2019 г. Си Цзиньпин(习近平), «Китай самостоятельно выбрал вектор расширения открытости, поскольку это решение соответствует объективным потребностям политики экономических реформ»¹⁹. Здесь очевиден справедливый вывод: нужна именно та открытость, которая соответствует объективным потребностям той или иной страны, и никакие призывы не приведут к расширению открытости национальных рынков, если не созрели объективные условия.

Модернизация крупных стран только за счет открытости экономики, внешних факторов была опровергнута как в теории (Д. Родрик, А. Илларионов и др.), где было показано отсутствие прямой связи между уровнем открытости и экономическим ростом, так и на практике.

¹⁸ Чжунго «И дай и лу» тоуцзы аньцюань яньцзю баогао (Ежегодный исследовательский доклад об инвестиционной безопасности реализации «пояса и пути» Китая / под ред. Цзи Цзиньбяо, Лан Угуан. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – С. 109.

¹⁹ Речь Си Цзиньпина на церемонии открытия II Форума по международному сотрудничеству инициативы «Один пояс и один путь» // Информационное приложение Россия–Китай. – 2019. – № 4. – С. 37.

Определенно можно констатировать, что китайская модель ПВО строилась с позиций сильного мирового игрока. Об этом говорил и французский экономист Мишель Пебро, когда характеризовал открытость и свободную торговлю как «лучшие условия игры для сильных экономик»²⁰ (подчеркнуто автором), и достаточно «опасные правила для слабых конкурентов», поскольку есть риски подчинения слабого более сильному игроку и объективное появление такой системы взаимоотношений как «экономический «колониализм»»²¹. В этой связи проведение общей политики открытости, на которой настаивают китайские эксперты и которая наполнена призывами к сотрудничеству, взаимопониманию, взаимовыгодности, на практике может привести к негативному результату для отдельных государств.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что с ОПОП начался качественно новый этап в разработке и реализации ПВО²², а идеологическое обоснование и практическое продвижение инициативы ОПОП справедливо рассматривать как реализацию курса на выход Китая в глобальные лидеры.

1.2. Объективность формирования и реализации инициативы Один пояс, один путь»²³

С момента своего обнародования инициатива ОПОП реализуется уже почти семь лет. За это время она нарастила материальную основу развития, постепенно приобрела характер концептуальной стратегии, которая может быть экспортируема в другие страны как панацея по решению региональных и глобальных проблем как в области экономики, так и международных отношений.

²⁰ Пебро М. Международные экономические, валютные и финансовые отношения / М. Пебро. Пер. с фр. О. С. Савкевич, М. М. Литвякова. – М., 1994. – С. 211.

²¹ Там же. – С. 212.

²² Francopan P. New Silk Road / P. Francopan. – London: Oxford Press, 2018. – 356 p.

²³ При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная в соавторстве, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экономики Китая // Мир новой экономики. – 2019. – № 1. – С. 70 (0,99 п.л. / 0.75 п.л.).

Инициатива ОПОП базируется на самостоятельном использовании Китаем инструментария глобализации. Формулируя данную инициативу, Китай фактически предложил доктрину новой глобализации – «справедливой», «инклюзивной» концепции мирового управления – в противовес существующей западной модели, ориентированной на благосостояние развитых стран (G7).

В основе масштабного характера ОПОП находятся: предпосылки и движущие силы этой инициативы; объективные и субъективные причины ее выдвижения; обоснование концепции с точки зрения экономической теории и практики современных международных отношений; конечные цели ОПОП. Рассмотрим подробнее причины и предпосылки создания ОПОП (Таблица 2).

Таблица № 2 – Причины и предпосылки формирования инициативы ОПОП

Причины и предпосылки	Содержание
Снижение темпов экономического роста	ОПОП (и ее сухопутная часть – «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП)) как надежда нивелировать проблему падающих темпов и избежать «ловушки среднего дохода»
Формирование стратегии «новой нормальности» ²⁴ (синь чантай) и переход к средневысоким темпам роста	мировой кризис и снижение темпов роста ВВП способствовали организации серьезной внутренней перестройки экономики (приоритет на сферу услуг, стимулирование внутреннего спроса, опору на собственные силы в области инноваций, переход к высококачественному инновационному развитию) и появлению стратегии «новой нормальности» (посткризисный период 2008/2009 гг.) ²⁵ , движущей силой которой стал проект ОПОП
Опора на собственные силы в условиях длительного перехода к новой глобальной модели развития	ОПОП как фактор обеспечения внутренней опоры страны: – сохранение статуса «мировой фабрики массового производства», крупнейшего товарного экспортера в мире, крупнейшего зарубежного инвестора (экспортера капитала) для многих стран, страны с большим числом глобальных ТНК и др.; – значительный объем ЗВР; – необходимость реализации национальных целевых показателей (осуществление «китайской мечты», ликвидация бедности и пр.)

²⁴ Чжоу, Ю. Формирование новой парадигмы открытости / Ю. Чжоу // Китай. – 2018 – № 4. – С. 12; Кокарев К.А. «Новое нормальное» состояние и «вторая реформа» Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/11823>

²⁵ Ху А. Синь чантайся чжунго цзян бяньянь гэн чжунъяо дэ вэньдин цизяюсе (При новой нормальности Китай будет играть более важную роль стабилизатора) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://china.huanqiu.com/article/9CaKrnJJ5G4>

Причины и предпосылки	Содержание
Необходимость обеспечения внутренней занятости и стабилизации темпов роста ВВП	ОПОП как решение экономической и социальной задач государства: в экспортных отраслях Китая занято 30 млн. чел., с учетом смежных производств занятость составляет 100 млн. чел. Внутренний спрос пока не растет нужными темпами (механизмы его стимулирования только формируются), поэтому сокращение экспорта и стимулирование внутреннего потребления пока несут высокие риски не достигнуть планируемых темпов роста ВВП и не выполнить поставленные социальные задачи
Необходимость ликвидации отсталости западных регионов и нивелирование дисбалансов развития западных и восточных провинций Китая	ОПОП как проект сбалансированности развития всех районов страны, модернизации устаревшего производства: действующая с начала XXI в. программа крупномасштабного освоения западных территорий Китая (12 провинций) оказалась малоэффективной ²⁶ . Развитие районов запада как транспортных хабов в рамках ЭПШП, а также – ускорение модернизации промышленности северо-восточных районов учетом тенденций развития «4-ой промреволюции»
Наличие излишних производственных мощностей	ОПОП как возможность переноса затрудняющих внутреннюю перестройку экономики мощностей (экологоемких) в страны первичной индустриализации, в первую очередь, Центральной Азии, по маршруту ЭПШП – китайский вариант «плана Маршалла»
Наличие больших объемов ЗВР в долларах США (более 3 трлн. долл. США)	ОПОП как возможность сохранения накоплений в реальных объектах: масштабное кредитование стран вдоль маршрутов ОПОП под реальные экономические проекты (сохранение долларовых ресурсов) и прямые инвестиции в зарубежные объекты (вложение средств в миноритарные и мажоритарные пакеты акций различных бизнесов)

Источник: разработано автором

Представленные причины и предпосылки формирования инициативы ОПОП (Таблица 2) определяют ее как очень разнонаправленную программу: сила, призванная обеспечить средневысокие темпы роста; фактор надежности опоры на собственные силы при реализации модели глобальной экспансии; фактор обеспечения занятости отдаленных западных и северо–западных районов в рамках реализации сухопутной части ОПОП – ЭПШП и др. Подобные характеристики накладывают серьезные обязательства на ОПОП и требуют точности, гибкости и сбалансированности всех механизмов реализации данного проекта.

²⁶ Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экономики Китая // Мир новой экономики. – 2019. – № 1. – С. 70 (0,99 п.л. / 0.75 п.л.).

Обратим внимание на то, что Китай и здесь использует свою эффективную стратегию копирования лучших технологий Запада и быстрого их внедрения. Известный экономист Линь Ифу еще в 2009 г. высказал идею о реализации в Китае подобной стратегии с учетом национальной специфики и на основе накопленных ЗВР и производственных резервов (китайский «план Маршалла»). План предполагает предоставление внешнего финансирования для обеспечения выхода компаний Китая в другие страны, размещение избыточных производственных мощностей в бедных странах и, таким образом, их сокращение в Китае, содействие интернационализации юаня. «План Маршалла» с китайской спецификой²⁷ практически во многом копирует американский оригинал, благодаря чему США свои избыточные производственные возможности, товарную массу и долларовую помощь трансформировали в государственные долги стран–получателей, что способствовало международному доминированию американского доллара.

Обобщая все представленные причины и предпосылки создания ОПОП (Таблица 2), можно отметить, что инициатива в целом выступает инструментом разрешения одного из основных современных противоречий развития страны: снижающиеся темпы роста ВВП и необходимость выполнения главного целевого показателя к 2020 г. – увеличения в 4 раза ВВП и достижения на социальном уровне этапа «малого благоденствия» (сяокан – 小康, средний уровень зажиточности населения²⁸). Достижение данных целей требует роста ВВП не менее 6 % в год.

Между тем, по некоторым расчетам снижение темпов роста ВВП Китая не является абсолютным фактором, влияющим на физические объемы ВВП. Общий объем экономики страны в 2017 г. превысил 10 трлн. долл. США. При такой величине ее рост на 1% дает рост ВВП более чем на 100 млрд. долл.

²⁷ Цзэн Вэй. План Маршала китайской версии по содействию развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.jinji21.cdih.com\(2014/5-1/2 OMDAZNTffMTE INDA=OA.html](http://www.jinji21.cdih.com(2014/5-1/2 OMDAZNTffMTE INDA=OA.html).

²⁸ 13-я пятилетка (2016 – 2020 гг.) – важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан»: сб. статей. – М.: ИДВ РАН, 2018. – С. 156; Островский А.В. Планы 13-й пятилетки: как построить общество «сяокан» в Китае к 2020 году (по материалам 4-й сессии ВСНП 12-го созыва, март 2016 г.): доклады ИДВ 2016. – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 8.

США, что в базовых ценах 2010 г. составляет порядка 1,8 % роста ВВП. Исходя из этого, увеличение ВВП на 6,5 % в 2010 г. равнозначно значению этого показателя в 10 % в 2019 г. Если в качестве базовых взять цены 2000 г. (время обнародования целевых показателей ВВП на XVI съезде КПК), то ВВП страны уже в 2017 г. в 4,5 раза превысил аналогичный показатель 2000 г. Дополнительные оценки позволяют уточнить и среднегодовой темп роста ВВП с 2000 по 2017 гг. – около 9,3 %. Таким образом, по факту целевые показатели роста ВВП (в 4 раза с 2000 г. к 2020 г.) выполнены²⁹.

Насколько ОПОП повлияла на достижение целевого показателя ВВП сложно оценить, поскольку статистика в Китае пока не дифференцирует вклады проектов ОПОП и общей экономической деятельности, а также – затраты на развитие проектов инициативы на внутренних маршрутах Китая и общую экономическую поддержку регионов, где проходит «Пояс и путь».

Инициатива ОПОП продолжает активно развиваться, имеет динамическую структуру, допускает формирование новых проектов и др. Рассмотрим подробнее этапы ее развития.

I этап развития инициативы ОПОП (2012 – 2016 гг.)

Глобальный проект ОПОП изначально (с конца 2012 г.) рассматривался преимущественно как механизм выравнивания диспропорций развития западных и северо–западных районов Китая, в т.ч. посредством сотрудничества с приграничными странами Центральной Азии. С 2013 г. после провозглашения Си Цзиньпином инициатив ЭПШП и «Морского шелкового пути XXI» (МШП 21) акцент был поставлен на внешний аспект ОПОП при сохранении актуальности внутреннего. Дополним, что в этот период инициатива ОПОП рассматривалась в том числе как определенный ответ Китая на различные проекты других стран, связанные с возобновлением сотрудничества под эгидой успешного взаимодействия в рамках старого «Шелкового пути» и с учетом своих собственных интересов. Подобные проекты предлагали США, Япония,

²⁹Ху Аньган. 10 важных положительных моментов в развитии экономики КНР в 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.theorychina.org/xsxy_2477/201702/t20170208_350182.shtml.

Южная Корея, Россия («Трансевропейский пояс») и др. Большинство предложенных иностранных проектов носили преимущественно локальный характер, концентрировались на выгодном для выдвинувших их стран использовании ресурсов и территорий государств Центральной Азии³⁰.

Формирование стратегии «новой нормальности» и усиление значимости внешнеэкономической деятельности КНР позволило с 2015 г. рассматривать ОПОП как ключевой фактор, определяющий внешнюю экспансию.

На фоне успехов внешней торговли по факту освоения товарного рынка США и достижения существенного положительного торгового баланса в свою пользу Китай вызвал серьезное сопротивление со стороны США. Появились со стороны американских экспертов обвинения китайской стороны в несправедливой торговле, демпинге и нечестной конкуренции, необоснованном манипулировании курсом юаня и пр. С 2015 г. и позднее, с приходом к власти Д. Трампа, Китаю фактически была объявлена «торговая война», которая негативно повлияла на развитие проектов МШП 21 и подтолкнула Китай к более активному освоению рынков Центральной Азии (далее – ЦА) и сотрудничеству со странами–участницами ЭПШП (в т.ч. и Южной Азии), а также – выходу на более дальние рынки Африки и Латинской Америки. Не следует сбрасывать со счетов и такой аспект выдвижения ОПОП как диверсификацию торговых путей для товарной экспансии Китая. В рамках ЭПШП это шесть сухопутных маршрутов – коридоров, три из которых нацелены на Европу, где освоение рынков Китаем шло менее успешно. Выдвигая инициативу ОПОП, Китай вступал в конкурентную борьбу с США в т.ч. и за европейский рынок, попутно стараясь «освоить» и рынки стран ЦА.

На первом этапе ОПОП Китай стремился диверсифицировать и нарастить собственные ресурсы, в частности, в Африке и других регионах. Данная стратегия осуществлялась по факту крупнейшими сырьевыми и технологическими ТНК с помощью покупки активов, сделок слияния и

³⁰ Авдокушин, Е.Ф. Тигр прыгнул, дракон взлетел – проект «Один пояс – один путь»: теория и практика // Вопросы новой экономики. – 2015. – № 4. – С.16.

поглощения (M&A) и создания совместных предприятий. В тот период Китай стремился (и сейчас продолжает это активно делать) продвигать юань как одну из свободно конвертируемых валют мира, чему существенно помогло включение юаня (с 1 октября 2016 г.) в список валют для формирования курса SDR (Special drawing rights) в корзине МВФ.

Примерно в это время (с середины 2016 г.) руководству КНР становится понятно, что необходимо переводить ОПОП на новый этап.

Продолжение I этапа (переходный период ко 2 этапу) (2016 – сер. 2017 г.)

Поскольку ОПОП встретила достаточно благожелательный отклик во многих странах мира, в 2016 г. Китай начинает ее концептуализировать и активно продвигать как новый механизм глобального управления и даже больше – как «ключевую идеологию» современного развития³¹ на основе нового постулата – строительства «сообщества единой судьбы человечества» (об этом в 2017 г. на Давосском форуме прозвучало заявление Си Цзиньпина (习近平), т.е. о готовности Китая взять на себя роль главного глобального игрока, у которого есть соответствующий реальный механизм строительства нового глобального будущего).

Масштаб реализации ОПОП, активная презентация идеи данной инициативы, работа ученых и экспертов в Китае позволили углубить теоретическое (в большом количестве статей, докладов на разного рода научных конференциях) и практическое обоснование ОПОП (по факту реализации значительного количества инфраструктурных и технологических проектов в странах по маршрутам ЭПШП), подвести под эту инициативу серьезную финансовую основу (на базе специальных финансовых структур, в частности, Фонда Шелкового пути, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и др.).

Пекинский форум (в мае 2017 г.) фактически подвел итоги первого этапа реализации ОПОП и наметил новые горизонты. Инициатива «Один пояс, один путь» уже рассматривалась как стратегическая концепция формирования

³¹ Линь, И. Версия «Пояса и пути 2.0» / И. Линь // Китай. – 2017. – № 5. – С. 22.

китайской модели глобальной экономики. Интерес к проекту ОПОП в мире был существенный, обоснования ОПОП были подкреплены практикой и достаточно аргументированы, т. е. инициатива стала реальным практическим механизмом внешней политики Китая³².

Усиление обоснований и аргументаций необходимости реализации ОПОП как новой модели глобализации удачно вписалось в поиск разными странами альтернативных решений для действующей старой системы. Кризис западных представлений об оптимальном варианте глобального мироустройства еще больше стимулировал Китай к активному продвижению концепции ОПОП.

Пекинский форум позволил Китаю уверенно закрепиться на своих позициях в продвижении ОПОП как оптимальной концепции глобализации будущего и перейти к формированию практических механизмов реализации инициативы с учетом полученного опыта предыдущих нескольких лет, в т. ч. с учетом рисков, потерь, внедрения новых инструментов сотрудничества и кооперации и пр. Здесь речь о том, что ОПОП становилась уже не просто инициативой, т. е. своеобразным заявлением о намерениях, а проектом с концепцией и планом реализации, ресурсной базой, целевыми показателями для участников и др.

Одним из существенных препятствий на первом этапе ОПОП стал вопрос о равноправном взаимодействии Китая и стран-участниц. Дело в том, что многие страны на маршрутах инициативы (например, Таиланд, Малайзия, Непал, Афганистан и др.) были вынуждены отказаться от конкретных проектов или приостановить их в связи с финансовым закабалением, т.е. Китай посредством кредитов ставил страны в зависимое положение (т.е. шел по пути США, используя технологии финансового доминирования). При строительстве тех или иных объектов в других странах были заняты, по большей части, китайские рабочие (а не местное население) и использовались китайские

³²Китайско-российское сотрудничество в рамках проекта «Один пояс – один путь» «—代—路背景下的中俄合作»: сборник материалов форума на китайском языке. – Шеньян: Ляолинский университет, 2017. – С. 245.

ресурсы (материалы, оборудование и пр.), региональные ресурсы часто игнорировались вообще. В результате появились такие негативные оценки экономического сотрудничества с Китаем в рамках ОПОП как «китайская экономическая колонизация», «империализм с китайской спецификой» и др.³³.

Первая проблема породила вторую – растущую конкуренцию с развитыми странами мира за доминирование в регионах ОПОП, поскольку видя недовольство, развитые страны (США, Япония) стараются обернуть его в свою пользу и предложить собственные проекты. Сопротивление других стран – это значительное препятствие на пути реализации новой китайской модели глобализации.

Таким образом, первый этап показал, что исключительно политических и экономических мощностей Китая недостаточно для масштабного доминирования (с учетом наличия существенных проблем и рисков).

II этап развития инициативы ОПОП (сер. 2017 г. – наст. время)

Совокупность всех результатов реализации инициативы на первом этапе требовала нового решения и нового видения механизма продвижения проекта.

В результате с середины 2017 г. начался новый этап развития ОПОП, получивший название «версия 2.0»³⁴. Второй этап характеризуется рядом принципиальных моментов:

- 1) учет рисков и сложностей, выявленных на первом этапе, в дальнейшей практической реализации проекта;
- 2) усиление акцента на внутренний аспект осуществления ОПОП;
- 3) серьезная теоретико–методологическая проработка инициативы ОПОП как концепции в основе пути к «китайской мечте» о возрождении Китая;
- 4) выдвигание развития цифровой экономики и модели «Цифрового Шелкового пути» (ЦШП). Здесь поясним, что глобальный характер ОПОП отражает многие современные мировые тренды, поэтому включает

³³ Мид, У.Р. Китай и «ловушка Ленина» / У.Р. Мид // Ведомости. – 2018. – 27 сентября.

³⁴ Цзю Ц., Юй С. «И дай и лу» дэ диюань чжэнжи. Гоуцзянь хуася гунти, туйцзинь дуйвай кайфан синь чжаньлюэ 2.0 (Политическая география «Одного пояса, одного пути». Построение китайского общества и новая конструкция открытости Китая – Один пояс, один путь 2.0) / Ц. Цзю, С. Юй. – Ханчжоу: Чжэцзян дасюэ чубаньшэ, 2018. – С. 277.

экологический «Зеленый путь», интеллектуальный «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП) и др. Идея ЦШП (выдвинутая Си Цзиньпином в докладе на 1-ом Форуме ОПОП в мае 2017 г.) основана на внедрении инструментов «4-ой промышленной революции» («Индустрии 4.0») как главного вектора глобальной экономики.

Анализ ситуации с практическим развитием инициативы ОПОП при подготовке XIX съезда КПК (осень 2017 г.) показал, что Китаю важно объективно учитывать и соизмерять собственные возможности и внешнюю обстановку для реализации проектов. Именно здесь пришло понимание, что охватить все страны на маршрутах «Пояса и пути» невозможно, даже с наличием мощного ресурсного и производственного потенциалов Китая. Поэтому на съезде было предложено сконцентрироваться на нуждах внутреннего развития страны, а ЭПШП должен способствовать развитию, прежде всего, западного и северо-западного районов Китая посредством использования дивидендов от внешней экспансии этой инициативы. Руководство Китая фактически признало поспешными свои действия в стремлении осуществить быструю и эффективную реализацию ОПОП в одиночку. Очевидно, что только инвестиций надо более 10 трлн. долл. США, причем такого объема ресурсов хватит, по мнению китайских экспертов, только на 5 лет, с 2016 г. по 2020 гг.³⁵. Для сравнения ВВП Китая почти в 3 раза меньше этой суммы (чуть более 3 трлн. долл. США на июнь 2020 г.).

По большому счету, Китай столкнулся с необходимостью формирования глобального механизма привлечения инвестиций в реализацию международных проектов ОПОП. Собственные ресурсы мобилизуются максимально возможно, что подтверждает и позиция лидера КНР, который обещал выделить для ОПОП 100 млрд. долл. США. Работают финансовые фонды, созданные под ОПОП, но и здесь практически 90 % ресурсов принадлежат Китаю, а в целом требуется финансирование в объемах свыше 20 трлн. долл. США.

³⁵ Чжао, М. Наши общие пути / М. Чжао // Китай. – 2018. – № 4. – С. 15.

Именно на втором этапе, после анализа первых неудач, после полного осознания масштаба поставленной задачи по реализации ОПОП в китайских политических и экономических кругах стали ставить вопрос о своевременности обозначения своей позиции в новой глобальной реальности³⁶. Критики говорят о преждевременном «выходе из тени» и ставят под сомнение проводимый курс ОПОП, апеллируя к завету Дэна Сяопина «оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения»³⁷. Не отрицая явных достижений страны и изменения ее положения в мире, они призывают «скрывать глобальные амбиции и продолжать наращивать экономическую и технологическую мощь страны»³⁸.

С одной стороны, такое внимание к ОПОП и заявлениям китайского руководства о готовности страны к глобальной конкуренции с США не могут не вызывать волну критики и внутри Китая, и за его пределами. Однако объективный анализ процесса «выхода вовне» с помощью ОПОП позволяет оценивать этот выход как практически неизбежный, обусловленный факторами «новой нормальности» глобальной экономики и внутренними проблемами Китая. На наш взгляд, выбранная стратегия открытого заявления о своих намерениях предполагает больше доверия и поддержки, нежели позиция скрывать мотивы, которые и так всем очевидны.

На текущем этапе развития ОПОП китайские специалисты стремятся научно обосновать эту инициативу и трансформировать ее в полноценную концептуальную стратегию, имеющую идеологическую основу и четкое видение будущего результата³⁹. Если кратко охарактеризовать концептуальную составляющую ОПОП, то, по мнению директора Института исследования проблем глобализации и модернизации Китая профессора Ван Чжиминя (王志民), она заключается в мирном сотрудничестве, инклюзивной открытости,

³⁶ Цыплаков, С. Как в Китае выполняются заветы Дэна Сяопина / С. Цыплаков // Независимая газета. – 2018. – 29 октября.

³⁷ Пивоварова Э.П. Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР / Э.П. Пивоварова. – М.: ИДВ РАН, 2018. – С. 28.

³⁸ Лукин, А. Соккрытие возможностей или триумфальное шествие? / А. Лукин // Независимая газета. – 2018. – 20 ноября.

³⁹ Минцберг Г. Менеджмент. Природа и структура организаций глазами гуру / Г. Минцберг. Пер. с англ. О. Медведь. – М.: Эксмо, 2009. – С. 126.

взаимопомощи и взаимовыгодности, независимо от экономической и политической мощи стран⁴⁰. Кроме того, инициативу ОПОП рассматривают как составляющую концепции отношений Китая с соседними странами, обозначаемую в современной китайской дипломатии четырьмя иероглифами – цинь, чэн, хуэй, да (дружелюбие, искренность, взаимовыгодность, толерантность)⁴¹. О подобных составляющих концепции ОПОП говорят профессора Чжао Лэй (赵磊), Чжан Юаньмин (张源铭)⁴² и др.

С точки зрения концептуальной структуры ОПОП отметим, что создание «сообщества единой судьбы человечества» является главной целью инициативы, выстраиваемой на основе общих интересов и принципах сотрудничества и взаимовыгодности посредством консультаций и совместного строительства в соответствии с интересами всех сотрудничающих стран. Однако, следует отметить и предначертанность «единой судьбы», т.е. судьбу мира по существу включают в рамки новой модели глобализации на основе ОПОП, где руководит Китай.

Для Китая реализация инициативы ОПОП является важнейшим драйвером, нацеленным на достижение «двух целей столетия»:

1) к 2021 г. к столетнему юбилею Коммунистической партии страны достигнуть «китайской мечты» по формированию общества «сяокан» (小康), т.е. общества среднего класса (среднезажиточное общество);

2) к 2049 г. к столетию КНР обеспечить «возрождения Китая», превращение его в инновационное процветающее государство⁴³.

Обобщая все вышесказанное об ОПОП, в настоящем исследовании предлагаем данную инициативу рассматривать как *концепцию, нацеленную на формирование нового механизма глобальной кооперации стран на принципах*

⁴⁰ И дай и лу» 2.0: чжунго инлинся лэ сылу синь гэцзю («Один пояс, один путь» 2.0. Китай в условиях новой структуры шелкового пути) / Под ред. Линь Ифу. – Хуанчжоу: Чжэцзян дасюэчубаньшэ, 2018. – С. 28.

⁴¹ Чунцин динвэй Чунцин динвэй «И дай и лу» чжанлюэ чжидянь цу маои цзоуцзинь синь шидай. Чжуанти баогао (Позиционирование Чунцина как стратегической точки опоры «Одного пояса, одного пути» для продвижения торговли в новую эру. Специальный доклад) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cq.people.com.cn/n/2015/0616/c367889-25262359.html>

⁴² Чжан, Ю. Сотрудничество нового типа / Ю. Чжан // Китай. – 2017. – № 5. – С. 33.

⁴³ И дай и лу» 2.0: чжунго инлинся лэ сылу синь гэцзю («Один пояс, один путь» 2.0. Китай в условиях новой структуры шелкового пути) / Под ред. Линь Ифу. – Хуанчжоу: Чжэцзян дасюэчубаньшэ, 2018. – С. 37.

сотрудничества, взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности в направлении «сообщества единой судьбы» посредством инновационного механизма реализации. В продолжение исследования определим точнее, что входит в такой механизм и как его можно использовать при реализации глобальных программ.

Таким образом, ОПОП – стратегическая концепция развития Китая и, возможно, модель новой глобальной экономики, имеющая долгосрочный характер, динамическую структуру и требующая постоянного внимания.

1.3. Место проекта «Экономический пояс Шелкового пути» в реализации инициативы «Один пояс, один путь»⁴⁴

«Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) является неотъемлемой частью инициативы проекта ОПОП, определяет составляющую «пояс» в этой инициативе и сухопутную часть маршрутов реализации проектов. ЭПШП, с одной стороны, базируется на историческом моменте возрождения маршрута древнего Шелкового пути, а, с другой стороны, в системном аспекте определяет вектор геополитических интересов Китая на Евразийском континенте. Другими словами, ЭПШП строится на положительном опыте экономического сотрудничества стран Евразии в далеком прошлом и современной готовности Китая и партнеров (стран, поддержавших инициативу) его возобновлять на позициях, адаптированных к экономическим реалиям глобализации.

Проект ЭПШП охватывает страны с населением почти 3 млрд. чел. и территорию с самыми большими запасами природных ресурсов на планете (Евразию), поэтому неудивительно, что именно ЭПШП имеет принципиально важное значение не только для Китая как инициатора данного проекта, но и всего мира.

⁴⁴ При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная в соавторстве, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экономики Китая // Мир новой экономики. – 2019. – № 1. – С. 70 (0,99 п.л. / 0.75 п.л.).

Среди основных причин появления инициативы ЭПШП специалисты выделяют две: внешнюю и внутреннюю. Внешняя причина связана с международной обстановкой и необходимостью искать новые рынки сбыта, ориентируясь на сухопутные маршруты через страны ЦА и ЕАЭС, поскольку Китай ведет торговые войны с США за рынки Юго-восточной Азии (ЮВА)⁴⁵. При этом, Китай среди трех маршрутов ЭПШП приоритет отдает северному, связанному с Россией и странами ЦА и выходящему уже сейчас на рынки Европы. Такой выбор сделан не только в связи со сложившимися эффективными экономическими взаимоотношениями соседствующих стран, но и в силу необходимости ответа продвигаемому американцами проекту «Новый шелковый путь» (НШП)⁴⁶, нацеленному на сдерживание Китая в Азии (через идею либерализации торговли между Центральной и Южной Азией посредством Афганистана). Внешняя причина в глобальном смысле завязана на китайской реакции в виде ЭПШП на «момент Центральной Евразии» (как выражаются некоторые российские специалисты), т.е. сочетание таких уникальных политических и экономических факторов в одном регионе, за влияние на которые идет настоящая борьба. При этом, по замыслу создателей, инициативы ОПОП и ЭПШП как ее евразийская часть по смыслу глубже, содержательнее и построены на взаимовыгодном видении мира странами континента. Более того, по мнению китайской стороны, на основе деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) возможна реализация долгосрочной политики евразийской интеграции (ЕАЭС – ШОС – ЭПШП).

Внутренняя причина обусловлена сменой модели социально-экономического развития страны, переходом от производства, ориентированного на экспорт (фабрика массового производства дешевых некачественных продуктов), к развитию модели производства товаров с высокой добавленной стоимостью (путем выноса трудоемких производств в

⁴⁵ Скосырев, В. Вашингтон бросает вызов экономической экспансии КНР в Азии (Помпео поставил миллионы против миллиардов Китая) / В. Скосырев // Независимая газета. – 2018. – 1 августа.

⁴⁶ Термин НШП появился еще в 2010 г. благодаря Ф. Старру и Э. Качинскому, авторам работы «Ключ к успеху в Афганистане. Стратегия «Нового шелкового пути», которая и дала жизнь термину «Новый шелковый путь». На англ. языке термин звучит «Modern Silk Road», но благодаря неточности перевода название на русском языке было сформулировано как «Новый шелковый путь».

самые бедные страны ЮВА) и стимулированию внутреннего спроса. Кроме того, проект ЭПШП нацелен на сглаживание серьезного экономического отставания северо–западных провинций Китая от восточных и юго–восточных⁴⁷, т.е. на развитие потенциала спроса и быстрый экономический рост за счет наиболее бедных западных районов, например, Синьцзян–Уйгурского (все международные маршруты ЭПШП проходят через этот район, который в рамках проекта вполне может стать транспортно–логистическим хабом ЦА). С учетом всего вышесказанного подробно предпосылки, цели и задачи ЭПШП представлены в Таблице 3.

Таблица № 3 – Ключевые цели, задачи и предпосылки создания ЭПШП

Цели	Задачи	Предпосылки
1. Создание благоприятных политических условий для обеспечения органичного соединения экономических стратегий стран Евразии (заинтересованных в этом)	1) выработка новых принципов экономического сотрудничества со странами ЕАЭС и ЦА на условиях взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности; 2) организация и поддержание эффективной системы коммуникаций между Китаем и ЕАЭС, странами ЦА на разных уровнях (от правительств до институционального); 3) объединение стратегий экономического развития с учетом практики каждой из стран-участниц и др.	1) экономическое сотрудничество – основной вектор внешней политики Китая в условиях современной парадигмы глобализации; 2) изменение обстановки в Евразии, сдвиг мирового влияния от США и Западной Европы к активно развивающемуся Востоку; 3) необходимость поддерживать снижающийся темп роста экономики (ВВП) Китая и др.
2. Развитие транспортных коридоров и обеспечивающей их инфраструктуры вдоль всех маршрутов проекта	1) создание единой транспортно-логистической системы в Евразии, в т.ч. сквозной транспортной магистрали от Тихого океана до Балтийского моря; 2) строительство и совершенствование транспортных магистралей, их инфраструктуры (в т.ч. в приграничных районах) на основе использования передовых технологий; 3) обеспечение экономического выравнивания отсталых западных провинций, обеспечение баланса развития современных технологий во всех регионах страны и др.	1) быстрое развитие экономики восточных стран и международной торговли; 2) высокий темп развития цифровых возможностей обеспечения инфраструктуры для скорой транспортировки товаров; 3) значительный неосвоенный потенциал внутреннего спроса; 4) наличие существенного объема финансовых ресурсов;

⁴⁷ Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экономики Китая // Мир новой экономики. – 2019. – № 1. – С. 70 (0,99 п.л. / 0.75 п.л.).

Цели	Задачи	Предпосылки
3. Увеличение объемов торгового и инвестиционного оборотов со всеми странами региона	1) строительство свободных экономических зон; 2) усиление экономической интеграции в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС); 3) ликвидация торговых и инвестиционных барьеров, в т.ч. обеспечение максимальной скорости движения капитала между всеми участниками; 4) обеспечение безопасности (политической, социальной и др.) в рамках экономической интеграции и противостояния попыткам Запада создавать ситуации дезинтеграции	1) необходимость баланса векторов сотрудничества во всех направлениях – западных и восточных; импульс сотрудничеству с РФ, ШОС, ЕАЭС; 2) проблемы на южном и юго-восточном направлениях в рамках торговых войн с США, соответственно, вектор – на восток; 3) наличие фактических торговых связей между странами Евразии со времен Шелкового пути и др.
4. Свободное денежное обращение в целях увеличения доли расчетов в национальных валютах (с перспективой трансформации юаня в региональную валюту)	1) обеспечение финансовой независимости от доллара США; 2) создание новых валютных союзов; 3) в перспективе – переход на расчеты с помощью электронного юаня (введен в обращение на территории Китая в 2020 г.); 4) создание сети региональных финансовых институтов, в т.ч. для оптимизации денежных потоков между странами-участницами, др.	1) постепенное разрушение сложившейся после II Мировой войны финансовой системы во главе с долларом США; 2) высокая политическая турбулентность и необходимость интеграции в целях финансово-экономической стабилизации; 3) рост политического и экономического веса Китая в мире; его превращение в страну с самой быстрорастущей инновационной экономикой и др.
5. Расширение контактов между разными цивилизациями и религиями в образовательной и культурной сферах	1) обеспечение социальной открытости Китая странам-участницам инициативы; 2) реализация существенного количества различных контрактов в странах ЦА и РФ; 3) рост значимости «мягкой силы» Китая во внешней политике; 4) увеличение числа студентов из ЦА в вузах Китая; 5) развитие туризма (в т.ч. медицинского) и пр.	1) удачная географическая локация (страны находятся по соседству); 2) многолетние связи между Китаем и странами ЕАЭС, ЦА во многих сферах жизни общества; 3) изменение представлений о Китае: из отсталой необразованной страны в сторону державы с богатым историко-культурным наследием и высокотехнологичным образом жизни и др.

Источник: разработано автором

Для достижения указанных целей инициативы ЭПШП создаются соответствующие «экономические пояса» разной отраслевой направленности:

транспортно–логистический, энергетический, торговый, информационно–технологический, научно–технический, аграрный, туристический⁴⁸.

На текущем этапе реализации рассматриваемой инициативы акцент поставлен на развитии транспортно–логистического и информационно–технологического поясов. Рассмотрим транспортную составляющую.

Объемы дорожного строительства в Китае отличаются масштабностью, особенно – строительство скоростных железных дорог, связывающих практически все главные провинциальные центры страны. При этом, строительные компании Китая сегодня достигли высочайшего мастерства и занимают высокие места в соответствующих мировых рейтингах (стоит только взглянуть на грандиозную Тибетскую магистраль). В связи с этим, а также с учетом наличия значительной финансовой базы, строительство масштабных транспортных магистралей по маршрутам ЭПШП является реально выполнимой задачей. Такие магистрали способны сокращать и транспортные расходы, и сроки доставки товаров до одной–двух недель, при этом Китай загрузит свои мощности и мощности стран–участниц ЭПШП по производству строительных материалов и пр.

Информационно–технологический пояс заслуживает особого внимания, поскольку для его развития в Китае был инициирован отдельный проект в рамках ОПОП – «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП), о котором будем говорить подробно в следующих параграфах и главах исследования.

Важное значение для развития ЭПШП имеет энергетический пояс. Здесь у Китая есть географическое преимущество – соседство с Россией, крупнейшим поставщиком энергоресурсов (наряду с Саудовской Аравией), – но при этом китайское руководство справедливо говорит о необходимости диверсификации таких источников для собственной экономики (помимо растущих потоков из Анголы, Омана, Ирака). В связи с этим важное значение для ЭПШП и китайской экономики имеют государства ЦА, обладающие запасами газа и

⁴⁸ Хейфец, Б.А. Экономический пояс шелкового пути – новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС / Б.А. Хейфец // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 5. – С. 42.

нефти (Туркменистан, Казахстан, Узбекистан находятся географически относительно близко для прокладки трубопроводов). Туркменистан уже в настоящее время обеспечивает до половины всего объема экспорта газа в Китай.

В евразийском масштабе для стран–участниц ЭПШП справедливо прорабатывать вопросы о создании «Энергетической ассоциации БРИКС», «Единой энергетической сети ШОС» (предложения Президента РФ Путина В.В. на саммите БРИКС в 2015 г.) и др.

Научно–технический пояс, в первую очередь, связан со взаимодействием Китая с Россией и странами Европы в плане получения технологий, а также странами ЦА и ЕАЭС – по обучению студентов в китайских университетах. Кроме того, еще в 2015 г. был создан Стратегический союз высших учебных заведений ОПОП (8 зарубежных и 39 китайских вузов) для сотрудничества стран–участниц ЭПШП.

Аграрный и туристический пояса – не менее важны, чем все остальные, но им уделяется меньше внимания в контексте современной геополитической и экономической ситуации, серьезно осложненной пандемией Covid19.

Под реализацию инициативы ЭПШП была подведена основательная финансовая база, что подтверждает серьезность намерения Китая в достижении всех заявленных целей. Стержнем финансового ядра для реализации проектов ЭПШП стали три института: во–первых, Фонд Шелкового пути (ФШП) (создан Китаем), во–вторых, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) (создан по инициативе Китая) и Новый банк развития БРИКС (НБР) (скорее, в дополнение первым двум структурам).

ФШП является главным финансовым институтом, создание которого в 2014 г. в Пекине было обусловлено необходимостью финансирования крупномасштабных проектов в рамках ОПОП и его составляющей ЭПШП. Непосредственно преимущество в финансировании отдается проектам по строительству инфраструктуры, сбыту китайской продукции, разработке месторождений полезных ископаемых (например, в странах ЦА). Общий капитал ФШП планируется сформировать в размере равен 40 млрд. долл.

США. На начальном этапе привлечено 10 млрд. долл. США, причем все источники – китайские, в т.ч. 65 % из них – ЗВР КНР, остальные – крупнейшие банки Китая. В 2016 г. ФШП подписал соглашение о сотрудничестве с Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Внешэкономбанком на предмет инвестиций в экономику Китая и России, в т. ч. в транспорт и нефтехимию. Кроме того, ФШП является акционером таких крупных российских компаний как СИБУР (10%) и НОВАТЭК – 9,9 %.

Наряду с ФШП главным источником реализации инфраструктурных проектов на территории стран–участниц ЭПШП является АБИИ. Банк был создан в июне 2015 г., в состав акционеров вошли 57 стран, а основными держателями долей являются Китай (30,34 %), Индия (8,52 %) и Россия (7,5 %). Уставный капитал банка 100 млрд. долл. США. Основными целями АБИИ были заявлены: финансирование инфраструктурных проектов и проектов по расширению интеграционных процессов в Азии, содействие развитию и углублению регионального партнерства и др. По состоянию на середину 2020 г. более 75 %⁴⁹ инвестиционного портфеля АБИИ приходилось на суверенные проекты, и около 70 % портфеля сосредоточено в пяти странах: Индия, Индонезия, Турция, Азербайджан и Египет. Банк инвестирует в облигации на территории Азии преимущественно в инфраструктурные проекты.

НБР в меньшей степени участвует в проектах ЭПШП, поскольку ориентирован на проекты стран БРИКС, а не только на реализацию ОПОП.

С точки зрения финансирования ЭПШП можно отметить, что, если непосредственно рассматривать каждый отдельный проект, то финансирование может поступать и через другие финансовые институты, например, китайскую инвестиционную корпорацию CITIC Group, Народный банк Китая, суверенный фонд Китая CIC⁵⁰ и др. Представленная серьезная финансовая платформа ЭПШП только подчеркивает готовность Китая к реализации масштабных

⁴⁹ Обзоры инвестиционной деятельности международных банков развития в странах СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eabr.org/cooperation/reviews-idb-investment/#tab2019>

⁵⁰ Чжунго «И дай и лу» тоуцзы аньцюань яньцзю баогао (Ежегодный исследовательский доклад об инвестиционной безопасности реализации «пояса и пути» Китая / под ред. Цзи Цзиньбяо, Лан Угуан. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – С. 67.

проектов и получению огромных экономических и политических выгод от их реализации. Рассмотрим подробнее особенности современного этапа развития данной инициативы (Таблица 4).

Таблица № 4 – Особенности современного этапа развития сотрудничества стран в разрезе коридоров ЭПШП

Коридоры ЭПШП	Проблемы в развитии	Факторы, влияющие на развитие коридоров
Китай – Пакистан	– возникшие вопросы по внедрению проектов; – региональные вызовы, тормозящие развитие совместных проектов (американский НШП; блокировка инициативы Индией, в т.ч. из-за политической напряженности между Индией и Пакистаном) и др.	<u>глобальные:</u> – наличие серьезной конкурентной борьбы между ведущими державами (США, Россия и Китай) в ЦА; – замедление темпов роста мировой экономики;
Китай – Центральная Азия и Западная Азия	– необходимость приведения транспортной системы и ее нормативной базы в соответствие с современными потребностями жителей стран; – скрытая борьба с ЕАЭС (Россией) за лидерство в регионе с учетом третьей стороны – США с НШП	– волатильность на мировых финансовых и фондовых рынках; – сокращение торгового оборота и транспортных перевозок в мире и др. <u>региональные:</u>
Китай – Монголия – Россия	– противоречия среди некоторых стран ЦА по выбору вектора интеграции (ЕАЭС, ШОС или НШП)	– недостаток финансовых ресурсов на все проекты и снижение объемов кредитования проектов в странах-участницах ЭПШП (с условием возврата кредитов);
Китай – Юго-Восточная Азия (Китай – Индокитайский полуостров)	– требуется целенаправленность действий, их более глубокая правовая обоснованность – наличие разнонаправленных позиций стран региона по реализации инициативы (т.е. есть сторонники и противники Китая); торговые войны Китая и США, противостояние их геополитических интересов в регионе	– высокие риски инвестиций в страны с нестабильной политической и экономической ситуацией; – сильная зависимость масштабных проектов от конкретных выделенных территорий, их громоздкость;
Китай – Бангладеш – Индия – Мьянма	– необходимо снижать значительное влияние местных факторов (напряженности с Индией по политическим и экономическим вопросам и др.)	– нулевая стоимость незавершенного строительства и наличие большого числа факторов для их завершения и др.
Китай – Восточная Азия; Китай – Восточная Европа (Новый Евразийский сухопутный мост)	– необходимость согласования интересов со странами ЕАЭС	

Источник: разработано автором.

По данным Таблицы 4 очевидно, что Центральнo–Азиатский регион становится территорией серьезной конкурентной борьбы как в экономическом, так и в политическом плане между Россией, Китаем и США с их проектом НШП. Китай, с одной стороны, выигрывает как от проекта НШП, так и от проекта ЭПШП, поскольку все евразийские транспортные коридоры начинаются на его территории и он так или иначе получает свою глобальную выгоду. Но, с другой стороны, в настоящее время Китай неслучайно выделяет северное направление ЭПШП как стратегически важное, поскольку партнерство с Россией принципиально значимо по широкому кругу аспектов (в т.ч. в обеспечении глобальной безопасности на евразийском континенте) в борьбе за мировое экономическое лидерство с США.

Сегодня все страны ЭПШП, особенно небольшие и финансово зависимые, занимают достаточно осторожную позицию в выборе стратегических партнеров и вектора интеграции. Эта осторожность, с одной стороны, вполне оправдана, а, с другой, существенно тормозит развитие ОПОП, в связи с чем Китай подчеркивает, что готов к согласованности действий и интересов практически на каждом этапе любого глобального проекта на принципах сотрудничества, взаимовыгодности, взаимопомощи и инклюзивности, поскольку только на их основе появляются возможности решения проблем.

Следует отметить, что для эффективной реализация проектов ЭПШП мало только настрой и работоспособности китайской стороны, на которые часто полагаются страны на маршрутах инициативы. Китай готов обеспечивать реализацию проектов максимально эффективно и готов нести определенные потери, в т.ч. и финансовые, в отношении которых некоторые чиновники говорили, что при продвижении инициативы ОПОП Китай готов потерять 80 % инвестиций в Пакистане, 50 % в Мьянме и 30 % в Средней Азии⁵¹. Подобный настрой продвигающей инициативу стороны не способствует полноценному выполнению обязательств (прежде всего, финансовых) принимающих сторон.

⁵¹ И дай и лу: шуньин цзинцзи цюаньцюхуа чаолю дэ цзуй гуанфа гоцзи хэцзо тай («Пояс и путь»: самая широкая площадка международного сотрудничества для адаптации к направлению экономической глобализации) / под ред. Ван Лингуй. – Пекин : шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – С. 81.

Определенную роль в формировании иждивенческого поведения играет политика кредитов с отсрочками платежей (применяется в разных странах). Сложность заключается в том, что возвращение кредитов может приходиться на тот период, когда сменится власть в стране-заемщике и вопрос с возвратом долгов может решаться очень долго (особенно, когда возвращать нечем). В целях нивелирования подобных рисков невозвратов кредитов, а также – для экономии собственных ресурсов на реализацию проектов ОПОП, Китай ужесточает условия кредитования, начинает более прагматично и бережливо подходить к финансированию и реализации своих зарубежных проектов ОПОП⁵². Особенно необходимость более жесткого контроля расходования средств на проекты инициативы проявилась в условиях современной пандемии Covid19.

На фоне пандемии сокращения ВВП многих развитых и развивающихся стран можно выделить ряд последствий для развития инициативы ЭПШП (помимо уточнения факторов в табл. 4): остановка многочисленных проектов инициативы; снижение экспорта сырьевых товаров; остановка деятельности предприятий сферы услуг; ограничения международных перевозок и пр. При этом, пандемия дала определенную передышку Китаю и странам-участницам ЭПШП в учете и исправлении ошибок на прошедших этапах инициативы, а, кроме того, появились и положительные моменты: такие новые проекты ОПОП (ЭПШП), как, например, «Шелковый путь здоровья» (Health Silk Road) (сотрудничество Китая с Саудовской Аравией, Кореей, Израилем, Индией и др.), и в целом – развитие сотрудничества в области здравоохранения и др.

Несмотря на ряд существенных сложностей, пандемия Covid19 показала, что можно справляться с разными проблемами, в т.ч. с помощью современных коммуникационных технологий, например, активизировать электронную коммерцию посредством Интернета и соответствующих торговых площадок, обеспечить качественную логистическую инфраструктуру и др. Не случайно, китайское руководство подчеркивает, что дальнейшее развитие проекта ЭПШП

⁵² Панкратенко, И. Бишкек задолжал Пекину / И. Панкратенко // Независимая газета. – 2018. – 9 апреля.

будет строиться в рамках совместного обсуждения и реализации с учетом принципа экологичности всех подходов и применения самых передовых цифровых технологий, поскольку многие отрасли (кто мог с учетом специфики деятельности) перешли и переходят на работу в виртуальное пространство. Рассмотрим, каким образом и с помощью каких конкретно цифровых технологий Китай старается сохранить скорость развития ЭПШП (и ОПОП) и поддержать интересы всех стран–участниц данной инициативы.

1.4. Цифровая составляющая в обосновании нового формата «Шелкового пути»⁵³

С середины 10-х гг. XXI века Китай демонстрирует взрывной рост в разработке и использовании ряда цифровых технологий в торговле, накоплении и аналитике больших данных, искусственного интеллекта, интернета вещей и др. Формирование и развитие инфраструктуры венчурной индустрии способствовало созданию в стране благоприятного инновационного климата, всестороннему внедрению цифровых решений в экономику и общество.

Идея «Цифрового «Шелкового пути» стала рассматриваться как путь цифрового развития Китая в целом, как один из инструментов подъема экономики отсталых западных регионов страны, модернизации северо–восточных провинций с последующим переносом достижений на маршруты ЭПШП.

Цифровизация «Пояса и пути», в т. ч. ЭПШП, в теоретическом представлении китайских обществоведов опирается на восприятии и трактовках процесса цифровизации экономики исследователями разных стран.

Принимая в целом общие результаты, достигнутые современной экономической мыслью в отношении цифровой экономики, особенностей

⁵³ При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная автором лично, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Лю, И. Предпосылки выдвижения и факторы формирования цифрового шелкового пути // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 3. – С.15. (0.45п.л.).

процессов цифровизации и их структуры, других элементов, китайская теория и практика этого процесса имеет свою специфику. Прежде, чем говорить о ней, рассмотрим основные характеристики современных механизмов развития цифровой экономики в трактовках зарубежных и российских специалистов.

Рассматриваемое понятие не является устоявшимся в западной экономической науке. Как отмечают авторы фундаментальной статьи Р. Бухт и Р. Хикс, предлагаемые современной наукой и практикой концепции определения цифровой экономики «довольно беспорядочны»⁵⁴. К данному выводу специалисты пришли на основе анализа точек зрения и положений многих западных экономистов. Следует отметить, что в данном анализе отсутствуют точки зрения российских и китайских исследователей этой проблемы.

Р. Бухт и Р. Хикс дают, как они сами отмечают, «довольно расплывчатое» определение цифровой экономики, под которой, с одной стороны, понимают производственно–экономическую деятельность компаний, имеющих основанную на цифровых продуктах и услугах модель бизнеса⁵⁵, а, с другой стороны, совокупность элементов (платформенная экономика, экономика «свободного заработка» (gig–economy), экономика совместного потребления (sharing–economy)), которые, по их мнению, «не существовали до появления цифровых технологий».

Конкретизируя достаточно «гибкое» определение цифровой экономики, данное Р. Бухтом и Р. Хиксом, следует констатировать, что она представляет собой в основном смешанную экономику с ведущим «цифровым сектором» и остальными сферами и моделями, в той или иной степени воспринимающими влияние этого сектора на их развитие. Анализируя позицию Р. Бухта и Р. Хикса и соглашаясь с ней в основных моментах, Бреннен С. и Крейсс Д. считают, что современная цифровая экономика может быть представлена трёхуровневой схемой (Рисунок 1).

⁵⁴ Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики / Р. Бухт, Р. Хикс // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 161.

⁵⁵ Там же. – С. 155.

Рисунок 1 – Три уровня цифровой экономики

Источник: Brennen J. Scott, Kreiss D. Digitalization / J.S. Brennen, D. Kreiss // The international encyclopedia of communication theory and philosophy. – 2016. – V 28. – P. 5.

В схеме, представленной на Рисунке 1, показана разница между цифровой экономикой и цифровизированной экономикой, заключающаяся в том, что цифровизация предполагает процесс оцифровки, цифрации, т. е. перевода данных из аналогового формата в цифровой формат. Процессы оцифровки и цифровизации часто смешиваются, хотя первый элемент является необходимой предпосылкой второго. Чтобы не смешивать эти процессы, Б. Паньшин предлагает рассматривать цифровизацию в узком и широком смыслах.⁵⁶ В узком смысле цифровизация – это оцифровка; в широком смысле – массовое применение новых цифровых технологий для увеличения скорости производственных и других процессов, снижения издержек и роста прибыли. Другими словами, цифровизация предполагает ее предварительную подготовку, обеспечение, первичную цифровизацию, чтобы выйти на уровень «большой

⁵⁶ Паньшин, Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития / Б. Паньшин // Наука и инновации. – 2019. – № 3. – С. 46.

цифровизации», т.е. цифровизация – это средство формирования цифровой экономики.

Таким образом, цифровизация – это комплексный процесс перевода в цифровую форму производственных и управленческих технологий для использования их в цифровом формате в организационной и общественно-экономической деятельности. Данное определение примем как основное для цифровизации в настоящем исследовании.

Цифровой сектор у Р. Бухта и Р. Хикса рассматривается как центр и драйвер цифровой экономики и включает: программное обеспечение, производство комплектующих, информационные услуги, телекоммуникации (Рисунок 1). Все эти составляющие в основном относятся к элементам третьей промышленной революции – информационной, основные технологии которой появились во второй половине XX века. В настоящее время идет активная разработка и внедрение новых цифровых технологий, свойственных 4-ой промышленной революции, включая облачные, квантовые вычисления, технологии распределенного реестра, искусственного интеллекта, технологии 5G.

Современное программное обеспечение (ПО) базируется не только на чисто цифровых технологиях или их сочетании с аналоговыми форматами, но и на достижениях в области создания новых материалов, биотехнологии, криптографии и т.д.⁵⁷.

В российских экономических кругах также нет устоявшихся представлений о цифровой экономике. Приведем некоторые современные трактовки понятия цифровой экономики, представленные в российских и зарубежных исследованиях (Таблица 5).

Профессор Паньшин Б.Н. (Таблица 5) дает трактовку цифровой экономики, близкую к концепции Р. Бухта и Р. Хикса, со своими дополнениями и уточнениями.

⁵⁷ Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции / К. Шваб. Пер. с английского К. Ахметова. – М.: Бомбора, 2018. – С. 90–91.

Таблица № 5 – Современные представления о понятии «цифровая экономика»

Автор	Содержание определения цифровой экономики
Евразийская Экономическая Комиссия (ЕЭК)	экономика, в основе которой – формирование и развитие цифровых процессов, моделей и технологий бизнеса, в т.ч. электронная модель бизнеса; производство цифровых товаров (сервисов) ⁵⁸
Паньшин Б. Н. ⁵⁹	динамичная экономика, характеризующаяся трансформацией имеющихся ресурсов, технологий и бизнес–модели предприятия в модель с цифровым наполнением всех бизнес–процессов, позволяющую сокращать издержки, увеличивать скорость процессов
Ефимушкин В.А. ⁶⁰	экономика основана на цифровых технологиях, производит электронные товары и услуги, включает телемедицину, дистанционное оборудование, медиаконтент (классический подход); производство на базе цифровых технологий («умное» производство); интернет вещей, сети 5G, инновационные услуги (расширенный подход);
Элмесри Т. ⁶¹	хозяйственная деятельность или образ действия на основе классического и расширенного подходов (см. Ефимушкина В.А.)
Правительство Австралии ⁶²	глобальная сеть социально-экономических сфер жизни, поддерживаемая посредством интернета, мобильных и сенсорных сетей
Всемирный банк	система экономических, социальных и культурных отношений, функционирование которой обеспечивается цифровыми ИКТ (информационно-телекоммуникационными технологиями)
Оксфордский словарь	экономика цифровых технологий, в т.ч. электронных транзакций посредством интернета
BSC, Правительство Великобритании	ведение бизнеса на рынках, функционирующих в виртуальном пространстве (интернет), а также экономика отраслей: производство цифровой инфраструктуры, программирование и медиа
ОЭСР	рынки, функционирование которых обеспечено цифровизацией, в т.ч. электронной коммерцией в интернете
Журнал «Economist» и компания IBM	экономика ИКТ, предоставляющая надежную цифровую инфраструктуру и способная мобилизовать высокотехнологические инструменты на благо общества
«Белая книга» «Цифровая экономика Китая – 2020» ⁶³	состояние экономики, при котором основной производственный фактор – цифровизация знаний и информации; цифровые технологии – основная движущая сила. Цифровая экономика в Китае включает две основные составляющие (ядро): «цифровую индустрию», т.е. собственно «цифровой сектор» (шугзы чанъехуа) и сектор оцифровки (цифрации) традиционных сфер хозяйственной деятельности, то есть их модернизации на основе цифровых технологий (чанъе шугзы)

Источник: составлено автором

⁵⁸ Глоссарий Евразийской Экономической Комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/glossary.aspx>

⁵⁹ Паньшин, Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития / Б. Паньшин // Наука и инновации. – 2019. – № 3. – С. 45.

⁶⁰ Ефимушкин В.А. Понятие цифровой экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bi.hse.ru>

⁶¹ Elmasry T. et.al. Digital Middle East: Transforming the Region into a Leading Digital Economy N.Y. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mckinsey.com/global-themes/middle-east-and-africa/digital-middle-east-transforming-the-region-into-a-leading-digital-economy>

⁶² Семь определений цифровой экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=116780>

⁶³ Белая книга о развитии цифровой экономики Китая и занятости [Электронный ресурс] // Китайский Институт Информатики и Коммуникаций.–2019. – Режим доступа: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/t20190417_197904.htm

Он подчеркивает, что цифровая экономика как концепция и феномен не является незыблемым, застывшим, а есть достаточно быстро развивающаяся структура с динамичным, инновационным механизмом функционирования.

Определения цифровой экономики, данные официальными зарубежными институтами (Таблица 5), изначально ориентировали участников опроса на рассмотрение ее сущности как хозяйственной деятельности, игнорируя её концептуальный характер. Более состоятельно в этом плане определение, представленное в китайской «Белой книге», и одновременно, оно очень похоже на трактовку концепции Р. Бухта и Р. Хикса в отношении структуры цифровой экономики. Именно такой подход лежит в основе оценки достижений развития цифровой экономики Китая, т.е. благодаря глубинному взаимопроникновению информационных технологий в реальной экономике происходит постоянное повышение уровня цифровизации, интернетизации, интеллектуализации, а также ускоренная перестройка моделей экономического развития и управления.

В российской экономической мысли присутствует часто двойственный подход к пониманию цифровой экономики – «классический» и «расширенный» (как показано на примере трактовки Ефимушкина В.А. в Таблице 5). Оба подхода рассматривают сущность данного явления как сложившуюся конфигурацию и архитектуру, не учитывая её развития на основе процесса цифровизации, который осуществлялся задолго до появления её зрелых форм. Отличие классического и расширенного подхода состоит в том, что в «расширенном» подходе цифровая экономика представляет собой экономику с использованием цифровых технологий – своеобразную смешанную экономику онлайн и офлайн. Другими словами, это стадия, когда центральной проблемой является оцифровка экономической деятельности, переход от аналогов к цифровому формату как необходимое условие для вхождения в пространство реальной цифровой экономики. Следует отметить, что при расширенном

подходе допускается отождествление цифровой экономики и процесса цифровизации⁶⁴, что следует признать некорректным.

Приведенные определения (Таблица 5) рассматривались в 2017 г. Аналитическим центром при Правительстве РФ при подготовке госпрограммы «Цифровая экономика» с целью разработки плана мероприятий по приближению действующей национальной экономики к ее цифровому варианту на основе выработке критериев степени приближенности. В итоге в российской правовой базе цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, где факторы производства – это данные в цифровом виде; средства производства – обработка big data и их анализ; результат на выходе – увеличение скорости всех бизнес-процессов в сравнении с традиционными производствами⁶⁵.

Обобщая широкий спектр представлений современных специалистов о цифровой экономике, в настоящем исследовании под ней будем понимать *систему экономических отношений, построенных на цифровизации знаний и информации (факторе производства), применении цифровых технологий (движущей силе) во всех возможных сферах хозяйственной деятельности и получении результатов, существенно повышающих скорость бизнес-процессов и снижающих транзакционные издержки.*

Цифровая экономика как система имеет структуру, включающую особенности цифровизации, цифровые платформы, экосистемы, методы цифровой трансформации экономики и общества и др. Рассмотрим подробнее данные элементы.

В цифровой экономике Китая преобладает «индустрия» оцифровки традиционных отраслей, которая стала двигателем экономического роста. Доля оцифрованных отраслей выросла с 49 % в 2005 г. до 79,5 % в 2018 г. Доля этой деятельности в ВВП КНР за тот же период увеличилась с 7 % до 27,6 %, а её

⁶⁴ Щепина И.Н., Бородина. А.А. Цифровая экономика как одна из моделей развития постиндустриального общества / И.Н. Щепина, А.А. Бородина // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия: экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 101.

⁶⁵ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank.41919>

вклад в цифровую экономику достиг 86,4 %⁶⁶. Собственно цифровой сектор в 2018 г. составлял 7,1 % ВВП КНР, а его доля в цифровой экономике – 20,5 %.

Таким образом, представленные показатели наглядно демонстрируют количественную значимость в ВВП страны обоих секторов (цифрового сектора и сектора оцифровки), где ведущую роль играет цифровой сектор, а сектор оцифровки традиционных отраслей – это подготовительный этап к тотальному переходу страны к цифровой экономике.

Определяющее место в современной китайской цифровой экономике занимает концепция «Интернет +» (Интернет плюс) и её практическая реализация. Эта идея, выдвинутая в 2015 г. Премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном (李克强), получила широкий резонанс в Китае и привлекла внимание ведущих зарубежных экономистов⁶⁷. Концепция «Интернет +» – это не только специфический китайский взгляд на развитие цифровой экономики, но и глобальная концепция, которая к 2025 г. должна стать новой моделью и главным драйвером социально–экономического развития страны. «Интернет +» обычно интерпретируется как альтернативный ответ стратегиям США «Промышленный интернет» и Германии «Индустрия 4.0»⁶⁸. Модель «Интернет +» рекомендуется как наиболее подходящий вариант развития цифровой экономики для развивающихся и догоняющих стран.

Структурно концепция «Интернет +» включает в себя две составляющие: «+ Интернет» и «Интернет +»⁶⁹. Модель «+ Интернет» предполагает ситуацию, когда традиционное, т. е. офлайн, предприятие начинает использовать инструментарий интернет–технологий для модернизации, повышения эффективности своей деятельности. При этом интернет–технологии зачастую являются инородными для традиционной модели бизнеса и не только не ведут к

⁶⁶ Белая книга о развитии цифровой экономики Китая и занятости [Электронный ресурс] // Китайский Институт Информатики и Коммуникаций.–2019. – Режим доступа: <http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/t20190417197904.htm>

⁶⁷ Rifkin J. The Third Industrial Revolution Paradigm / J. Rifkin // Shuzihua sichou zhi lu. – Beijing: Renmin publishing, 2017. – С. 63.

⁶⁸ Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. Пер. с английского. – М : Эксмо, 2017. – С. 88.

⁶⁹ Рекомендации Госсовета по активному продвижению инициативы «Интернет +»: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm

успеху, но грозят серьезными финансовыми безвозвратными потерями. Традиционная модель ведения бизнеса при сохранении прежних своих параметров по управлению, организации, коммерческих связей, маркетингу и др. часто бывает мало восприимчива к внедрению отдельных онлайн-инструментов. Однако это не означает несовершенство этой модели в целом. При последовательном расширении и углублении цифровых технологий традиционные отрасли постепенно перестраиваются для работы в онлайн-режиме, сохраняя и офлайн бизнес.

Модель «Интернет +» реализуют предприятия, которые не используют изначально традиционных моделей бизнеса и работают в онлайн-режиме в различных отраслях, включая прежде всего торговлю, транспорт, информационные услуги, финансы, медицинские услуги и другое. Вместе с тем, модель «Интернет +» – это не просто симбиоз интернета с традиционными отраслями, это и «революция» в экономическом мышлении, поскольку она порождает новые отношения в обществе и экономике, поднимая их на новый уровень технологического и интеллектуального развития. На основе обеих моделей формируются материальные и духовные взаимодействия субъектов, их взаимовыгодная кооперация. Электронный (с использованием цифровых технологий) бизнес не отделен «китайской стеной» от традиционного бизнеса. Традиционный бизнес постепенно затягивается в цифровую среду, начиная все более активно использовать соответствующие технологии.

Применение данных технологий зависит от эффективности их использования и от степени повышения конкурентоспособности применяющей их компании. В соответствии с докладом известной консалтинговой компании АйДиСи (International Data Corporation – IDC), занимающейся изучением мирового рынка технологий и телекоммуникаций, существует 5 ступеней цифровой трансформации компаний, т.е. изменений в бизнес-моделях, которые происходят вследствие получения цифровых компетенций (Рисунок 2).

Китайские компании, использующие модель «Интернет +», в целом следуют схеме, представленной IDC.

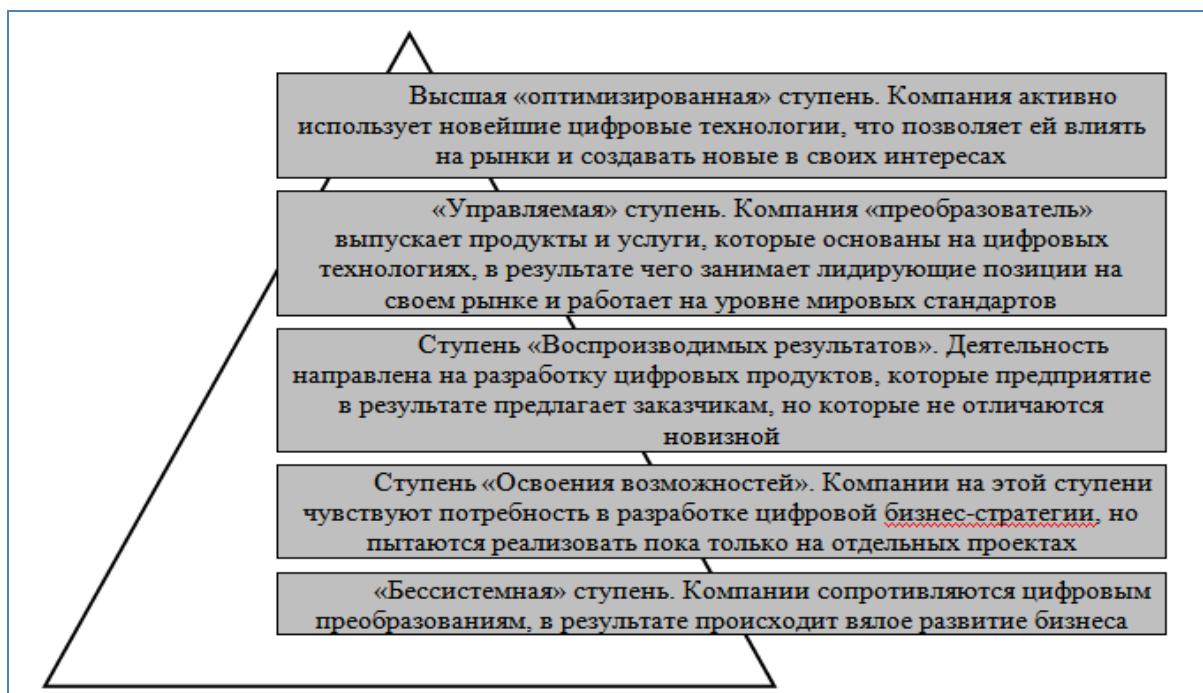

Рисунок 2 – Ступени «цифровой трансформации» компании

Источник: Цифровая экономика. Новая экономика, новое управление, новое развитие / Под ред. Сюй Чэня, У. Дахуа, Тан Синлуна «Цзинцзи жибао чубаньшэ» (на китайском языке). – Бэйзин, 2017. – С. 9–10.

В то же время основная часть китайских предприятий концентрируется на стыке сопряжения ИТ – технологий и традиционного бизнеса. Хозяйствующие субъекты двигаются по пути электронизации своего бизнеса, постепенно цифровизируются самостоятельно или с помощью специализированных компаний.

Этот процесс не является одномоментным, даже крупные торговые, производственные, транспортно–логистические компании постепенно нащупывают свою «цифровую» бизнес–модель.

Укоренившаяся традиционная модель производства и реализации товаров и услуг, а также психология потребителей не позволяет реализовать «революционные» методы цифровизации всего и вся, несмотря на то что значительная часть населения Китая молодого возраста весьма восприимчива к новым формам цифровой организации экономики и общества. Тем не менее, существенная часть китайского общества, в особенности сельское население, недостаточно вовлечена в современные информационные потоки, не всегда

воспринимает положительно процесс «оцифровки». Эта проблема решается в рамках совмещения деятельности моделей онлайн и офлайн.

Модель совмещения используют как технологические гиганты группы ВАТ, в которую входят такие известные компании как «Baidu» (百度), «Алибаба» (阿里巴巴), «Тэнсюнь» (腾讯), так и компании, занятые в традиционных секторах экономики, включая торговлю, транспорт, финансы, медицинские услуги и другое. Нарастание процессов цифровизации экономики и общества, развитие цифрового сектора, появление новых моделей бизнеса и расширяющиеся возможности использования новых ресурсов (большие данные, интернет-технологии, синергетические, сетевые эффекты и др.) способствуют постепенной цифровой трансформации страны.

Согласно позиции бизнес-школы Сколково, под цифровой трансформацией следует понимать преобразование существующих на предприятии бизнес-процессов в направлении их «бесшовности» и концепции интеллектуального управления на основе сквозного цифрового сигнала, что лежит в основе перехода от традиционной ИТ – системы, решающей отдельные задачи, к открытой системе, ориентированной на внешнего потребителя. В результате подобного перехода информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и цифровые технологии выходят за рамки ресурса отдельного предприятия и способствуют зарождению и развитию новых товарных рынков⁷⁰.

В более широком смысле цифровая трансформация предполагает реализацию следующих положений⁷¹: замену существующего экономического уклада, изменение системы рыночных отношений и организации традиционных рынков, системы государственного управления, ключевых источников добавленной стоимости и пр. посредством перехода на цифровые основы организации экономической деятельности в целом.

⁷⁰ Рабочий доклад института исследований развивающихся рынков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdt.scolkovo.ru>ru/cdy/research>

⁷¹ Глоссарий Евразийской Экономической Комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/glossary.aspx>

Цифровая трансформация компании и ее деятельности – это не революционный переворот в относительно короткий период времени, а достаточно длительный процесс по переходу от имеющихся производительных сил к новой их структуре, от аналоговых решений к цифровым, от традиционных бизнес–моделей к маркетплейсам, электронным платформам, экосистемам, нацеленным на сокращение издержек производства, вытеснение разного рода посредников из цепочки «производитель – потребитель», создание благоприятного делового климата. Данное понимание цифровой трансформации примем как основное в рамках настоящего исследования.

В Докладе Мирового банка «Цифровые дивиденды» указывается, что при переходе к цифровой экономике в целях обеспечения непрерывности всех бизнес–процессов важно одновременно использовать разные «аналоговые дополнения» с уже разработанной нормативно–правовой базой регулирования цифровых технологий и их применения и др.⁷². И дело не только в аналоговом управлении процессом цифровизации. Становление и развитие цифровой экономики предполагает достаточно длительное сосуществование офлайн и онлайн систем. Цифровые решения и их внедрение в различные сферы экономики Китая и прежде всего в торговлю, финансы, медицинские услуги, где достигнуты существенные успехи их использования, квалифицируются как постепенная цифровая перестройка экономики, в результате которой цифровая экономика в стране находится в процессе перехода от её фрагментарных количественных показателей в состояние качественных сдвигов.

В ходе реализации модели «Интернет +» в Китае получает развитие платформенная организация бизнеса.

Цифровая платформа – это современная бизнес–модель, основанная на алгоритмизированных цифровых технологиях с открытой инфраструктурой для участников, с определенными установленными правилами для эффективного

⁷² World Bank. World Development Report 2016. Digital Dividends. Washington. DC: World Bank, 2017. – С. 56.

обмена продуктами, способствующими оптимизации связей в цепочке «платформа – производитель – потребитель»⁷³.

Развитие платформенной бизнес–модели в Китае строится в рамках общемировых тенденций в этой области и опирается на: (1) идеи западных экономистов, в частности английского экономиста кембриджской школы А. Пигу с его теорией «внешних эффектов»; (2) работы современных западных авторов по проблемам сетевой, цифровой экономики; (3) практику ведущих американских компаний Амазон (Amazon), Фэйсбук (Facebook), Гугл (Google) и других. Платформа обычно рассматривается как промежуточное звено, где пользователи могут совершать сделки по обмену товарами, услугами информацией. В настоящее время используются два основных типа платформ: торговые (присутствуют и покупатели, и продавцы) и медиа–коммуникационные (присутствуют производители контента и его потребители).

Предприятия, работающие с «Интернет +», как правило, используют модель открытых платформ, т.е. бизнес–модель, основанную на использовании больших данных, облачных вычислений и хранения информации, искусственного интеллекта. Многие крупные компании Китая сформировали свои электронные платформы, обеспечивают эффективный процесс движения товаров и услуг от производителя к потребителю, расширяют собственные сервисные горизонты, страховые, биржевые возможности, позволяют привлекать финансовые ресурсы третьих сторон.

По мере развития платформенной экономики в Китае наблюдается новая тенденция в её функционировании. На начальном этапе создавались платформы для привлечения внешних клиентов посредством агрегирования различных данных и налаживания эффективного бизнес–климата в связке «платформа – производитель – потребитель». В настоящее время принципы организации функционирования платформенной экономики начинают внедряться многими компаниями внутри предприятий–производителей, создавая платформенный

⁷³ Авдокушин, Е.Ф. Платформенная экономика как элемент современной новой экономики / Е. Ф. Авдокушин // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 2 (50). – С. 10.

подход к преобразованию внутренней организационной структуры, методов производства и контроля за ним, формируя внутреннюю корпоративную платформу⁷⁴.

Кроме того, платформенная организация распространяется с уровня предприятий на города. Если предприятия с платформенной моделью бизнеса в основном заинтересованы в максимизации прибыли, то город, оперируя платформенной моделью, нацелен на создание и эксплуатацию крупных систем общественно значимых бесплатных (в основном) услуг для пользы как отдельных потребителей, так и юридических лиц без акцента на получение прибыли. Деятельность городских платформ позволяет снизить стоимость административного управления, повысить его социальную эффективность⁷⁵.

Отмечая существенные результаты использования платформенной модели в экономике, китайские экономисты указывают на имеющиеся различия в её применении между разными регионами страны и отраслями. Это связано с большой дифференциацией уровня развития интернет-экономики в различных провинциях Китая: передовые провинции центральной и юго-восточной части страны заметно превосходят западные и северо-восточные регионы (где основные маршруты ЭПШП выходят за пределы Китая).

К проблемам современного развития платформенной экономики китайские экономисты относят, прежде всего, имеющиеся тенденции к монополизации, несправедливой конкуренции, неразвитость правового регулирования этой сферы и др.

Развитие платформенной бизнес-модели компаний приводит к созданию целостных экосистем, т.е. цифровые платформы становятся центральной частью экосистем. В свою очередь, цифровая экосистема представляет собой сеть («паутину») горизонтальных связей, цифровую инфраструктуру, обеспечивающую функционирование офлайн среды и одновременно

⁷⁴ Чжао, В. Фэнси чжунго пинтай цзнци дэ юсяосин хэ фачжань цзихуа (Анализ эффективности платформенной экономики Китая и планы по её развитию) / В. Чжао // Гайгэ юй Чжанлюэ. – 2019. – № 3. – С. 65.

⁷⁵ Там же. – С. 65.

направленную на саморазвитие, создание собственных онлайн форм, стандартов, смыслов.

Экосистема формируется на основе одноранговых и комплексных цифровых платформ. Одноранговые маркетплейсы – это нижний уровень формирующихся цифровых экосистем. На их основе создается благоприятная среда для обслуживания в основном малого и среднего бизнеса с соответствующим услуг фулфилмента и комплайенса. В отличие от маркетплейсов, комплексные цифровые экосистемы создаются на базе крупных банков и технологических гигантов (бигтехов). Экосистемы становятся ключевыми каналами коммуникаций с клиентами и производителями. Если маркетплейсы, хотя бы теоретически, дают возможности равноправного участия в конкуренции малым и средним компаниям, то экосистемы бигтехов нацелены на технологическую и цифровую олигополизацию рынков.

В 2019 г. количество крупных платформенных компаний в Китае с капитализацией более 10 млрд. долл. США достигло двадцати с большим числом более мелких корпораций. Безусловными лидерами среди них, с собственной экосистемой, являются бигтехи: «Хуавэй» (华为), «Алибаба» (阿里巴巴), «Тэнсюнь» (腾讯) и «Майзинжун» (蚂蚁金融).

В настоящее время появилось еще одно понимание экосистемы как «мультипродуктивности, скрепленной общим бизнесом»⁷⁶. Она реализуется посредством прироста к традиционному бизнесу компании комплементарных сфер: медиа, билетные сервисы, финтех, облачные и цифровые решения для бизнеса и т.д. Этой новой модели бизнеса придерживается и ряд ведущих бигтехов Китая.

В заключение отметим, что платформенная экономика в Китае является частью формируемой цифровой экосистемы страны⁷⁷. Китайские компании,

⁷⁶ И дай и лу: шунынь цзинцзи цюаньцюхуа чаолу дэ цзуй гуанфа гоцзи хэцзо тай («Один пояс, один путь»: самая широкая площадка международного сотрудничества для адаптации к направлению экономической глобализации) / под ред. Ван Лингуй. – Пекин : шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – С. 101.

⁷⁷ Лю, И. Предпосылки выдвижения и факторы формирования цифрового шелкового пути // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 3. – С.16. (0.45п.л.).

использующие платформенную бизнес–модель, – это уже не просто фирмы, действующие в сегменте B2C, а деловая экосистема с миллионами участников от производителя до потребителя, от разработчиков интернет–решений до транспортно–логистических организаций. ТНК, формирующие экосистемы на основе современных технологий (машинного обучения, мобильного интернета, больших данных, облачных вычислений) создают реальную виртуальную деловую среду, благоприятную, дружелюбную для бизнеса, управления бизнес–процессами в онлайн–режиме, координируя усилия многих тысяч китайских компаний. При этом компании, создавая свои экосистемы, становятся партнерами, входят в структурную сеть других экосистем. Так, например, крупные платформенные компании – финансовая Ant Financial и логистическая Cainiao Network – являются партнерами Alibaba Group.⁷⁸

Важной целью формирования различных бигтехов в Китае является создание единой страновой смарт–системы, интегрирующей в единое целое её разные региональные, отраслевые и другие элементы. Бигтехи постепенно превращают всю национальную экономику в «умную» экономику. В соответствии с этими целями формируется ЦШП, который предполагается трансформировать в цифровую трансграничную экосистему «умный путь», интегрирующий не только десятки тысяч китайских компаний, но и множество зарубежных фирм. Зона ответственности ЦШП должна включать формирование интегрированной благоприятной среды для бизнеса всех компаний, оперирующих на маршрутах ЭПШП на основе создания информационных технологий, цифровой инфраструктуры, открытой для использования участниками на основе взаимовыгодной кооперации.

Цифровизация «Шёлкового пути» на маршрутах ЭПШП предполагает оцифровку его китайской части, что требует ликвидации информационного и цифрового неравенства в сельской местности и в особенности на маршрутах

⁷⁸ Цзэн М. Alibaba и умный бизнес будущего. Как оцифровка бизнес-процессов изменила взгляд на стратегию / М. Цзэн. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – С. 17.

ЭПШП, и одновременно – распространение идеи и бизнес–модели национальной цифровой экономики на страны ЦА.

С учетом вышесказанного справедливо дополнить определение ОПОП, представленное в предыдущем параграфе, а именно: *ОПОП – концепция, нацеленная на формирование нового механизма глобальной кооперации стран на принципах сотрудничества, взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности в направлении «сообщества единой судьбы» и посредством инновационных механизмов цифровизации в виде проекта «Цифрового Шелкового пути».*

Успешная реализация стратегии цифрового прорыва, которая в настоящее время реализуется в Китае, предполагает достижение целей ЭПШП к середине столетия. Инициатива ЦШП является одним из важнейших элементов этой стратегии, инструментом инновационного прорыва Китая (внутри и за его пределами), механизмом повышения международной конкурентоспособности и превращения страны в ведущую державу «Индустрии 4.0».

Выводы по I главе

Выдвижение инициативы ОПОП всецело связано с теоретическими постулатами и практической реализацией модели реформы китайской экономики и ее ПВО. Взаимосвязь и взаимодействие этих двух парадигм отчетливо проявляются и на этапе перехода от экстенсивной модели экономики на интенсивный путь ее развития, от высоких темпов роста к высококачественному развитию со средневысокими темпами, от опоры на внешний спрос к полаганию на внутренний спрос как драйвер экономического роста, от «мировой фабрики» по производству многообразных товаров, как правило, по заимствованным технологиям, к выходу на производство высокотехнологичных, конкурентоспособных товаров, базирующихся на китайских инновациях и ноу–хау.

1. Китайская ПВО прошла несколько этапов в своем развитии, отвечающих общей логике развития китайской модели экономической реформы: постепенности, планомерности, последовательности. На начальном

этапе осуществлялся переход от оборонительной политики внешнеэкономической открытости (с позиций слабого), с ее адаптивным инструментарием ко все большей нацеленности на внешнюю экспансию (с позиции сильного), что выразилось в разработке и реализации стратегии «идти вовне». При этом внешняя открытость для национальной экономики по-прежнему была достаточно осторожной, с постепенным, выборочным открытием китайского рынка внешним факторам.

2. На текущем этапе «выхода вовне», на котором Китай заявил о себе как о глобальном субъекте, играющем определяющие роли в глобальной экономике, «новая архитектура открытости» предполагает более широкий доступ в китайскую экономику не только иностранного капитала, но и потребительских товаров для обеспечения растущего внутреннего спроса, а также – соответствующее поведение других стран в отношении доступа китайских товаров, капиталов, технологий на их национальные рынки. Это новый аспект китайской политики открытости рассматривается не столько как экономическая экспансия, сколько как борьба Китая с разного рода протекционистскими тенденциями в современной мировой экономике.

3. Глобальный характер ПВО Китая в наибольшей степени проявляется в выдвижении инициативы ОПОП и ее поступательной реализации. ОПОП, поначалу рассматриваемая как проект по подъему отсталых регионов Китая в целях выравнивания их уровней развития с остальными районами, достижения в целом по стране критериев общества «сяокан», постепенно приобретает характер глобальной модели развития как минимум Евразии.

4. Теоретическая разработка инициативы ОПОП и механизмов ее практической реализации сопряжена с обоснованием адекватности ОПОП современным глобальным проблемам, в частности, аспектам формирования нового мирового порядка, рискам глобализации и растущей глобальной конкуренции. Комплексный характер инициативы ОПОП требует более глубокого учета объективных обстоятельств современной мировой экономики

и мирового сообщества, углубленной проработки ее теоретических основ и нахождения более гибких механизмов практической реализации.

5. На новом этапе, с середины 2017 г. инициатива ОПОП начинает реализовываться по ряду направлений, отвечающих тенденциям современного экономического развития, центральным из которых становится цифровой тренд. ОПОП здесь определяется как концепция, нацеленная на формирование нового механизма глобальной кооперации стран на принципах сотрудничества, взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности («сообщество единой судьбы») посредством сопряжения национальных политик и стратегий.

6. Цифровизация современной экономики происходит не одномоментно, а раскрывается как нарастающий количественно и качественно процесс, который вовлекает в свой ареал новые сферы производства и услуг, от высокотехнологичных до традиционных, формирует обновленные и новые цифровые модели ведения бизнеса.

7. В области определения цифровой экономики китайская экономическая мысль опирается на международные достижения в понимании этой категории как системы общественных отношений, реализующихся на основе и посредством цифровых решений, анализа больших данных с использованием сетевых, интегральных, платформенных подходов. В целях настоящего исследования под цифровой экономикой предлагается понимать систему экономических отношений, построенных на цифровизации знаний и информации (факторе производства), применении цифровых технологий (движущей силы) во всех возможных сферах хозяйственной деятельности и получении результатов, существенно повышающих скорость бизнес-процессов и снижающих транзакционные издержки. На практике представления Китая о цифровой экономике трансформируются в активное применение технологии «Интернет +», которая предлагается как альтернативная модель соответствующей американской концепции.

Глава II. Структура и факторы формирования и развития «Цифрового Шелкового пути»

2.1. Инновационные стратегии развития Китая как предпосылка и основа выдвижения инициативы «Цифрового Шелкового пути»⁷⁹

Готовность многих стран получить экономические и технологические выгоды от участия в проектах ОПОП выразилась в масштабной поддержке инициативы, которая стремительно набирала концептуальный вес (Рисунок 3).

Рисунок 3 – Оценка инициативы ОПОП (по 5–балльной шкале)

Источник: «И дай и лу» няньду баогао. Чжихуэй дуйцзе: 2018 (Ежегодный отчет по «Одному поясу, одному пути». Стыковка знаний: 2018) / под ред. Чжао Лэй. – Пекин: Шанъу иншугуань, 2018. – С. 114.

⁷⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Лю, И. Некоторые особенности становления и развития цифровой экономики в Китае // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 46. (0.4 п.л.);

Лю, И. Предпосылки выдвижения и факторы формирования цифрового шелкового пути // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 3. – С.15. (0.45 п.л.).

Данный процесс проходил в контексте глубокой концептуальной проработки инициативы и наполнения ее практическим смыслом на основе конкретных проектов⁸⁰. Базовая концепция ОПОП осталась неизменной в рамках ее архитектуры (5 принципов), представленной лидером КНР Си Цзиньпином (习近平) в 2013 г.

Развитие инициативы ОПОП органично вписалось в систему реформ и способствовало экономическому подъему страны, занятию ее лидирующей позиции мирового экспортера, росту ЗВР и др. Однако разворачивающийся в мире переход на платформу «Индустрии 4.0» заставил китайское руководство дополнить инициативу ОПОП стратегическим инновационным компонентом, которым стала программа по цифровизации инициативы – «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП). Проект ЦШП еще больше укрепил позиции Китая как государства, стремящегося к технологическому лидерству в новой глобальной экономике и опирающегося на создание собственной системы генерации инноваций. Для этого в 2006 г. был принят общенациональный план по развитию инноваций (План по инновациям), рассчитанный до 2020 г., т.е. этот период (15 лет) определен как промежуточный рубеж для вхождения Китая в число инновационных государств в мире.

В предыдущие 10 лет (с 9-ой пятилетки (1996–2000 гг.) и примерно до 2005 г.) в Китае принимается ряд государственных решений по развитию науки и техники, их внедрению в промышленное производство. Освоение новой техники и технологий предприятиями провозглашается одним из важнейших факторов становления и развития национальной инновационной системы. В промышленности поощряется деятельность государственных технологических центров и предприятий, реализуется ряд специальных проектов с использованием высоких технологий, включая программное обеспечение, интегральные схемы, новые материалы, системы мобильной связи третьего поколения и др. Это способствует модернизации некоторых ключевых отраслей, развитию новых высокотехнологичных отраслей промышленности.

⁸⁰ Габуев, А. Скатертью шелковый путь /А. Габуев // Ведомости. – 2018. – 4 сентября.

Со второй половины нулевых XXI века (с момента принятия Плана по инновациям) промышленность Китая нацеливалась (11-я пятилетка) на углубленную переработку природных ресурсов, повышение использования возможностей машин и оборудования, рост уровня знаний и квалификации производственного и административного персонала. Особый акцент делался на поощрение «зеленой индустрии» посредством реализации программ «рециркуляционной экономики» и др.

Поощряя развитие предприятий на основе новых технологий по всему спектру отраслей современной индустрии, китайское руководство не снимало с повестки дня и наращивание экспорта трудоемких товаров. Среди новых высоких технологий в сфере индустрии приоритетными были ИКТ. Именно с последовательным развитием ИКТ связывались планы построения к 2020 г. основ информационно–индустриального государства. Результатом ИКТ должно стать добавление к статусу «мировой фабрики» положения страны, самостоятельно генерирующей и использующей новые высокие технологии, то есть страны с развитой национальной инновационной системой.

Начало 12-ой пятилетки (2011 – 2015 гг.) стало периодом реализации новой промышленной политики, ориентированной на достижение удвоения ВВП, построение средне–зажиточного общества «Сяокан» к 2020 г., создание основ инновационного государства, развитие на основе внутреннего спроса с опорой на национальные инновации и технологии⁸¹. Китайское руководство рассматривало 12-ую пятилетку как ключевой период в деле ускорения трансформации развития экономики, в которой особая роль отводилась дальнейшей перестройке промышленного производства с особым акцентом на развитие новых стратегически значимых отраслей. В основе промышленной политики по–прежнему лежал курс на внедрение результатов научно–технического прогресса (НТП) в промышленность, дальнейшее снижение издержек производства, сокращение ресурсоемкости и экологоемкости.

⁸¹ Лю, И. Предпосылки выдвижения и факторы формирования цифрового шелкового пути // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 3. – С.15. (0.45п.л.).

По сравнению с прежним этапом выделялся тренд на углубление и расширение процессов индустриализации страны, ее урбанизации на основе использования рыночных механизмов. Оставалась актуальной и проблема реформирования государственных промышленных предприятий посредством создания «современной системы предприятий», выделения лидеров среди них, формирования «национальных чемпионов» через процессы концентрации и консолидации, механизмы слияний и поглощений (M&A) ряда средних и мелких предприятий крупными компаниями под патронажем государства.

Экономическая политика этого периода концентрировалась и на попытках построения системы научно–технического новаторства с «китайской спецификой», характеризующейся сопряжением развития производства с научными изысканиями и исследованиями. В целом этот период можно охарактеризовать как попытку тотального внедрения многообразных инноваций и технологий в ряде отраслей промышленности, стремление к инновационному «культурному производству» в модели промпроизводства.

Существенные достижения китайской экономики в целом сопровождались сохранением ряда существенных проблем: не до конца доведенной реформой государственных промышленных предприятий, невысоким качеством больших объемов продукции, низкой эффективностью ряда производств, их избыточностью и высокой экологоемкостью, значительной долговой нагрузкой. Кроме того, Китай начал терять свои сравнительные преимущества вследствие повышения стоимости издержек производства и снижения международной конкуренции своих товаров.

В результате была предпринята новая попытка не только окончательно решить блок нарастающих проблем, но и вывести китайскую обрабатывающую промышленность на передовые рубежи в мире посредством смены парадигмы ее развития, включающей отказ от политики опоры на некоторые развитые на основе зарубежных технологий отрасли промышленности (политика заимствования чужой интеллектуальной собственности и ее коммерциализация

основывалась на процветающей в Китае идеологии «дух Шаньчжая»⁸²) и тотальный переход к опоре на собственные инновации в производстве высокотехнологичной наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью. Ключевой целью смены курса стало превращение Китая в «мировую фабрику» высококачественных товаров.

Этот новый переломный этап в модернизации экономики Китая характеризуется опорой на собственные инновационные разработки и их широкое использование и коммерциализацию на международном уровне⁸³.

Начало этого этапа можно отнести ко времени принятия в Китае двух программ: Государственной программы стратегии инновационного развития (2016 г.) и программы «Сделано в Китае – 2025» (Программа – 2025) (принята в 2015 г.), которая поднимает очень значительно планку целей технологического развития по сравнению с предшествующим Планом по инновациям⁸⁴.

Программа – 2025 предполагает доведение локализации всего национального производства к концу 2020 г. до 40 %, а к 2025 г. до 70 % и превращение промышленности из «большой в сильную», а страны – в «великую промышленную державу»⁸⁵. Приоритетные отрасли промышленности согласно этой программе представлены на Рисунке 4.

Помимо указанных на Рисунке 4 отраслей в числе приоритетных сфер рассматриваемой программы входят: ИКТ нового поколения, программа высокотехнологического станкостроения, аэрокосмическое производство, океанографическая сфера, биомедицина, автомобилестроение на альтернативных источниках, оборудование для рельсового транспорта, производство новых материалов и электроэнергетического оборудования и др.

⁸² Шаньчжуй лай лэ (Шаньчжай пришел) / под ред. Лю Баопина. – Пекин: Цзичэн гунъе чубаньшэ, 2009. – С. 208.

⁸³ China is building a new Silk Road, and this one is digital [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2018/08/china-is-building-a-new-silk-road-and-this-one-s-digital/>

⁸⁴ Стратегия КНР «Сделано в Китае – 2025»: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isdpr.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf>

⁸⁵ Чжунго чжицзао 2025. Ланьпишу 2017 (Сделано в Китае 2025. Голубая книга 2017) / под ред. Го Хуэйзюань. – Пекин: Даньцзя гунъе чубаньшэ, 2017. – С. 77

Рисунок 4 – Отрасли приоритетного развития в рамках программы «Сделано в Китае – 2025»

Источник: Вейланд Д., Бланд Б. США хотят нанести удар по лидерским амбициям Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/03/28/755102-ssha-udar-ambitsiyam-kitaya>

Данная программа, инициированная премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном (李 克 强), по существу определяет стратегию перехода к высокотехнологичной интенсивной модели национальной экономики с опорой на собственные разработки (но с сохранением возможности заимствований зарубежных технологий). Акцент был поставлен на увеличение внутреннего спроса, в то же время актуальным оставался вопрос удовлетворения внешнего потребительского и инвестиционного спроса.

Методология промышленной политики в реализации Программы – 2025 остается во многом такой же, что и в Плане по инновациям:

1. Рынок управляет модернизацией и развитием промышленности, а правительство направляет, регулирует этот процесс;
2. Видеть перспективу, опираясь на практику и реальные условия;
3. Особое внимание уделять технологическим прорывам в ведущих базовых отраслях промышленности, с опорой на цифровую (ранее было – инновационную) составляющую;
4. Опирается на собственный потенциал в инновационном развитии промышленности, не снижая концентрации внимания на взаимовыгодном сотрудничестве с ведущими зарубежными странами.

С принятием программы «Сделано в Китае – 2025» следовать указанным положениям стало сложнее в силу непредсказуемости современных экономических и политических процессов: трудно искать ориентиры даже при пошаговом движении, т.е. начинается зона высоких рисков, а опорой могут стать разве что императивы «4-ой промышленной революции», не являющиеся абсолютными в своей положительной оценке.

Идея «Программы – 2025» во многом была заимствована у немецкой инициативы 2011 г., получившей методологическую и структурную подпитку от идеологии «Индустрии 4.0», выдвинутой основателем Давосского форума И. Швабом⁸⁶. В основе этой идеологии – коллаборация промышленных, информационных и цифровых технологий, создание вездесущей системы киберфизического, «умного» производства и др.

Реализация Программы – 2025 опирается на финансовую поддержку как государственных, так и коммерческих структур и использует различные рыночные инвестиционные механизмы.

По официальным данным непосредственное отношение к Программе – 2025 имеют 1078 проектов, в которых задействованы 557 организаций, 112 университетов, 225 государственных НИИ и др. На финансирование проектов из разных национальных фондов выделено порядка 160 млрд. юаней. Кроме того, выделяются средства из фондов, формируемых торгово–промышленным бизнесом (по некоторым данным инвестиции в программу составляет около 300 млрд. долл. США)⁸⁷.

В 2016 г. ЦК КПК и Госсовет КНР представили новую Государственную стратегию инновационного развития до 2050 г. (Стратегия), в которой инновации были выделены как главная сила развития страны. Стратегия, рассчитанная на достаточно длинный срок, вбирала в себя цели, задачи и инструменты Программы – 2025 и предлагала три ключевых этапа развития (Таблица 6).

⁸⁶ Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. Пер. с английского. – М : Эксмо, 2017. – С. 21.

⁸⁷ Чжунго чжицзао 2025. Ланьпишу 2017 (Сделано в Китае 2025. Голубая книга 2017) / под ред. Го Хуэйзюань. – Пекин: Даньцзя гунъе чубаньшэ, 2017. – С. 83

Таблица № 6 – Этапы Стратегии инновационного развития Китая до 2050 года

Период этапа	Содержание
2016 – 2020	формирование фундамента национальной инновационной экономики: – высокое положение некоторых отраслей и компаний (особенно ТНК) (конкурентоспособных на глобальном уровне) в цепочках создания стоимости товаров; – квантовый скачок на цифровой уровень научно-технического прогресса и стимулирование инновационной деятельности во всех сферах
2020 – 2030	выход на глобальный уровень: – устойчивое высокое положение ведущих отраслей в средних и высших звеньях глобальных стоимостных цепочек (по существу – претензия на глобальное экономическое лидерство); – непрерывная генерация отечественных технологий и новых продуктов; – финансирование НИОКР составляет 2,8 % ВВП
2030 – 2050	получение результата: полная трансформация страны в инновационное государство, отвечающее параметрам «Индустрии 4.0»

Источник: составлено автором с учетом

Стратегия почти с момента создания нацелена на формирование новых, собственных цепочек создания стоимости под контролем ведущих национальных ТНК на базе высокотехнологичных производств (Таблица 6). Одновременно с этим Стратегия требует активизации работы на зарубежных рынках, роста коммерциализации статуса «мировой фабрики» и расширения товарной экспансии в целях создания прочных основ для продвижения на иностранные рынки высокотехнологичной продукции Китая (в т.ч. и самих технологий). Для реализации заявленных требований и была предложена инициатива ОПОП.

Как справедливо отмечает профессор Е.Ф. Авдокушин, три документа – Программа – 2025, Стратегия, инициатива ОПОП – составляют дорожную карту политики страны в реализации новых экономических реформ (в версии 2.0) и в достижении «китайской мечты» – общества датун (зажиточного общества «всеобщего благоденствия») к 2050 г.⁸⁸.

Следуя трендам «Индустрии 4.0», инициатива ОПОП в 2017 г. получает характеристику «Цифрового Шелкового пути». Си Цзиньпин подчеркивал, что

⁸⁸Авдокушин, Е.Ф. 70 лет КНР: от «большого скачка» к технологическому «прорыву» / Е. Ф. Авдокушин // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 4. – С. 126.

ОПОП необходимо превратить в «дорогу инноваций» и ЦШП XXI века⁸⁹. За три года с 2017 по 2020 гг. Китай приложил серьезные усилия по созданию ЦШП⁹⁰, проекты которого предстают как часть формируемой цифровой экосистемы экономики Китая.

Как отмечается в 2018 г. в Докладе, посвященном анализу промежуточных результатов проекта ОПОП, ЦШП как симбиоз цифровой экономики и инициативы ОПОП является базовой составляющей строительства «Пояса и пути»⁹¹.

Концепция ЦШП – это осознанный выбор Китая, ориентированный на то, что «4-я промышленная революция» является новым этапом в истории развития мировой экономики, на котором разворачивается борьба за лидерство⁹².

Вектор цифровизации «Пояса и пути», подчиняющийся общемировым тенденциям в своем развитии, в настоящее время строится на основных принципах, стратегии и тактике этой инициативы. Иными словами, ЦШП не является каким-то изолированным проектом, это технологический инновационный сегмент в развитии ОПОП, который по мере растущей цифровизации китайской экономики способен перерасти в основную составляющую «Пояса и пути».

Следует отметить, что сама по себе идея ЦШП не нова. Это название использовалось в ряде зарубежных высказываний и публикаций. Так, в 2004 г. руководитель компании «ТрансТелеКом» С. Липатов на открытии нового трансконтинентального соединения наземных оптико-волоконных сетей в Улан-Баторе (Монголия) заявил, что это событие открывает «Цифровой Шелковый путь»⁹³.

⁸⁹ Один пояс, один путь. Полный текст речи Си Цзиньпина от 19.05.2017: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic//20170519/239391693.html>

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Чжунго «И дай и лу» тоуцзы аньцюань яньцзю баогао (Ежегодный исследовательский доклад об инвестиционной безопасности реализации «пояса и пути» Китая / под ред. Цзи Ц., Лан У. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – С. 67.

⁹² Лю, И. Некоторые особенности становления и развития цифровой экономики в Китае // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 46. (0.4 п.л.).

⁹³ Цифровой шелковый путь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://logistics.ru/9/10/i20_1032.htm

ЦШП в рамках инициативы ОПОП предполагает цифровизацию всех его составляющих и строится на использовании собственно цифровых технологий (пока на их точечном применении на внешней траектории инициативы) и одновременно руководствуется трендами «Индустрии 4.0», т.е. развитием элементов NBICS (нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социальных технологий) с помощью апробированных драйверов экономического развития: особых экономических зон, зон свободной торговли, построения и использования новейшей логистической инфраструктуры (как, например, высокоскоростные магистрали) и др. Конечно, многие из этих драйверов ощущают на себе все большее влияние цифровизации, но это пока не цифровая экономика, а переходная к ней. Проект ЦШП предполагает постепенное наращивание цифровой составляющей посредством применения искусственного интеллекта, «больших данных», «Интернета +» и др.

2.2. «Цифровой Шелковый путь» как направление цифровизации экономики Китая⁹⁴

Путь к провозглашенной в Китае цели перехода от «крупной страны» к «мощной державе» рассматривается в значительной степени через ее всестороннюю цифровизацию на основе интернет-технологий посредством двух ключевых направлений:

1) масштабное развертывание цифровой инфраструктуры: организация электронных торговых (в т.ч. маркетплейсов, маркетспейсов) и логистических площадок, повсеместное использование «Интернет+» и инструментов «4-й промреволюции» (искусственного интеллекта, big data, блокчейна и др.);

2) внедрение цифровых технологий в управленческую деятельность (формирование электронных площадок управления правительствами,

⁹⁴ При подготовке данного раздела диссертации использованы публикации, выполненные автором лично и в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Барыкин С.А., Лю И. Предпосылки глобального развития рынка финтех в рамках концепции технологических укладов экономики К.Перес // Экономика Бизнес Банки. – 2019. – № 1(26). – С.149 (0,77 п.л. / 0,35 п.л.);

Лю, И. Некоторые особенности становления и развития цифровой экономики в Китае // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 46. (0,4 п.л.).

документооборот онлайн, отслеживание стратегических решений в режиме реального времени и пр.).

Большое внимание уделяется развитию национальных глобальных компаний – интернет–чемпионов (бигтехов): «Алибаба» (阿里巴巴), «Хуавэй» (华为), «Тэнсюнь» (腾讯), «Хайер» (海尔), «Ляньсян» (联想) и др., которые входят в число мировых лидеров интернет–коммерции и продвигают свои продукты в странах на маршрутах ОПОП.

С середины 10–х гг. XXI века интернет становится двигателем инноваций в традиционных производствах Китая, т.е. он за 20 лет прошел путь от единственного поставщика информационных услуг до постепенного вживления в цифровизацию традиционных производств. После вступления в фазу мобильного интернета он проник во многие сферы жизни китайского общества, а инновации «Интернета +» стали стандартными практически для всех традиционных производств (Рисунок 5). К концу 2018 г. число пользователей мобильного интернета в Китае достигло 829 млн. человек, а число владельцев мобильных телефонов – 817 млн. человек.

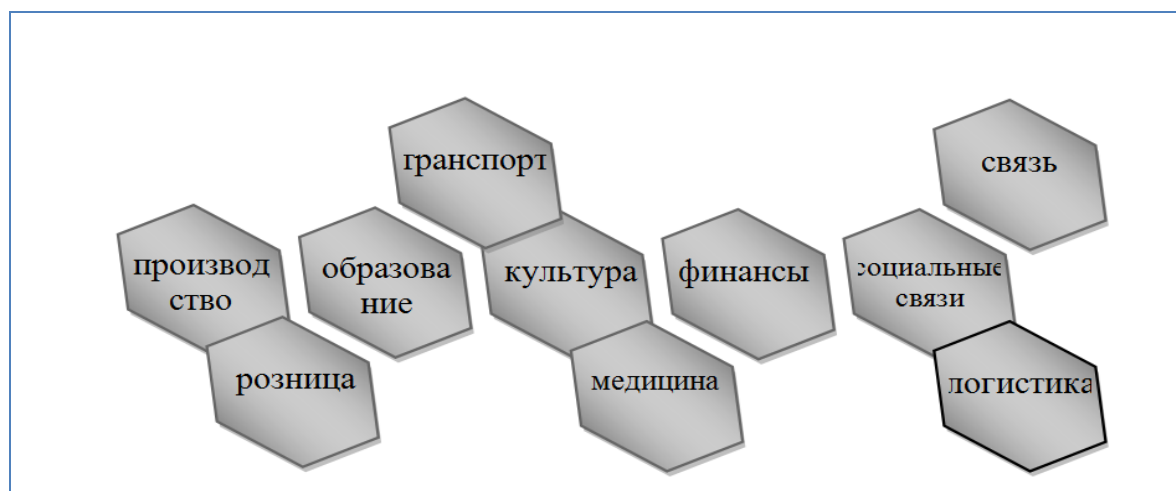

Рисунок 5 – Перечень отраслей в экономике Китая, на которые воздействуют интернет–технологии

Источник: составлено автором на основе Отчета о развитии инновационных тенденций в индустриях цифровой экономики 2019. Анализ наиболее важных новых экономических явлений в интернете / Аналитическое агентство Аймэйзисюнь (艾媒资讯). – Пекин: iiMedia Research, 2019. – С. 41.

С постепенным распространением и ростом рыночной сети количество пользователей интернета в городах превысило 600 млн. человек, а в сельской местности – 222 млн. человек. По оценке аналитиков «Аймэйзисюнь» (艾媒资讯), покрытие мобильного интернета составляет в Китае 98,6 %, поэтому такие уникальные функции смартфонов как геопозиционирование, съемка, тачскрины и мобильность позволяют появляться передовым коммерческим форматам: «мобильная оплата», «умные поездки», «мобильные интернет–магазины», «съемка коротких видео», «мобильный офис» и другие (Рисунок 6).

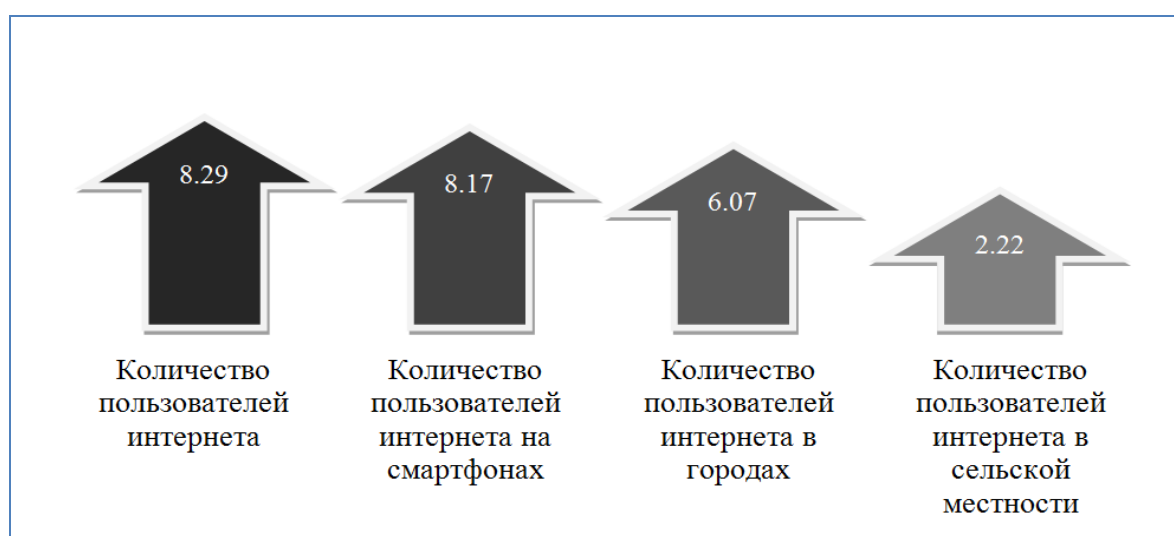

Рисунок 6 – Распространение среды мобильного интернета в Китае по итогам 2019г. (в сотнях млн. чел.)

Источник: составлено автором.

За 20 лет китайский интернет сначала 10 лет учился у американского, а потом его превзошел: один за одним стали появляться новые технологии, форматы и методы управления. Выделим некоторые особенности развития интернета в рассматриваемый период (Таблица 7).

По состоянию на сентябрь 2019 г. общая рыночная (оценочная) стоимость 100 крупнейших китайских интернет–компаний превысила 14 трлн. юаней (около 2 трлн. долл. США), а число пользователей их услуг – 3,78 млрд. чел.⁹⁵.

⁹⁵ Отчет о развитии инновационных тенденций в индустриях цифровой экономики 2019. Анализ наиболее важных новых экономических явлений в интернете / Аналитическое агентство Аймэйзисюнь (艾媒资讯). – Пекин: iiMedia Research, 2019. – С. 77.

Таблица 7 – Особенности развития китайского интернета
во второй декаде XXI в.

Особенность	Содержание особенности
Разнообразие устройств	Появление смартфонов как мобильных терминалов привело к изменению интерфейса, в котором единственным терминалом был компьютер. Стало развиваться многообразие пользовательских устройств
Производство развлекательного контента	С появлением 3G технологий скорость передачи цифровых данных радикально увеличилась, поэтому стал расти спрос на развлекательный аудиовизуальный контент: музыку, видео и игры
Двусторонняя связь как яркая особенность	Такие продукты для общения как «Вэйчат» (微信) и «Вэйбо» (微博) дали пользователям возможность осуществлять двустороннюю связь и повысили степень их участия в интернете
Тенденция к вертикальному развитию	У децентрализованных пользователей появились различия в информационных потребностях, поэтому компании-флагманы стремятся к более вертикальному и дробному направлению развития

Источник: Составлено автором с учетом плана Синь и дай жэньгун чжинэн фачжань гуйцэ (План развития искусственного интеллекта в новую эпоху). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2017. – С. 103-107.

Благодаря острой конкуренции появился целый ряд компаний, которые постепенно стали лидерами в своих областях, вдохнули новую энергию в китайскую экономику. Их социальная значимость и коммерческая стоимость стали постепенно возрастать.

В период быстрого развития мобильного интернета в Китае появилось несколько инновационных интернет-компаний. Среди них можно выделить такую компанию как мессенджер «Вэйчат» (微信). В начале эпохи онлайн «Вэйчат» (微信) не выглядел перспективным, но благодаря ряду в высшей степени инновационных и интересных функций социального общения он совершил неожиданную атаку и постепенно получил мощную поддержку рынка.

В 2011 г. в «Вэйчат» версии 3.1 был добавлен англоязычный интерфейс, который открыл ему дорогу для глобализации. Благодаря добавленным в 2012 г. видеочатам и беседам для нескольких пользователей «Вэйчат» стал все больше расти за пределами страны. После долгих лет модернизации программа стала чрезвычайно удобной для пользователей, а с огромными групповыми чатами и непрерывно совершенствующейся средой позиции «Вэйчат» имеют весьма

прочное положение. Теперь его называют «первой ласточкой» китайского мобильного интернета (Рисунок 7).

Рисунок 7 – Функции «Вэйчат» (微信)

Источник: составлено автором на основе Чжунго тунцзи няньцзянь – 2018 (Ежегодный статистический сборник – 2018) / отв. ред. Син Чжихун, Е Чжица. – Пекин: Государственное бюро статистики КНР, 2019. – С.129.

Теория и практика реализации китайской модели интернета наглядно проявляются в двух моделях: программе «Золотой щит» или «Великий китайский файрволл» (Great Firewall of China) и «Интернет+».

Программа «Золотой щит» включает использование ряда мер по технологической кибербезопасности страны, противостоянию проникновения в Китай вредных, с точки зрения китайских властей, «западных культурных продуктов и ценностей».

Мероприятия по программе «Золотой щит» стали осуществляться с 2003 г. Их результатом стала блокировка доступа в китайский интернет ряда западных интернет-платформ, включая Facebook, Google, Twitter, YouTube, а также – мониторинг деятельности граждан КНР в интернете с цензурированием не устраивавших властей материалов. Важным направлением и целью программы стал технологический протекционизм: запрет на деятельность в стране ведущих западных интернет компаний и создание благоприятных условий для развития собственных интернет-чемпионов. Этой цели удалось достичь – в стране

появились «Алибаба» (阿里巴巴), «Хуавэй» (华为), «Тэнсюнь» (腾讯), «Байду» (百度) и другие высокотехнологичные интернет-компании, которые копировали, адаптировали и использовали западные технологии, все более их локализируя.

Важной целью ограничений китайского интернета стала защита растущих технологических достижений Китая, повышение безопасности своей финансовой системы, постепенно открывающийся международному финансовому рынку. Возрастающая роль в защите китайского интернета отводилась и противостоянию нарастающим кибератакам. В результате «Золотой щит», означающий технологический протекционизм и поощрение импортозамещения в области развития национальной интернет-индустрии, сумел сыграть свою позитивную роль.

«Золотой щит» рассматривается как гарант цифрового суверенитета Китая и обеспечения его экономической и технологической безопасности, особенно когда Китай все более превращается в «фабрику новых высоких технологий». Как отмечал основатель компании «Хуавэй» (华为) Жэнь Чжэнфэй (任正非), «мы так далеко забрались по технологической лестнице, что не «Хуавэй» (华为) должна воровать у американцев, а американцы у «Хуавэй» (华为)»⁹⁶. С другой стороны, «Золотой щит» дал властям инструментарий для слежения за поведением китайских граждан, их настроениями посредством тотального контроля на основе цифровых технологий. При этом контроль осуществляется как за простыми гражданами, так и за представителями «высшего эшелона власти».

С развитием интернета совершенствуется и система отраслевого контроля. В 2017 г. Администрация киберпространства Китая выпустила инструкцию об упорядочении лицензирования в сфере информационных интернет-услуг, в которой определены стандартные требования в сфере услуг, предоставляемых

⁹⁶ Цифровая трансформация «Хуавэй» (华为). От виртуализации инфраструктуры к цифровому двойнику // Тематическое приложение к газете «Коммерсант». – 2018. – 29 марта.

интернет–провайдерскими, а также – к программным приложениям, программам обмена сообщениями, прямым интернет–трансляциям и др. Все эти нововведения объясняются необходимостью обеспечить безопасность и нормальное, упорядоченное развитие сферы интернет–услуг в Китае.

Другой китайской моделью развития интернета помимо «Золотого щита» является концепция «Интернет+». Как было отмечено выше, Ли Кэцян (李克强) объявил о необходимости форсированного развития в стране стратегии «Хуляньван+» (互联网+), в основе которой лежит курс на масштабное всестороннее использование информационных сетей для социально–экономического развития страны. Этапы всестороннего развития интернет–технологий в реальном секторе экономики и обществе Китая представлены в Таблице 8.

Таблица 8 – Проникновение интернет–технологии в отрасли китайской экономики

Период	Особенности периода
80–90–ые гг. XX века	Развитие традиционной логистики
1999 год	<i>Интернет + торговля = интернет-торговля B2B</i> 1) начало появления платформ электронной торговли B2B; 2) Банк развития Шеньчжэня запустил услуги по финансированию цепей поставок
После 2000 года	<i>Интернет + оборот = оплата перевозок</i> Компании традиционной логистики начали информационное развитие
2003 год	<i>Расцвет логистики в интернет–торговле</i>
2005 год	<i>Интернет + финансы = финансы цепей поставок</i> Проникновение важнейших предприятий в финансы цепей поставок
2007 год	Начало создания компаниями интернет–торговли собственной логистики
2012 год	<i>Интернет + производство = промышленный интернет</i> GE предложила концепцию промышленного интернета
2013 год	Проникновение платформ интернет–торговли и P2P в финансы цепей поставок
2016 год	Публикация рамочной концепции системы промышленного интернета 1.0
2018 год	Начало цифровой трансформации сельского хозяйства «Интернет + мелкие фермеры»
2019 год	План стратегии развития цифровых деревень

Источник: составлено автором.

Каждый этап задействования интернета в разных сферах имеет свои особенности, начиная с формирования такой отрасли как транспортная логистика в конце прошлого века и заканчивая масштабной цифровизацией страны, включающей полностью все общество (вплоть до деревень) (Таблица 8). Особую роль здесь сыграл национальный «Интернет+».

Выдвижение концепции «Интернет+» не случайно совпало с обнародованием госпрограммы «Сделано в Китае – 2025 г.» (сильно встревожившей американские власти), в которой вопросу всесторонней информатизации китайского общества и экономики уделяется особое внимание.

Обосновывая направления реализации стратегии «Интернет+», Ли Кэцзян потребовал активно осуществлять крупные проекты по строительству информационных сетей и системной интеграции, т.е. стимулирующей интеграции интернета, облачных технологий, цифровых хранилищ «интернета вещей», искусственного интеллекта с современным производством, развитием электронной коммерции.

В процессе своей углубленной теоретической разработки «Интернет+» предстает как курс на интеграцию интернета, ИКТ с традиционными отраслями экономики, обновляемыми на основе технологий «четвертой промышленной революции».

Основная суть концепции «Интернет+» – это цифровизация современного производства и вывод его в онлайн. Государство обязывается всемерно поддерживать информационные инновации на предприятиях, поощряя внедрение интернет-технологий в современное производство, осуществляя защиту прав на интеллектуальную собственность на основе утвержденных промышленных стандартов.

Концепция «Интернет+» отличается от стратегий «Промышленного интернета США» и концепции «Промышленность 4.0» Германии тем, что модель «Интернет+» нацелена на выработку в сетевом пространстве собственных стандартов⁹⁷, которые будут востребованы и как точки роста

⁹⁷ В июне 2019 г. Китай вышел из международного центра IEEE – Института инженеров и электроники по выработке новых стандартов связи в ответ на санкции в отношении компании Huawei.

китайской экономики, и как инструменты глобальной экономики, созданные на основе этой модели (а общий посыл стратегий США и Германии состоит в сопряжении ИКТ с реальным производством, создании киберфизических систем⁹⁸).

Центральное место в цифровизации экономики Китая в 10-е гг. XXI века занимают разработки и использование искусственного интеллекта (ИИ).

Разработки и использование ИИ китайское руководство считает движущей силой экономической трансформации страны, обеспечивающей выход страны на передовые позиции в мире, поэтому этой сфере уделяется приоритетное внимание.

В середине 2017 г. вслед за Японией, Канадой, Сингапуром в Китае был принят «План по развитию искусственного интеллекта в новую эпоху (2018–2020 гг.)», включающий стратегию, основные требования, узловые задачи, ресурсы, организационные и др. меры по достижению мирового лидерства в этой сфере⁹⁹. Индустрию по развитию ИИ предполагается превратить в новую, быстро растущую отрасль китайской экономики с объемом производства в 1 трлн. юаней¹⁰⁰, с вкладом в рост ВВП в размере 0,8–1,4 % в год¹⁰¹. Реализация плана осуществляется на основе сотрудничества государства и частных компаний под контролем государственного центра.

В 2017 г. в Китае в ходе реализации плана развития ИИ началось строительство четырех государственных инновационных платформ ИИ с участием бигтехов: «Байду» (百度) (платформы автопилотирования), «Алибаба» (阿里巴巴) (платформа городского мозга), «Тэнсюнь» (腾讯) (платформа медицинских изображений), «Кэдасюньфэй» (科大讯飞) (платформа интеллектуального звука).

⁹⁸ Kroeber A. R. China's Economy. What's everyone needs to know / A.R. Kroeber. – Oxford University, 2016. – С.57.

⁹⁹ Синь и дай жэньгун чжинэн фачжань гуйцэ (План развития искусственного интеллекта в новую эпоху). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2017. – С. 78.

¹⁰⁰ Google займется развитием ИИ в Китае, создав первый центр во всей Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.regnum.ru/news/2357196.html>

¹⁰¹ Artificial intelligence implications for China // McKinsey Global institute, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/artificial-intelligence-implications-for-china>

В настоящее время в области ИИ в Китае публикуется больше исследований, чем в США, и в несколько раз больше подается патентных заявок (Рисунок 8).

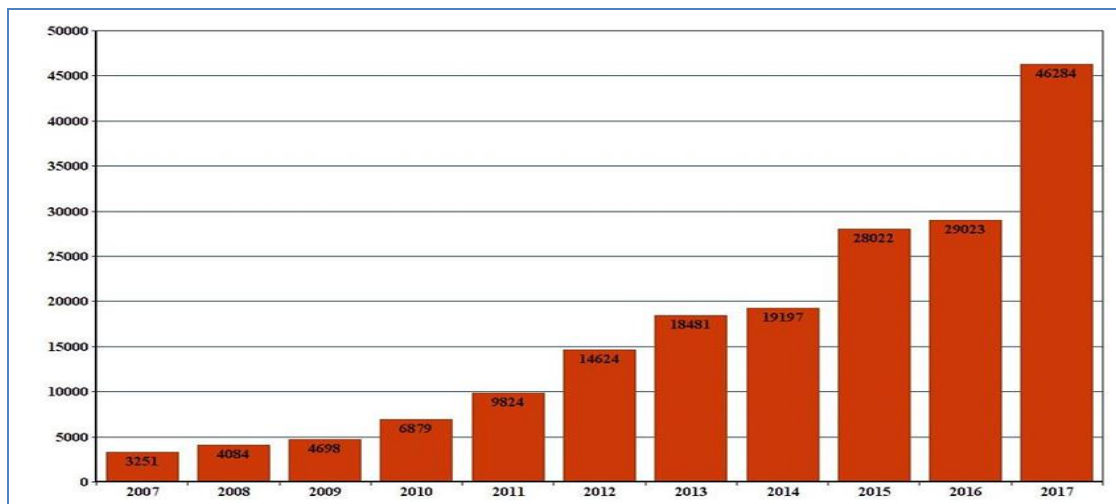

Рисунок 8 – Статистика количества патентных заявок по ИИ в Китае (2007–2017 гг.)

Источник: составлено автором на основе Чжао, В. Фэнси чжунго пинтай цзнци дэ юсяосин хэ фачжань цзихуа (Анализ эффективности платформенной экономики Китая и планы по её развитию) / В. Чжао // Гайгэ юй Чжанлюэ. – 2019. – № 3. – С. 60.

Диаграмма (Рисунок 8) показывает постоянный рост количества патентных заявок, связанных с ИИ. В 2017 г. их количество достигло 46284 штук, что почти в 2 раза больше в сравнении с 2016 г. Если говорить о конкретных продуктах ИИ, то в 2018 г. количество разработанных единиц программного обеспечения (ПО) выросло почти на 50 % и составило 1,1 млн. новых программ. Наиболее быстро росли (на 76 %) разработки мобильных приложений, а также ПО на основе ИИ с применением в области финансов, медицины, интернета вещей, облачных вычислений, антивирусов и защиты данных.

В соответствии с исследованиями экспертов Конгресса США текущее состояние технологической конкуренции между США и Китаем в 9 отраслях представляется следующим образом (Таблица 9).

Таблица 9 – Состояние технологической конкуренции между США и Китаем

Лидируют США	Примерный паритет	Лидирует Китай
1. Биотехнологии 2. Нанотехнологии 3. Облачная обработка данных 4. Коллаборативная техника	1. Искусственный интеллект 2. Квантовая информатика 3. Высокопроизводительные вычислительные системы	1. Эксафлопсные вычисления 2. Коммерческие дроны

Источник: составлено автором.

По мере развития технологии ИИ и расширения числа сфер ее применения, Китай постепенно отвоевывает у США лидерство в этой области (по мнению бывшего главы Google China Ли Кайфу (李开复)¹⁰²). В стране создана обстановка конкуренции в области ИИ, которая начинается со школы (подробнее об некоторых особенностях развития ИИ – в Приложении 3). Если в 2016 г. Китай привлекал только 11 % мировых инвестиций в ИИ–стартапы, то в 2017 г. их было уже 48 % против 38 % у США¹⁰³. Масштабы инвестирования в эту сферу в Китае превзошли в 2013 – 2018 гг. показатели США, и в Китае возник весьма емкий рынок использования ИИ, который претендует на роль крупнейшего в мире.

Китай постепенно сокращает технологический разрыв, планируя к 2025 г. обеспечить, например, более трети спроса на чипы для смартфонов. Смартфоны для китайских граждан – это не просто удобный доступ к тем или иным сервисам и платежам, но и стиль жизни как в городе, так и в сельских районах.

Мобильные платежи за разного рода покупки и услуги растут быстрыми темпами и, по некоторым данным в 2019 г. превысили 1 трлн долл. США. Огромные объемы мобильных платежей обеспечиваются за счет небанковских приложений к смартфонам, количество которых (приложений) с 2013 по 2017гг.

¹⁰² Шнуренко, И. Длинная партия в го / И. Шнуренко // Эксперт. – 2018. – № 50. – С. 47.

¹⁰³ China AI Development Report 2019. Отчет о развитии искусственного интеллекта в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sppm.tsinghua.edu.cn/eWeb/Editor/Upload/File/China_AI_development_report_2019.pdf

выросло с 4 до более чем 100 млрд.¹⁰⁴, а само число пользователей может достичь к концу 2020 г. 790 млн. чел. (Рисунок 9).

Рисунок 9 – Количество пользователей (в млн. чел.) мобильных платежей и темпы его роста (%) в Китае 2016 – 2020 гг.

Источник: составлено автором на основе Цзинцзи жибао чубаньшэ (Цифровая экономика. Новая экономика) / Под ред. Сюй Чэня, У. Дахуа, Тан Синлуна» (на китайском языке). – Бэйзин, 2020. – С. 9 – 10.

В целом мобильная коммерция опирается на развитую систему финансовых технологий¹⁰⁵. По уровню использования финтеха Китай является одним из мировых лидеров, доля его ТНК в глобальном секторе мобильных платежей составляет порядка 70 % и охватывает 38 стран (работают платежные операторы Alipay и Wechat Pay). В денежном эквиваленте в этом секторе Китай в 10 и более раз обогнал предшествующего лидера США: уже в 2018 г. объем потребительских мобильных платежей достигал 790 млрд. долл. (в США – около 70 млрд. долл.)¹⁰⁶.

Растущие мобильные платежи, технологии распознавания звука, голоса и речи составляют значительную составляющую в развитии ИИ. Данные о

¹⁰⁴ И дай и лу» цюаньцюхуа баогао (Доклад о глобализации «Один пояс, один путь» / под ред. Ян Шаньмина. – Пекин: «Шехуэй кэсюэ вэньчжай чубаньшэ», 2018. – С. 297.

¹⁰⁵ Барыкин С.А., Лю И. Предпосылки глобального развития рынка финтех в рамках концепции технологических укладов экономики К.Перес // Экономика Бизнес Банки. – 2019. – № 1(26). – С.149 (0,77 п.л. / 0,35 п.л.).

¹⁰⁶ Цзинцзи жибао чубаньшэ (Цифровая экономика. Новая экономика) / Под ред. Сюй Чэня, У. Дахуа, Тан Синлуна» (на китайском языке). – Бэйзин, 2020. – С. 12.

потребителях, агрегированные с помощью указанных технологий, являются важной «питательной средой» для ИИ. Технологии ИИ уже давно работают на китайских электронных платформах мобильных платежей, таких как Wechat Pay, Alipay и готовящихся к пуску Huawei pay.

В Плане развития ИИ предполагается, что в 2020 г. объем ключевых отраслей, связанных с ИИ, превысит 150 млрд. юаней (20 млрд. долл. США), к 2025 г. – 400 млрд. юаней, а к 2030 г. – 1 трлн. юаней (140 млрд. долл. США)¹⁰⁷.

Развитие многих интернет-технологий, ядром которых является ИИ, в значительной степени повлияет на конкурентоспособность платформ информационных услуг. В будущем ИИ, большие данные, голосовые функции, машинное обучение, как считают китайские специалисты, помогут создавать информационные платформы, выдавать более четкие и обоснованные информационные рекомендации, реализовывать эффективные инструменты маркетинга и всего его комплекса.

Важным направлением в цифровизации китайской экономики является интернет коммуницирующих между собой вещей (IoT), который по существу представляет собой отдельную программу. Целевыми показателями для интернета вещей являются количество подключенных к нему устройств и доля глобального рынка. По плану в 2020 г. число устройств должно вырасти до 20 млрд. единиц; доля рынка к 2025 г. должна составить 11 % от его общемирового объема¹⁰⁸.

Согласно планам Академии наук КНР, к 2022 г. будет создана группа из 72 малых спутников связи для интернета вещей. В 2019 г. в рамках этого проекта на орбиту Земли уже выведены 8 спутников. В 2020 г. – еще 4 спутника, начинается их коммерческая эксплуатация. Окончательно группа из 72 спутников к концу 2022 г. будет обслуживать пользователей широко спектра сфер деятельности. Китай активно вступает в конкуренцию с ведущими

¹⁰⁷ План развития искусственного интеллекта в новую эпоху: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm

¹⁰⁸ Там же.

западными компаниями, занимающимися глобализацией интернета через космос, пытаюсь занять свой сегмент в интернете вещей.

Компания «Хуавэй» (华为) в 2015 г. представила свою операционную систему Lite OS, которая через интернет позволяет управлять любыми устройствами, от самых простых, например, «умной зубной щетки», до автомобиля¹⁰⁹. За 10 лет, к 2025 г., «Хуавэй» планирует продать таких устройств более 100 млрд. единиц. Другая китайская компания «Тэнсюнь» (腾讯) разработала свою операционную систему, которая может стать платформенной основой для разных проектов ЦШП, включая производственные комплексные системы создания «умных городов» (технологических «оазисов» на маршрутах ЦШП).

Интернет вещей в Китае выходит, как отмечают китайские специалисты, на путь магистрального развития. Китай ожидают «интеллектуальное производство», «интеллектуальный контроль», «интеллектуальная логистика», «интеллектуальная продажа» и т.д.

Так, развитие «интеллектуального», «умного производства» (промышленного интернета) согласно «Программе – 2025» будет реализовано в ходе двух этапов¹¹⁰.

На первом этапе 2015 – 2020 гг. оно осуществляется прежде всего в машиностроении – происходит внедрение цифровых сетевых технологий в промышленных отраслях непосредственно на предприятиях.

На втором этапе 2020 – 2025 гг. происходит масштабная интеграция сетевых технологий во всех ведущих отраслях, в действие вступает сетевой интеллект (создается интеллектуальное пространство для всех бизнес-процессов). Важным направлением должно стать внедрение технологий 5G, а также поощрение формирования сильных китайских брендов, входящих в

¹⁰⁹ Лю, И. Некоторые особенности становления и развития цифровой экономики в Китае // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 48. (0.4 п.л.).

¹¹⁰ Стратегия КНР «Сделано в Китае – 2025»: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isdpc.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf>

число мировых классификаций, а не только поощрение деятельности национальных ТНК.

Особое место в цифровизации экономики и общества Китая занимает электронная торговля, получившая в последнее десятилетие бурное развитие и ставшая движущей силой в экономике, а также – важной отправной точкой для экономической реструктуризации и развития страны. Уровень жизни китайских потребителей постепенно улучшается, популярность электронной коммерции постоянно растет, а государство стимулирует развитие предпринимательских инициатив в этой сфере.

Масштабы мобильной электронной торговли в Китае неуклонно расширяются, с 2017 г. обгоняют темпы роста онлайн–коммерции в США. С 2016 г. эта отрасль вступила в стабильный период роста: в течение 2016 – 2018 гг. оборот торговли онлайн рос почти на 8 – 9 % ежегодно и концу 2018 г. составил 31,63 трлн. юаней. По некоторым данным число пользователей в 2019 г. достигло 713 млн. человек, впервые превысив отметку в 700 млн. человек. Значительный прирост клиентов в электронной торговле достигнут за счет сельского населения. При государственной поддержке в деревнях за 2016 – 2018 гг. было создано более 100 тысяч бизнес–пунктов и интернет–магазинов¹¹¹.

Ряд провинций Китая разработали и реализуют планы по развитию цифровой торговли. Так, например, власти провинции Чжэцзян, откуда начинается «Шёлковый путь» в рамках инициативы ОПОП, реализуют пятилетний план удвоения цифровой торговли. С середины 10-х гг. XXI века осуществляется эксперимент по функционированию пилотной зоны трансграничной электронной торговли в г. Ханчжоу в целях формирования стабильной торговой цепочки и соответствующей правовой базы. В начале 2016г. было принято решение о распространении полученного опыта в Ханчжоу еще в нескольких экспериментальных зонах (в г. Тяньцзинь и еще 12 крупных городах страны). В этих зонах с учетом местных условий, локальных особенностей и преимуществ под бизнес–процессы адаптированы

¹¹¹ Стратегия названа «Программа тысячи уездов, десятка тысяч деревень»

технологические стандарты, связанные с технологией B2B (технологическая цепочка, позволяющая связать компании через интернет); осуществляется контроль и регулирование, а также слежение за уровнем информатизации и другими направлениями развития. Все это рассматривается как создание воспроизводимого и развивающегося нового образца интернет–торговли по всей стране, а также – как поддержка в развитии внешнеэкономической деятельности.

Стратегия развития электронной торговли реализуется на основе принятого в Китае «Плана развития электронной коммерции 10–3–5». Цифра 10 означает развитие в соответствии с принципами инновационности, согласованности, экологичности, открытости и совместного пользования с целью построения общества «сяокан». Цифра 3 – это три главных принципа одновременного: развития и следования стандартам, сочетания конкуренции и согласованности, открытости и безопасности. Кроме того, поставлены две важные цели и задачи: рост электронной коммерции и услуг и социальное развитие.

С мощным ростом оборотов китайская электронная коммерция уже давно справляется только благодаря цифровизации многих своих и сопряженных процессов. Внедрена цифровая обработка интернет–заказов, логистические платформы работают на блокчейне для ускорения работы поточных линий и прогнозирования их загруженности на основе big data. Например, в таком режиме работает платформа «Цайняо ванло» (菜鸟网络) компании «Алибаба» (阿里巴巴). Еще в 2015 г. здесь была внедрена в эксплуатацию первая партия роботов, созданных специально для работы на складах. Кроме того, эффективность работы складов повышает здесь и «система звуковой сортировки», различающая разные диалекты китайского языка. В результате для сортировки и упаковки каждого заказа требуется всего 3 минуты. В обычных условиях ежедневно со складов выпускается более 100 тыс. заказов, но в период распродаж количество отправленных со складов заказов возрастает

до 1,5 млн. в день¹¹². Платформа «Цайняо ванло» (菜鸟网络) позволяет интегрировать работу предприятий электронной торговли, логистических компаний, складских предприятий, поставщиков услуг в области логистики и снабжения.

Новым этапом в развитии электронной торговли стали маркетплейсы, торговые электронные площадки и платежные системы, которых в совокупности в Китае насчитывается более 11 тысяч. Для маркетплейсов как платформ электронной коммерции разработаны соответствующие технологические стандарты и правила ведения бизнеса, законодательные нормы и условия функционирования.

Цифровые технологии с использованием ИИ все шире и активнее используются в розничной торговле¹¹³, в т. ч. следующие из них:

- технологии распознавания лиц, голоса и других биометрических систем;
- заказ еды с мобильного телефона (забрать свой заказ можно из специального шкафа, напитки выдаются через автомат посредством копирования QR-кода на его двери телефоном, а стоимость напитков списывается с телефона);
- мини-маркеты без продавцов;
- «умное» зеркало (дает возможность «примерить» покупателям косметику: если взять баночку с кремом, то информация о нем появляется рядом на экране) и др.

Многие китайские предприятия электронной коммерции опираются на цифровые платформы – маркетплейсы. Платформы предоставляют ряд услуг, которые не могут обеспечить традиционные оптовые рынки, ярмарки, биржи, а именно – логистические, финансовые, маркетинговые, юридические услуги.

В своей деятельности ведущие компании электронной коммерции используют цифровые, облачные хранилища данных для анализа

¹¹² Чэнь, Ч. Алибаба цзитуань синь ванло фуу (Новый интернет-сервис компании Alibabagroup) / Ч. Чэнь // Лунбао. – 2016. – 25 мая.

¹¹³ Чэнь М., Чжун Я. «Умные магазины» / М. Чэнь, Я. Чжун // Китай. – 2017. – № 9. – С. 33.

поведенческих моделей потребителей и формирования соответствующей цены. Таким образом, ретейл в Китае все более цифровизируется, также как и модели поведения покупателей и клиентов, основанные на общем достигнутом уровне цифровизации китайской экономики.

На сегодняшний день эксперты оценивают стадию развития онлайн-ритейла в Китае как зрелую (развитие подходит к пику), позволившую этой отрасли стать одной из «столпов китайской экономики»¹¹⁴. Вместе с тем, ее развитие несет и ряд проблем, которые стремятся урегулировать китайские власти. Эти проблемы связаны с возросшими требованиями к: качеству товаров, прозрачности сделок, соблюдению принципов добросовестной конкуренции и т.п. Для урегулирования подобных проблем в Китае в 2019 г. принят «Закон об электронной торговле», который нацелен на разработку отраслевых норм, защиту потребителей и др.

Помимо отмеченных направлений цифровизации китайской экономики в стране активно внедряются в практику технологии облачных вычислений. Так, одна из ведущих китайских и мировых компаний в области электронной коммерции «Алибаба» (阿里巴巴) активно развивает в стране облачный бизнес и, как отмечает СЕО «Алибаба» (阿里巴巴) Дэниэл Чжан (张勇), «движение людей в цифровое общество сопровождается развитием облачного бизнеса как необходимой инфраструктуры и в Китае, и во всем мире»¹¹⁵. Освоение китайского рынка идет достаточно быстро и успешно, но свои перспективы компания «Алибаба» со своим подразделением «Алиюнь» (阿里云) связывает с облачным бизнесом именно за пределами Китая. Как добавляет Дэниэл Чжан, «сейчас мы лидеры рынка в Китае, но главное для компании – «глобальная экспансия»¹¹⁶.

¹¹⁴ Цзян С., Цзяо П. Сычоу чжи лу ланьсэ пишу: Сычоу чжи лу цзинцзи дай дяньцзы шанъу фачжань баогао (2017) («Голубая книга» шелкового пути: Отчет о развитии электронной коммерции экономического пояса Шелкового пути – 2017). – Пекин: Шехуэй кэсюэ веньчжай чубаньшэ, 2018. – С. 35.

¹¹⁵ Грач Т. Знакомьтесь, Дэниэл Чжан! Каков он – новый будущий хозяин Алибаба? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-retail.ru/business/znakomtes_daniel_chzhan_kakov_on_novyy_budushchiy_khozyain_alibaba7979/

¹¹⁶ Там же.

В целом можно сделать вывод, что цифровизация в Китае набрала высокие темпы, а объем цифровой экономики и ее доля в ВВП постоянно растут на протяжении последних 5 лет (еще некоторые статистические данные по цифровизации отраслей представлены в Приложении 4 к настоящему исследованию). Согласно статистическим данным, в 2018 г. объем цифровой экономики Китая достиг 31,3 трлн. юаней или 34,8 % ВВП ¹¹⁷, а в 2019 г. – 35,5 трлн. юаней или 36,2 % ВВП (Рисунок 10).

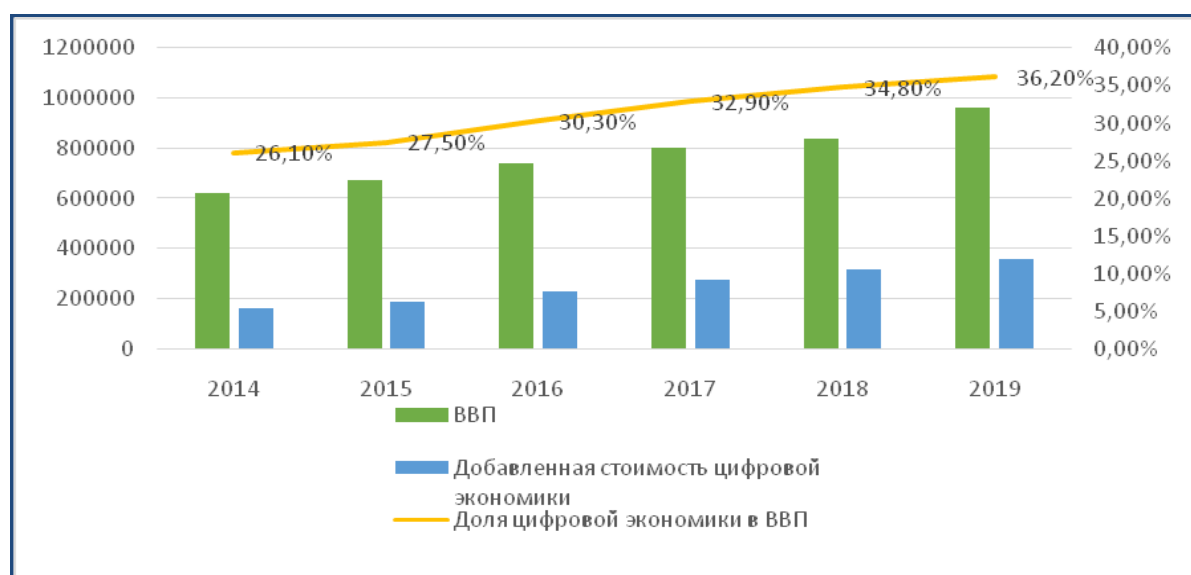

Рисунок 10 – Объем цифровой экономики в Китае (в сотнях млн. юаней) и ее доля в ВВП (в %) в 2014 – 2019 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных исследования: Цифровая экономика Китая. Белая книга. – Пекин: издательство Китайского института информации и коммуникации, 2020. – С.94.

Только за один год цифровая экономика в Китае выросла на 4,2 трлн. юаней или почти 600 млрд. долл. США. Это высокие темпы, и пока стране удастся их сохранять даже с учетом замедления темпов роста ВВП.

Отметим для сравнения рейтинг некоторых стран по вкладу их цифровизированных экономик в ВВП в 2018 г. по методологии САИСТ¹¹⁸ Они распределились следующим образом: США – 59 %; Япония – 46 %; страны

¹¹⁷ Чжунго чжицзао 2025. Ланьпишу 2019 (Сделано в Китае 2025. Голубая книга 2019) / под ред. Го Хуэйзюань. – Пекин: Даньцзя гунъе чубаньшэ, 2019. – С. 86.

¹¹⁸ Краснушкина Н., Бутрин Д. Закипающий цифровой котел // Коммерсант (тематическое приложение – Рейтинговые услуги). – 2019. – 4 апреля.

БРИКС (Бразилия, Индия, ЮАР) – около 20%. Очевидно, что Китай лидирует со значительным отрывом среди стран БРИКС, но ему еще предстоит много работать, чтобы догнать США по показателю цифровизации экономики.

Следует отметить, что рост цифровизации в стране является весьма неоднородным как в географическом, так и отраслевом отношении. Наиболее развитой в этом плане является юго–восточная часть Китая и города центрального подчинения при значительном отставании регионов центрального и северо–западного Китая (Хэнань, Цинхай, Синьцзян, Уйгурский автономный район), т.е. те районы, по которым проходит «Пояс и путь». Средний показатель развития цифровой экономики в стране равен 32,0, при этом в 11 провинциях он выше среднего значения. На первом месте находится Гуандун (69,3 %), на втором – Пекин (56,5 %), на третьем – Цзянсу (56,1 %) (Рисунок 11).

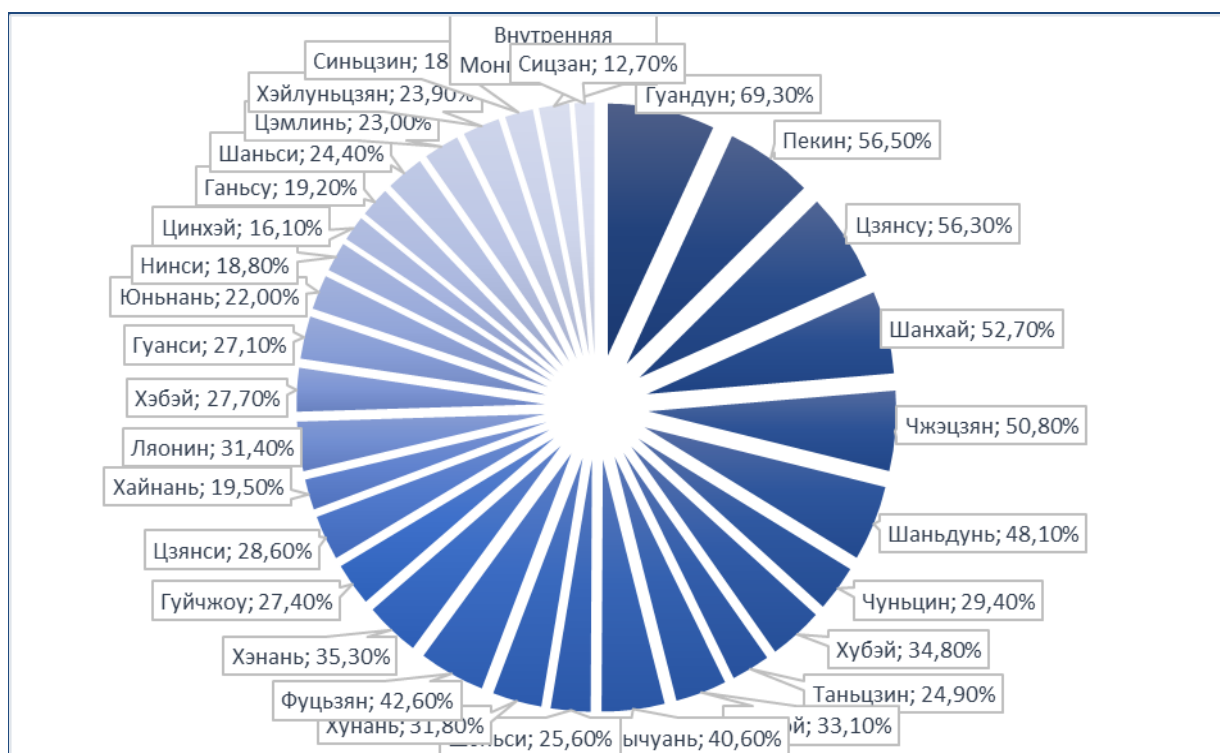

Рисунок 11 – Рейтинг провинций Китая по развитию цифровой экономики в 2019 г.

Источник: составлено автором на основе данных Отчета о развитии инновационных тенденций в индустриях цифровой экономики 2019. Анализ наиболее важных новых экономических явлений в интернете / Аналитическое агентство Аймэйзисюнь (艾媒资讯). – Пекин: iiMedia Research, 2019. – С. 41 – 45.

Если опять сравнивать уровень цифровизации отдельных провинций Китая с аналогичным показателем по странам БРИКС, то очевидно, что большинство провинций давно превысили уровень в 20 % (Рисунок 11). Однако, наглядно продемонстрирован и тот факт, что есть регионы, где уровень цифровизации крайне низкий, например, Сицзан (12,7%) или Цинхэй (16,1%). Это говорит о том, что преодолевать отставание в несколько десятков процентов крайне сложно: даже до среднего по стране уровня в 32% с 12,7 % поднять цифровизацию провинции сложно, а про достижение максимального уровня в 69,3% и говорить нечего. Китаю предстоит серьезная работа в этом направлении, поэтому вполне понятна его готовность в ближайшее время сосредоточить большую часть эффектов от реализации проектов ОПОП на выравнивании цифровых дисбалансов в своей стране.

Как отмечала китайская газета «Цзинцзи цанькао бао» (经济参考报), большой потенциал в Китае демонстрирует информационное потребление по мере того, как в стране усиливается стимулирование внутреннего спроса.

Статистические данные показывают, что за период с 2017 по 2018 гг. объем информационного потребления в Китае вырос на 13 % и достиг уровня 5 трлн. юаней, а к концу 2020 г. этот показатель вполне может достичь 6 трлн. юаней при темпах ежегодного роста в 11 %, поскольку «появление новых продуктов и технологий формирует огромный потенциал для роста информационного потребления»¹¹⁹.

Некоторые исследователи процесса цифровизации в Китае рассматривают эту ситуацию как формирующийся «пузырь», поскольку вложения в китайскую цифровую экономику почти в два раза превышают цифровые инвестиции в экономики всех остальных стран: консалтинговая компания AlphaBeta указывает, что в 2017 г. вклад цифровых данных в китайскую экономику достиг 500 млрд. долл. США, а в зарубежные экономики – 250 млрд. долл. США; в 2018 г. около 70 % всех частных инвестиций в

¹¹⁹ Сяо Янь Цзы, Цзяочао Ха Возможности развития инициативы «Один пояс, один путь» после пандемии / Янь Цзы Сяо, Ха Цзяочао // Образование и право. – 2020. – № 4. – С. 500.

цифровую экономику Азиатско–Тихоокеанского региона приходились на Китай. (аналитика компании Bain and Comp., Бостон, США). Все эти данные настораживают иностранных инвесторов в отношении того, что выйти из инвестиций в китайскую «цифру» будет весьма затруднительно, если конъюнктура изменится.

Отмечая несомненные успехи в цифровизации экономики Китая, следует видеть и то, что страна отстает по ряду показателей в этом процессе от других стран. В частности, от России в области проникновения интернета. Догоняя США по роботизации, Китай отстает от мировых лидеров этой сфере – Южной Кореи и Германии.

Цифровизация экономики для Китая – это важный механизм по сокращению затрат и повышению эффективности промышленного производства, возможность активизировать инновационные процессы в стране, решить многие социальные проблемы. С 2013 по 2025 гг. цифровизация экономики Китая может повысить производительность труда на 7–22 %, что соответствует вкладу в ВВП 3,2 – 11,4 %. Растет количество рабочих мест, связанных с цифровой экономикой: в 2018 г. оно составляло 191 млн. человек, т.е. 24,5 % от общего количества занятых в экономике. При этом количество рабочих мест в индустрии цифровизации составляло 178 млн. человек¹²⁰.

Достигнутые результаты цифровизации Китая свидетельствуют, что реализация программы ЦШП – это заявка Китая на противостояние в жесткой конкурентной борьбе в современную технологическую эпоху; выстраивание новых технологических цепочек с участием стран, находящихся на маршрутах ЭШП для создания единого общества с цифровой экономикой вдоль «Пояса и пути»; в целом создание цифровой экосистемы Китая с сильной клиентской системой, в которой формирование цифрового ландшафта находится исключительно в зоне ответственности Китая.

¹²⁰ Отчет о развитии инновационных тенденций в индустриях цифровой экономики 2019. Анализ наиболее важных новых экономических явлений в интернете / Аналитическое агентство Аймэйзисюнь (艾媒资讯). – Пекин: iiMedia Research, 2019. – С. 59.

2.3. Основные элементы структуры «Цифрового Шелкового пути»¹²¹

Реализуя проекты инициативы ОПОП за пределами страны, накопив положительный опыт применения своей модели глобализации и освоив ее инструментарий, Китай нацелен на дальнейшую реализацию потенциала международного сотрудничества и преодоление: протекционистских тенденций в мире; превалирования ориентации на двусторонние отношения; политики противостояния, санкций, препятствующих развитию сотрудничества.

ЦШП как элемент эффективной модели цифровизации Китая и вектор ЭШШП способствует реализации этих целей посредством экспансии национальных цифровых стандартов. Инструменты экспансии носят и тактический, и стратегический характер – так можно говорить практически про каждый из рассмотренных ранее инструментов «Индустрии 4.0», которые участвуют в активном строительстве цифровой экономики Китая.

Таким образом, ЦШП можно определять как *технологическую составляющую инициативы «Один пояс, один путь», важный элемент развивающегося процесса цифровизации экономики и общества Китая, часть формируемой национальной цифровой экосистемы, с перспективой ведущей роли в создании глобальной цифровой системы* (Рисунок 12).

На Рисунке 12 представлен авторский подход к выбору основных структурных составляющих ЦШП и формированию логической схемы перехода от национальной цифровой экосистемы к глобальной цифровой системе развивающегося механизма китайской цифровой экспансии¹²².

Поскольку механизм экспансии находится в активном процессе развития, то представлены его элементы, актуальные в настоящее время

¹²¹ При подготовке данного раздела диссертации использованы публикации, выполненные автором лично и в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Лю И. «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь» // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 12. – С.279 (0.75 п.л.);

Лю И., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ Цифрового шелкового пути // Мир новой экономики. – 2019. – №4. – С. 65 (0,99 п.л. / 0.75 п.л.).

¹²² Лю И., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ Цифрового шелкового пути // Мир новой экономики. – 2019. – №4. – С. 65 (0,99 п.л. / 0.75 п.л.).

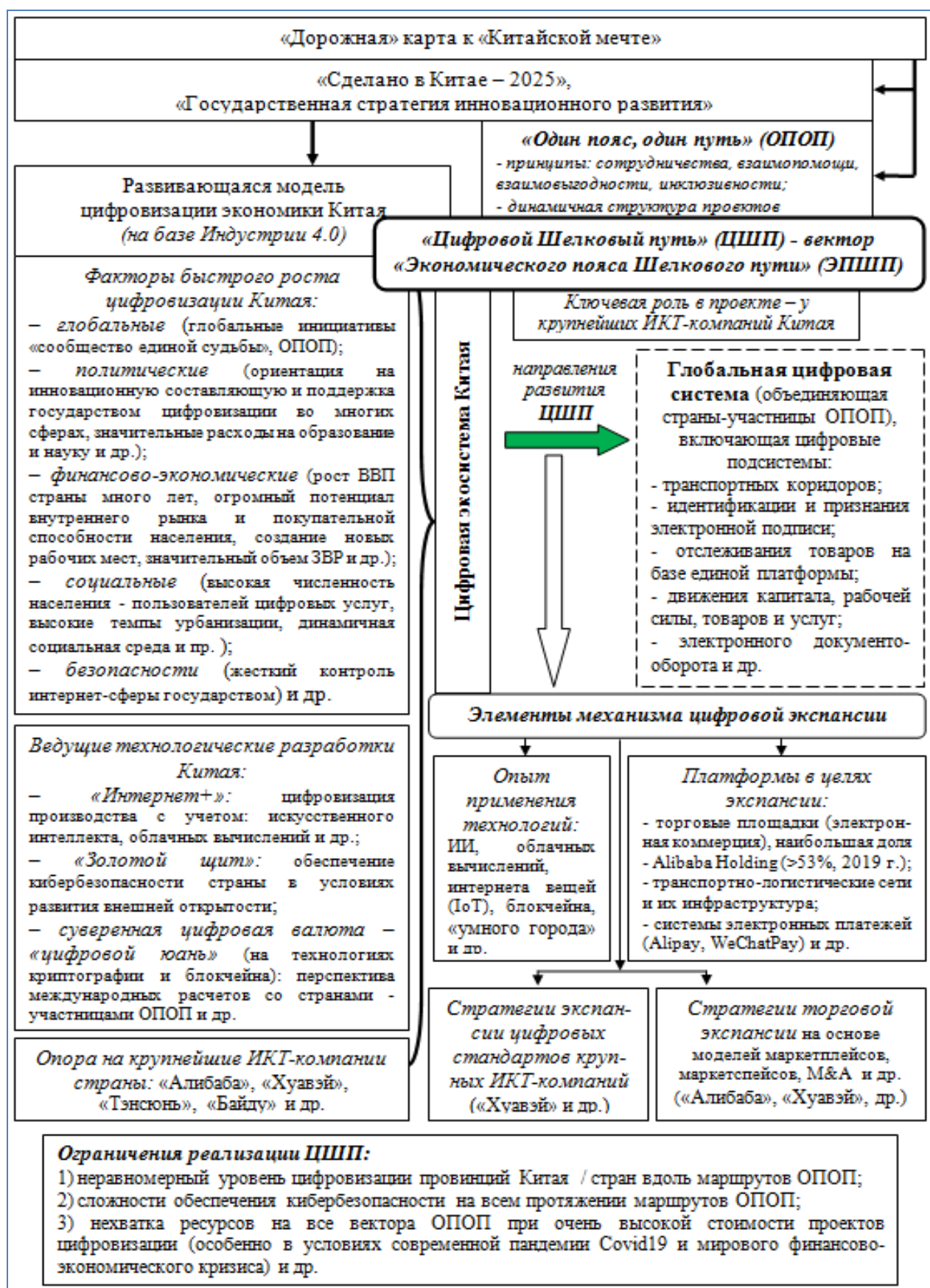

Рисунок 12 – Проект ЦШП, его структура и направления реализации в системе ведущих китайских инициатив ОПОП и ЭПШП

Источник: разработано автором

Если рассматривать в целом фундаментальные основы ЦШП и его инструментария, то они все содержатся в трех ведущих концепциях развития страны: Программе – 2025, Государственной стратегии инновационного развития и концепции ОПОП. В совокупности данные документы определяют дорожную карту¹²³, содержание которой для ЦШП к данному моменту времени и представлено на Рисунке 12.

Отметим еще ряд особенностей представленной совокупности структурных составляющих ЦШП:

- ЦШП является на сегодняшний день единственным проектом ОПОП, где ключевая роль в реализации – не у государства, а у крупнейших частных ИКТ-компаний Китая, соответственно, финансируется этот проект преимущественно частными инвестициями ведущих бигтехов. Хотя для ОПОП (ЭПШП) были созданы и специальный фонд (ФШП), и банк – АБИИ;

- ОПОП обладает динамичной структурой проектов, например, в условиях пандемии Covid19 в 2020 г. добавился проект «Шелковый путь Здоровья» (Health Silk Road), что предполагает для него и развитие цифровой составляющей (на базе ЦШП);

- цифровая валюта «цифровой юань» была запущена в 2020 г. для противодействия долларовой политике¹²⁴, точнее, как альтернатива доллару в мире и как перспектива для международных расчетов в условиях реализации инициативы ОПОП. Валюта создана на основе технологии блокчейн как блокчейн-инновация (для финансирования инноваций на базе данной технологии в 2019 г. в Китае был создан комитет по стандартизации блокчейна и специальный комитет для финансирования);

- структура и содержание механизма экспансии находятся в постоянном развитии, но можно выделить эффективные сегодня элементы: стратегии торговой экспансии в страны ЕАЭС и Центральной Азии; торговые платформы; опыт применения высоких технологий (блокчейна, искусственного интеллекта,

¹²³ Лю И. «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь» // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 12. – С.279 (0.75 п.л.);

¹²⁴ Волков К. В Китае начали использовать цифровой юань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/08/31/v-kitae-nachali-ispolzovat-cifrovoj-juan.html>

технологии «умный город» и пр.) и его экспансия за пределы Китая; стратегии экспансии цифровых стандартов активно реализуются «Хуавэй» и другими бигтехами, в т.ч. технология «умный город» и др.

– представленная структура находится в динамике, но, несмотря на добавления новых инструментов, изменения стратегий, базовые элементы остаются нетронутыми – национальные «Интернет+» и «Золотой щит».

Китай, достигнув статуса державы с активно развивающейся цифровой экономикой, предлагает странам, находящимся на маршрутах ОПОП ряд проектов в области приобщения их к процессам цифровизации на основе семи принципов: поощрения многоуровневых контактов; поддержки стратегий и методов; совместной практики; укрепления обучения и исследований; разработки усовершенствованных критериев; улучшения расчетов в сфере цифровой экономики и укрепления международных контактов.

Центральным, определяющим звеном в реализации ЦШП и расширении сотрудничества со странами на маршруте ЭШП является электронная торговля как механизм экономической деятельности в интернете и движущая сила развития ОПОП¹²⁵. Про нее уже говорили в предыдущем параграфе, но с точки зрения цифровых инструментов. Здесь выделим динамику ее развития как драйвера всей цифровой экономики страны и результата реализации стратегий бигтехов (в т.ч. стратегий, представленных на Рисунке 12).

Развитие онлайн – торговли в Китае и в мире осуществляется посредством деятельности таких технологических гигантов как «Алибаба» (阿里巴巴), «Тэнсюнь» (腾讯), «Цзиндун» (京东) посредством создания площадок для трансграничной коммерции онлайн с использованием облачной логистики и интернет–финансов.

Общий рост оборотов китайской внешней торговли способствовал взрывному росту трансграничной электронной торговли (Рисунок 13).

¹²⁵ Цзян С., Цзяо П. Сычоу чжи лу ланьсэ пишу: Сычоу чжи лу цзинцзи дай дяньцзы шанъу фачжань баогао (2017) («Голубая книга» шелкового пути: Отчет о развитии электронной коммерции экономического пояса Шелкового пути – 2017). – Пекин: Шехуэй кэсюэ веньчжай чубаньшэ, 2018. – С. 38.

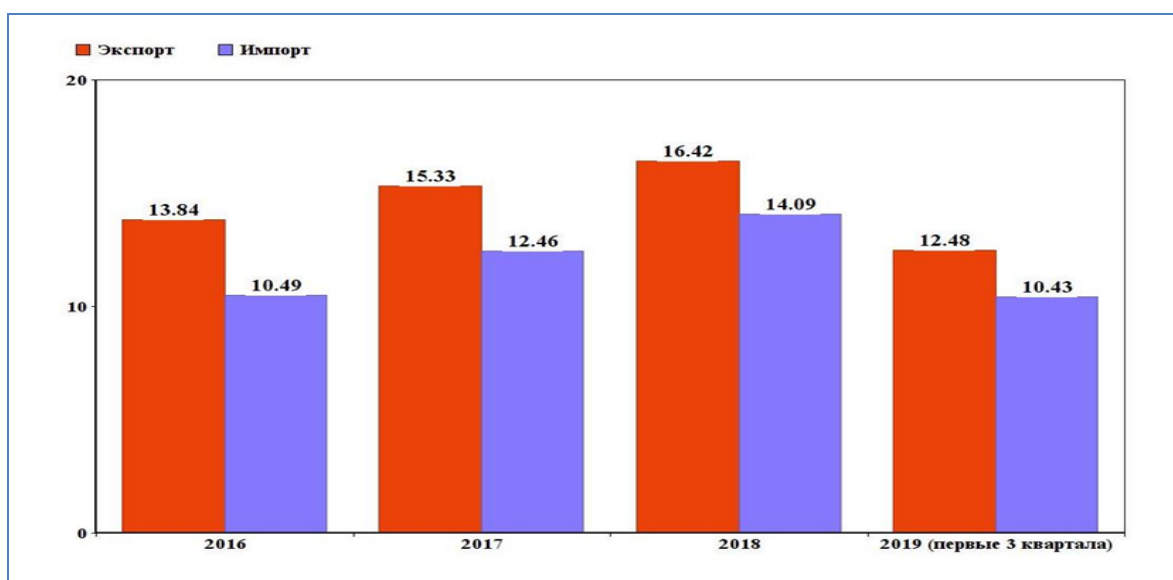

Рисунок 13 – Общий оборот китайского импорта–экспорта (в трлн. юаней)

Источник: составлено автором на основе Отчета о развитии инновационных тенденций в индустриях цифровой экономики 2019. Анализ наиболее важных новых экономических явлений в интернете / Аналитическое агентство Аймэйзисюнь (艾媒资讯). – Пекин: iiMedia Research, 2019. – С.96.

За три квартала 2019 г. общий оборот импорта–экспорта во внешней торговле Китая составил 22,91 трлн. юаней или 3,2 трлн. долл. США, продемонстрировав прирост в 2,8 %: из них на экспорт приходится 12,48 трлн. юаней, на импорт – 10,43 трлн. юаней соответственно. В сравнении с аналогичным периодом 2018 г. экспорт вырос на 5,2 %, а импорт практически остался без изменений (Рисунок 13). В постоянно усложняющихся экономических условиях, на которые влияют и торговые войны с США, и растущая конкуренция на мировых рынках, Китаю в целом удастся сохранять рост торгового оборота и даже его увеличивать за счет развития электронной трансграничной торговли. По итогам 2019 г. Китай уже контролировал почти 56 % всего мирового ретейла (по оценкам eMarketerInc), что далеко не предел

Оборот онлайн–торговли в Китае в 2019 г. составил около 10,8 трлн. юаней или 1,51 трлн. долл. США, что на 18,7 % больше в сравнении с 2018 г. При этом, очевидно, что уже в 2018 г. оборот электронной торговли достиг почти трети от общего внешнеторгового оборота Китая и эта доля продолжает стабильно увеличиваться вместе с ростом объемов трансграничной торговли онлайн (Рисунок 14).

Рисунок 14 – Общий объем товаров импорта–экспорта в трансграничной розничной торговле в 2016 – 2020 гг. (в сотнях млрд. юаней)

Источник: составлено автором на основе Отчета о развитии инновационных тенденций в индустриях цифровой экономики в I квартале 2020. Анализ наиболее важных новых экономических явлений в интернете / Аналитическое агентство Аймэйзисюнь (艾媒资讯). – Пекин: iiMedia Research, 2020. – С.69.

Объем китайской трансграничной интернет–торговли растет быстрыми темпами, предполагается, что в 2020 г. он достигнет 12,95 трлн. юаней с учетом гигантского скачка вверх во время пандемии Covid19. С одной стороны, в период тяжелой борьбы с коронавирусом, которая продолжается и по сей день, во многих странах снизились темпы роста экономики, ряд отраслей понесли значительные потери, правительствам пришлось в экстренном порядке оказывать помощь бизнесу и др., но, с другой стороны, отрасли, работающие на цифровых технологиях, оказывающие услуги онлайн, существенно поднялись. К ним относится и электронная торговля. В Китае, по оценкам самих предпринимателей, электронные торговые обороты в некоторых случаях выросли на 50 % в сравнении с предыдущим годом, а загруженность морских и железнодорожных портов увеличилась в разы¹²⁶. Во многих провинциях бизнес начал переписывать правила под новые условия экономической деятельности.

¹²⁶ И дай и лу цюаньцюхуа баогао («Один пояс, один путь»: развитие электронной коммерции) / под ред. Ян Шаньмина. – Пекин: «Шехуэй кэсюэ вэньчжай чубаньшэ», 2020. – С.22.

В 2019 г. количество иностранных покупателей китайских интернет-магазинов достигло 154 млн. чел. и продолжает быстро расти¹²⁷. Аналитики «Аймэйзисюнь» (艾媒资讯) полагают, что благодаря новым концепциям потребления и продолжающемуся применению соответствующими органами благоприятствующих мер, изменениям условий торговли вследствие пандемии, а также ожиданиям потребителей, подстегиваемых бонусами за покупки, данный показатель будет стабильно расти (Рисунок 15).

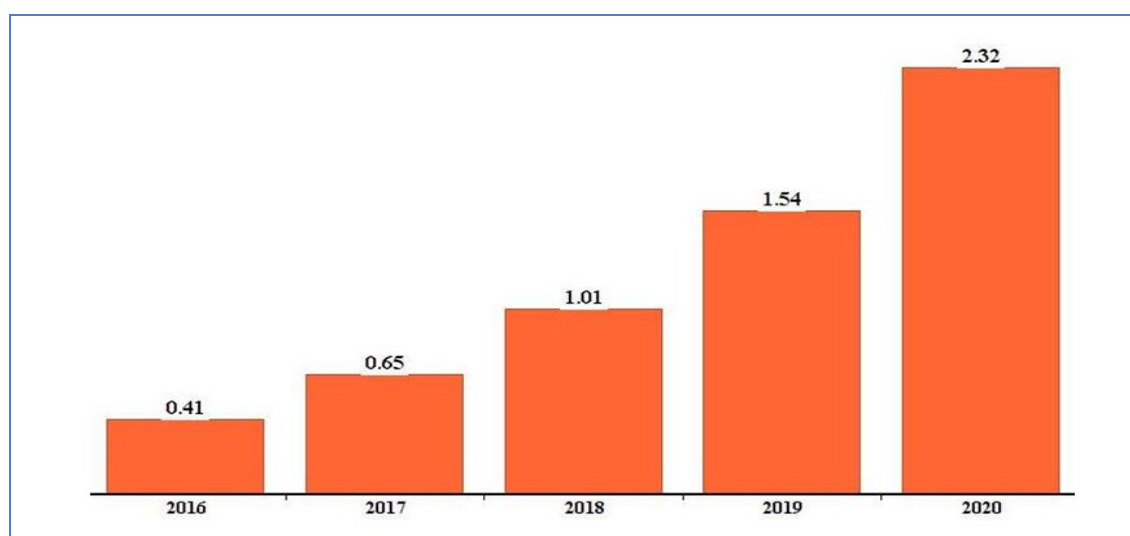

Рисунок 15 – Количество иностранных покупателей китайских интернет-магазинов в 2016 – 2019 гг. и прогнозном 2020 г. (в сотнях млн. человек)

Источник: составлено автором на основе Цзинцзи жибао чубаньшэ (Цифровая экономика. Новая экономика) / Под ред. Сюй Чэня, У. Дахуа, Тан Синлуна» (на китайском языке). – Бэйзин, 2020. – С. 13 – 15.

Рост внешней торговли Китая и ее электронной составляющей потребовал существенной трансформации системы доставки товаров и транспортно-логистической сети в целом. Скорость и надежность доставки товара в современных условиях приобретают важнейшую роль как базовые составляющие конкурентоспособности компаний. Сегодня весь мир в цифровом варианте представляет собой модель гипермаркета, где одним из основных ожиданий покупателей (потребителей) становится немедленное

¹²⁷ Китай планирует в 2025 году ежедневно обрабатывать около миллиарда посылок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customsforum.ru/news/business/kitav-planiruet-v-2025-godu-ezhednevno-obrabatyvat-okolo-milliarda-posylok-545902.html>

получение купленного товара, соответственно, быстрая доставка товаров становится ключевой основой системы китайской торговли онлайн. Исходя из этого, важное значение в развитии ЦШП играет транспорт, железнодорожный и автомобильный, а также технологии логистики, включающие инструменты «Индустрии 4.0» и, в первую очередь, блокчейн. Рассмотрим подробнее сущность данной технологии и особенности ее применения.

Блокчейн (blockchain – цепочка блоков) – это название распределенной базы данных, состоящей из последовательной цепи блоков, построенной по определенным правилам и связывающей блоки хронологически и криптографически¹²⁸.

Для транспортно–логистических сетей блокчейн имеет следующую практическую пользу: позволяет отслеживать материальный и информационный потоки по всей цепи поставок, обеспечивает защиту от мошеннических схем потребителям и партнерам (в т.ч. посредством криптографической защиты), обеспечивает режим работы всех звеньев цепи в режиме реального времени, снижает операционные риски (уменьшает количество ошибок при проведении расчетов и пр.) и в целом системные риски деятельности, обеспечивает достижение высокой степени гибкости цепочки и снижение доли «серого» импорта и т.д.

В простом понимании блокчейн функционально предлагает следующее: все документы на поставку видны всем участникам процесса; есть возможность делать закупки и подписывать контракт сразу в сети (в режиме реального времени); информация о погрузке, прохождении контроля, доставке и пр. также доступна всем участникам – можно принимать оперативные решения при проблемах на конкретном этапе и др. Блокчейн является одной из ведущих технологий, которая может обеспечивать прозрачность и защищенность всех интегрированных процессов¹²⁹.

¹²⁸ Куприяновский В.П., Синягов С.А., Климов А.А., Петров А.В., Намиот Д.Е. Цифровые цепи поставок и технологии на базе блокчейн в совместной экономике // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – № 8. – Т. 5. – С. 81.

¹²⁹ Трифонов, П.В. Трансформация управления цепями поставок в условиях четвертой промышленной революции / П.В. Трифонов // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – № 3. – С. 33.

По данным исследования PwCDigital IQ, блокчейн входит в десятку наиболее передовых технологий, способных изменить бизнес-модели компаний (наряду с ИИ, дополненной реальностью, интернетом вещей и др.)¹³⁰. Кроме того, по оценкам зарубежных специалистов, блокчейн позволяет увеличить ВВП всех стран на 10 % за 10 лет¹³¹.

С практической точки зрения блокчейн позволяет сократить затраты за счет ликвидации широко списка посредников, руководствуясь принципами: целевой направленности и системности; кросс-функциональности и экономической целесообразности и др.

Внедрение технологии блокчейн может быть осуществлено несколькими способами, из которых два наиболее очевидны: во-первых, цифровизация на базе хабов, которые Китай собирается строить на протяжении маршрутов ЭПШП с подключением механизма государственно-частного партнерства для финансирования (такой подход очень актуален в странах ЕАЭС). В рамках хаба создается централизованная распределительная книга (база данных) по сделкам на территории региона / регионов, которые этот хаб обслуживает. Централизация здесь является условной и предполагает, что все сделки и информация по ним содержатся в единой сети (на базе, например, блокчейна), но каждый из участников имеет полный доступ к своим сделкам, и информация по ним криптографически защищена; во-вторых, использование мощностей самой технологической компании в объединении с местными партнерами (дистрибьюторами, оптовыми покупателями, транспортными компаниями-партнерами и пр.), т.е. с подключением механизма частных инвестиций заинтересованных сторон, в т.ч. тех, кто готов выходить на зарубежные рынки. С учетом того, что Китай активно сотрудничает со странами ЦА в рамках ЭПШП (и вкладывает большие ресурсы в развитие цифровой инфраструктуры), его глобальные возможности при использовании блокчейна в хабах только увеличиваются.

¹³⁰ Всемирное исследование PwCDigital IQ® за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/global-digital-iq-survey-rus.pdf>

¹³¹ Maier R., Passiante G. & Zhang S. Creating value in networks / R. Maier, G Passiante // International Journal of Innovation and Technology Management. – 2011. – № 3. – Т. 8. – С. 362.

Все примеры успешной реализации технологии блокчейн построены на том, что централизованная цифровая платформа (с общими данными территории, функций, тарифов и пр.) позволит компаниям значительно сокращать расходы на транспортировку, выявлять потенциальные проблемы и предвосхищать потребности клиентов не только в текущей, но и в прогнозируемой перспективе до года.

Китай ориентируется на то, что в логистике и управлении цепями поставок блокчейн имеет наибольший потенциал развития и используется и на внутренних, и на международных рынках. Это особенно актуально с учетом постоянно растущей доли валовых перевозок страны в ВВП: если в 2015 г. она составляла порядка 18 %, то в 2019 г. – 22 %, что в два и более раз больше в сравнении развитыми странами¹³².

Значимость транспортной отрасли в Китае сложно переоценить, особенно с учетом очень большой численности населения, географических масштабов страны и развития проектов ОПОП. В условиях пандемии с ростом оборотов электронной коммерции грузовые перевозки постепенно переходят в режим экспресс–доставки и еще более подтверждают свою значимость как одного из ключевых секторов экономики. При этом сама отрасль экспресс–доставок уже стала для Китая новым драйвером увеличения не только товарооборота, но и роста внутреннего спроса и занятости. А обеспечение растущих объектов коммерции онлайн на маршрутах ЭПШП осуществляется посредством систем электронных мобильных платежей, о которых уже говорили ранее, – Alipay и мессенджер WeChat Pay.

Китайские разработчики модели ОПОП в перспективе видят ее завершение в форме развивающегося интеллектуального сообщества в цифровом пространстве. По их мнению, модель «Интернет+» будет способствовать цифровой трансформации стран–участниц ОПОП, а ЦШП

¹³² КНР становится еще ближе. Перспективы логистики Китая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shuttle-logistic.com/novyye-vozmozhnosti/KNR-stanovitsya-eshhe-blizhe.html>

сделает Китай локомотивом глобальной цифровой экономики¹³³. Специалисты компании «Хуавэй» (华为) подсчитали, что к 2025 г. доступ к интернету получат 77 % населения планеты, а мобильная связь будет доступна почти 80 % людей¹³⁴. Фактически будет сформирован новый «интеллектуальный мир», а ЦШП вместе с «Хуавэй» могут стать значимой технологической частью этого мира с новыми сетевыми технологиями. К подобным технологиям «Хуавэй» относится, например, Intent Driven Network (IDN), для которой человек формулирует свои требования (но не конкретные параметры), а сеть сама подстроится, чтобы максимально соответствовать запросу.

В последние годы технология «умный город» рассматривается как новая точка роста. Эта модель постепенно становится выбором все большего числа стран, находящихся на маршруте ОПОП. Китайские компании, накопив опыт по созданию таких городов у себя в стране, уже создают подобные города на маршрутах ЭПШП, в частности, в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане. Данный инструмент внедрен в почти в 400 городах по всему миру и необходим не только для увеличения креативной роли городов в национальных экономиках, но и для того, чтобы превращать коммерцию, образование, медицину в интегрированный комплекс обслуживания городской жизни.

«Умное производство» рассматривается в Китае как основное направление усилий, реализация специализированных и экспериментальных проектов в этой области. В стране построен ряд смарт-цехов на предприятиях. Так, известная китайская ТНК «Хайэр» (海尔) ввела в эксплуатацию 8 IT предприятий, на одном из которых каждые 15 секунд сходит с конвейера одна стиральная машина¹³⁵. Существенное развитие «умные» услуги получили в торговле – модель «умных» магазинов без персонала. Впервые такая модель была опробована в 2016 г. в масштабах сравнительно небольших магазинов, а

¹³³ Власти Китая обнародовали стратегию «Интернет Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekd.me/2015/07/internet-plus/>

¹³⁴ Цифровая трансформация «Хуавэй» (华为). От виртуализации инфраструктуры к цифровому двойнику // Тематическое приложение к газете «Коммерсант». – 2018. – 29 марта.

¹³⁵ Ли, Ч. Нам помогут большие данные / Ч. Ли // Китай. – 2017. – № 11. – С. 65.

уже через год компания «Алибаба» (阿里巴巴) открыла крупный супермаркет без персонала. В «умном» магазине используются сенсорные технологии, датчики слежения, распознавания лиц, онлайн–платежи через Интернет и т.п. Модель «без персонала» в сфере розничной торговли – это результат интеграции технологий различных сфер ИТ, интернета вещей, интернет–финансов и др.

Постепенно формируются производственные конгломераты в экономике «умного дома», позволяющие создавать масштабное производство по мере нарастания спроса (подробнее о технологии «умного дома» информация представлена в Приложении 5).

От «умных домов» процесс интернета вещей логично переходит к разработке и эксплуатации модели «умных городов». Концентрированным воплощением такой «умной» системы становится «город будущего». В китайской концепции «умного» города будущего делается упор на экологическую составляющую, удобную планировку, высокоскоростной транспорт на возобновляемых источниках энергии и формирование «нового городского сознания», т. е. экологического сознания жителей города.

Концепция «города будущего» базируется на использовании при его формировании и развитии высоких технологий, в т.ч. цифровых, которые будут разрабатываться в этом городе и активно внедряться во все сферы городской жизни. Город будущего – «умный город» с интеллектуальной инфраструктурой, построенный из экологически чистых материалов, с использованием интернета 5G, который запущен в Китае в середине 2019 г. Это город, в котором все – от домов до мусорных контейнеров имеют свой ID. «Умный город» – это магазины без персонала, это цифровое управление всем городским комплексом. Подобный проект уже реализуется в Китае с 2017 г. в районе Сюньань, расположенном в центре региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, и является образцом для подобных проектов в стране. Инициатива «умных городов» массово реализуется в ряде других городов и регионов Китая.

Влияние этих городов, зон, районов роста на прилегающие территории, как в Китае, так и на маршрутах всего ЭПШП приведет к возникновению мегагородов и мегаагломераций. Вероятная структура такой модели: «мегагород – промышленное кольцо – коридор «Шелкового пути». Данная схема выстраивается на базе использования блокчейна.

В целом, стремясь развивать цифровое партнерство на маршрутах ЦШП, опираясь на имеющиеся наработки и достижения, Китай начинает формировать цифровую экосистему ОПОП как среду для ведения бизнеса. При этом используется многоступенчатый, платформенный подход, начиная от маркетплейсов, с переходом к трансграничным торгово–информационным площадкам – маркетспейсам. Одновременно формируются информационные платформы для бизнеса в разных отраслях от производственного, торгового до финансового. Цифровые платформы на маршрутах ЭПШП просматриваются и в здравоохранении, «умном» транспорте, ретейле, финансах и других отраслях.

При формировании экосистемы ЦШП китайская модель предусматривает и существование локальных экосистем, которые будут интегрироваться и подпитывать экосистему ЦШП. Успех формирования экосистемы ЦШП зависит от партнерств с экосистемами по маршруту ОПОП. Об этом свидетельствует опыт формирования цифровых экосистем крупных компаний, в которых участвовало от 3 до 40 партнеров. Средняя экосистема включает 27 партнеров (в соответствии с исследованием The Boston Consulting Group (BCG))¹³⁶.

Продвигая инициативу ОПОП, Китай подчеркивает, что он стремится посредством ЦШП создать сообщество с развитой цифровой экономикой и готов к широкому партнерству на взаимовыгодных условиях, со взаимным доступом к инфраструктуре, торговле, свободному обращению капитала.

Выводы по II главе

1) На фоне бурного развития ИКТ и других технологий в соответствии с трендами «4-ой промреволюции» реализация ОПОП стала рассматриваться не

¹³⁶ Бутрин, Д. Физика цифрового пространства // Коммерсант. – 2019. – 28 июня.

только через призму товарно-инвестиционной экспансии, но и как глобальный технологический проект, основанный на цифровизации процессов и целых экономик. Трансформационной составляющей ОПОП в этом контексте стал ЦШП как важный элемент развивающегося процесса цифровизации экономики и общества Китая, часть формируемой национальной цифровой экосистемы, с перспективой ведущей роли в создании глобальной цифровой системы.

2) Эффективно используя возможности глобализации и опираясь на мощь собственной экономики и финансовой системы, Китай осознанно на базе концепции ЦШП строит новую модель глобальной экономики с цифровой основой, способной вывести страну на реализацию «китайской мечты» о возрождении процветающего инновационного государства. Для этого сформирована дорожная карта на базе ряда стратегических программ и инициативы ОПОП, заданы целевые показатели ее выполнения. Ключевая роль отводится цифровым механизмам и ЦШП в целом.

3) В настоящее время нет однозначного понимания полной структуры и содержания ЦШП. Предложенная авторская трактовка этой системы включает две масштабные платформы (реально существующую – это национальная цифровая экосистема Китая, и прогнозируемую будущую – глобальная цифровая система, за лидерство в формировании базовых стандартов которой Китай уже вступил в жесткую конкуренцию с США, Японией, Южной Кореей) и механизм перехода между ними, т.е. от национальной к глобальной. От выбора инструментов этого механизма экспансии, качества и скорости их применения зависит будущее ОПОП и Китая в целом.

4) Китай выстраивает ЦШП на основе использования новейших технологий и опыта применения собственных инновационных разработок, в т.ч. «Интернет+», «Золотой щит» и др., которые формируют базу цифровой экосистемы страны. В основе национальной экосистемы также лежит умение эффективно управлять интегрированной системой принципиально значимых факторов (политических, финансово-экономических, социальных), которая

обеспечивает быстрый рост цифровизации Китая. Глобальная экосистема, в свою очередь, предполагает объединение на одной технологической платформе множества цифровых подсистем ОПОП, в т.ч. сопровождение транспортных коридоров, движение рабочей силы, капиталов, товаров и услуг и пр. Среди основных рисков эффективной реализации ЦШП, которые также являются его составляющей частью, приоритетное значение имеет неравномерный уровень цифровизации провинций Китая с очень высоким разрывом между отсталыми и продвинутыми провинциями, что несет угрозы достижению глобальных целей ОПОП.

5) В структуре ЦШП выделен блок инструментов Индустрии 4.0, которые уже эффективно применяются при цифровизации национальной экономики и имеют правовую основу своего развития. К ним относятся: блокчейн, ИИ, интернет вещей, облачные технологии. Блокчейн является одной из ведущих технологий, способных обеспечивать прозрачность и защищенность всех интегрированных процессов. С учетом того, что Китай активно сотрудничает со странами ЦА в рамках ЭПШП (и вкладывает большие ресурсы в развитие цифровой инфраструктуры), его глобальные возможности при использовании блокчейна в хабах только увеличиваются. Для развития ИИ в Китае не только принят соответствующий стратегический план, но и выстроена система обучения потенциальных специалистов, начиная со школы. Не удивительно, что по объему ИИ-стартапов Китай обгоняет США, а сфера применения этой технологии расширяется в геометрической прогрессии.

6) Электронная трансграничная торговля становится главной движущей силой в реализации ЦШП и расширении сотрудничества со странами-участницами ЭПШП, а локомотивами этого движения выступают бигтехи: «Алибаба» (阿里巴巴), «Тэнсюнь» (腾讯), «Хуавэй» (华为), «Цзиндун» (京东). Китай эффективно использует не только внутренние возможности, к которым относятся успешный опыт применения и развития технологий «4-ой промреволюции», но и внешние благоприятные обстоятельства. Для развития торговли онлайн таким обстоятельством стали ограничения посещения

публичных мест по всему миру в связи с пандемией Covid19, и, как следствие, резко повысившийся спрос на услуги электронной коммерции. Наличие масштабных платформ для торговли онлайн, работоспособность и высокий уровень гибкости и адаптации к изменениям китайских торговых компаний позволили им в разы нарастить экспортные потоки и еще более ускорить развитие цифровых процессов в экономике страны. Кроме того, рост торговли способствовал росту занятости и в смежных сферах (транспорт, маркетинг, логистика и др.).

7) Китай становится технологической сверхдержавой, способной конкурировать с США по многим цифровым направлениям. Прочная финансовая база, стратегии быстрого копирования лучших технологий (развития, привлечения финансирования, зарубежной экспансии и др.), растущий тренд на разработку и применение собственных инноваций позволяют КНР претендовать на мировое технологическое лидерство, как минимум уверенно к нему стремиться. Доля цифровой экономики Китая в ВВП во многих провинциях страны почти догнала американский показатель (особенно в некоторых юго–восточных районах страны), но общие темпы цифровизации в Китае гораздо выше. Инициатива ОПОП и ЦШП как ее цифровой вариант выступают одновременно локомотивом развития и национальной цифровой экономики, и стратегической модели глобализации в постоянном процессе конкуренции за экономическое лидерство в новой цифровой реальности с развитыми странами, и особенно США.

Глава III. Состояние и перспективы сопряжения проектов «Цифрового Шелкового пути» с программами цифровизации экономики России и других стран Евразийского экономического союза

3.1. Состояние и пути сопряжения проектов «Цифрового Шелкового пути» и госпрограммы «Цифровая экономика России»

3.1.1. Результаты научно-технического сотрудничества России и Китая в конце XX – начале XXI вв.

Рассматривая перспективы и возможности взаимовыгодного сотрудничества Китая и России в проектах ЦШП и госпрограммы «Цифровая экономика» справедливо учитывать многолетнюю историю и существенные достижения научно–технического сотрудничества двух стран.

Начиная с 50–х гг. XX века СССР оказывал существенную помощь КНР не только в ее индустриализации, но и внес заметный вклад в становление и развитие научно–исследовательской базы, подготовку профильных кадров для молодой республики.

В конце XX века начинается новый этап партнерства России и Китая, основанный на межправительственном соглашении о научно–техническом сотрудничестве 1992 г. и межправительственном протоколе о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность 1999 г.

Программа российско–китайского научно–технического сотрудничества, принятая в 2000 г., включала 79 проектов прикладных и фундаментальных исследований по следующим направлениям: автоматика, новые материалы, биотехнологии, телекоммуникации, информатика, машиностроение и др. Больше внимание в процессе нового этапа взаимодействия уделяется

инновационным формам, ориентированным на внедрение результатов НИОКР в производство и коммерциализацию разработок¹³⁷.

Внедрение российских технологий в Китае осуществлялось через российско–китайский консорциум «Центр науки и высоких технологий», а также – «Международную компанию рискованных инвестиций», созданную по инициативе России. Взаимный обмен новейшей исследовательской информацией и практическими результатами ведется на базе российско–китайской показательной платформы промышленного освоения новых и высоких технологий в г. Яньтай (провинция Шаньдун) и Парка российско–китайского сотрудничества в г. Цюйчжоу (провинция Чжэцзян). Более 30 институтов АН РФ осуществляют научное сотрудничество с различными НИИ Китая в рамках прямых договоров. На проводимых регулярных встречах глав правительств РФ и КНР рассматриваются перспективные аспекты сотрудничества и подписываются меморандумы по реализации совместных проектов, в частности, в области нанотехнологий и новых материалов, энергетики и энергосбережения и др.

К настоящему времени осуществлен ряд таких крупномасштабных проектов как строительство первой в Китае сверхвысокой высоковольтной линии электропередач 1 тыс. кВт., создание реактора на быстрых нейтронах (CEFR). Министерство науки и технологий КНР и АО «РОСНАНО» заключили стратегическое соглашение о совместных научных исследованиях в области нанотехнологий и внедрению их в производство. По одному из проектов – производству литиевых батарей – построен завод в Новосибирске.

Ряд научно–практических проектов в области химической и ИТ–промышленности осуществляется между исследовательскими институтами и бизнесом с обеих сторон: 1) результатом кооперации предприятий Санкт–Петербурга и китайского технопарка «Чжоцзян Цзюйхуа» стало производство химико–промышленного сырья (политетрафторэтилена); 2) институт

¹³⁷ Каменнов, П. Б. Российско–китайское научно–техническое сотрудничество / П.Б. Каменнов // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 5. – С. 14.

вычислительной техники АН Китая (г. Шэньян) вместе с компанией «Балтийская система» запустил серийное производство изделия «NC» для систем с программным управлением и др. На уровне сотрудничества и практической реализации исследовательских проектов давно установлены прочные партнерские связи между петербургскими НИИ и китайскими институтами из провинций: Хубэй, Ляонин, Цзянсу, Шаньдун, Аньхой, Хунань, Автономного района Внутренней Монголии, Гуанси – Чжуанского автономного района и др.

Развивается сотрудничество и на региональном уровне. Российские отделения Академии наук НИИ РАН имеют прямые связи с китайскими партнерами по ряду разработок высокотехнологичных проектов, в т.ч. в области технологий программного обеспечения, создания обучающих программ, развивающих игр, интеллектуальной электроники для автомобилей. Региональные отделения АН РФ – УРО РАН, СОАН РФ, ДВО РАН – также реализуют ряд проектов в области технологий «4-ой промышленной революции», в т.ч. в робототехнике, технической кибернетике, кибербезопасности и др. Между двумя странами проводится регулярный обмен актуальной информацией в рамках научных форумов, конференций, симпозиумов. Осуществляется сотрудничество между Государственным фондом естественных наук Китая и Российским фондом фундаментальных исследований.

Важную роль в обмене актуальными научными данными, инновационными разработками между двумя странами играет Байкальский экономический форум, на котором регулярно проводятся конференции по проблемам создания новых материалов и технологий их производства.

Таким образом, рассмотрение вопросов экономического сотрудничества России и Китая только через призму представления российской экономики как поставщика сырьевых, а в последнее время – продовольственных ресурсов, – является достаточно поверхностным, односторонним. Рост российского экспорта нефти, газа и других природных ресурсов в Китай оставляет в тени несомненно высокий и явно не до конца раскрытый российский научно–

технический потенциал и имеющиеся практические разработки вследствие их слабой популяризации и отсутствия эффективного механизма коммерциализации. Сюда еще можно добавить увлечение российскими компаниями (особенно в области ПО) ролью аутсорсеров, выполняющих на заказ те или иные операции для зарубежного владельца бренда. Проблема состоит в выстраивании собственных производственных цепочек для получения максимальной добавленной стоимости под собственным брендом. Российским разработкам высокотехнологичной наукоемкой продукции надо двигаться от заказных разработок в сторону создания конечных продуктов. Это медленный и трудоемкий процесс, но он неизбежен в целях создания высококонкурентных современных производств. При этом следует обратить внимание и на получение компетенций в области маркетинга на зарубежных рынках, эффективную организацию сервисов поддержки клиентов, создание сети зарубежных филиалов поддержки.

Производственно–технологическое сотрудничество между российской и китайской стороной развивается на основе договоренностей, достигнутых на высоком государственном уровне. В 2014 г. была создана отдельная межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству на уровне первых заместителей премьер–министров¹³⁸. Был одобрен список из 70 приоритетных проектов на сумму 100 млрд. долл. США. Комиссия курировала проекты в инфраструктуре, добыче и переработке полезных ископаемых, сельском хозяйстве, высокотехнологических отраслях промышленности и др.

Финансовое сотрудничество двух стран проходит на базе созданного в 2012 г. Российско–Китайского инвестиционного фонда (РКИФ). Капитал этого финансового института составил 4 млрд. долл. США, из которых 3 млрд. приходится на долю китайских инвесторов (большая часть – частные инвестиции) и 1 млрд. долл. внес РФПИ. Средства РКИФ распределяются следующим образом: более 70 % инвестиций осуществляется в России, 30 % – в

¹³⁸ Китайско–российское сотрудничество в рамках проекта «Один пояс – один путь» «–代–路背景下的中俄合»: сборник материалов форума на китайском языке. – Шеньян: Ляолинский университет, 2017. – С. 211.

Китае. РФПИ самостоятельно инвестирует в китайские стартапы – «единороги» (проекты с рыночной капитализацией до 1 млрд. долл. США). Так, в 2016 г. этот фонд инвестировал в каршеринговый стартап «Диди» (滴滴), который в настоящее время стал китайским аналогом «Юбер» (Uber) для крупнейших мегаполисов страны.

Активность фонда стабильно растет: в 2016 г. было одобрено сделок на 4 млрд. долл. США¹³⁹, в 2020 г. – на 15,5 млрд. долл., в т.ч. сделки по разработке ряда месторождений, развитию транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, созданию нескольких агрохолдингов и др.

Сотрудничество Китая и России посредством создания общих фондов с момента образования РКИФ стало достаточно популярным: в 2016 г. создан венчурный фонд РФПИ и компанией «Чидикунгу» (启迪控股) с капиталом 100 млн. долл. США для развития высокотехнологичных компаний из России на китайском рынке¹⁴⁰; в 2018 г. создан технологический фонд (РКТФ), учредителями которого выступили российская управляющая компания ЗАО «Лидер»¹⁴¹ и китайская фирма венчурных и прямых инвестиций «Шенчжень капитал» (深圳投资)¹⁴². Капитал РКТФ – 100 млн. долл. США (по 50 млн. долл. США с российской и китайской сторон) с возможностью его увеличения в будущем в несколько раз. Фонд концентрирует свое внимание на таких сферах, как новая энергетика, ИКТ, а также химия, новые материалы и др. Сумма инвестиций в одно предприятие составят в среднем 10 млн. долл. США¹⁴³.

Выбор проектов для инвестиций осуществляется, исходя из их уникальности или технологической востребованности в широком спектре отраслей, с учетом стадии развития каждого проекта. Также принимается во

¹³⁹ Чжу, Ю. «Один пояс, один путь» и китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество / Ю. Чжу // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 2. – С. 101.

¹⁴⁰ РКИФ и Tus-Holdings создают Российско-китайский венчурный фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rdif.ru/fullNews/1840/>

¹⁴¹ Акционерами УК Лидер являются ВЭБ, «Газпром», Газпромбанк и др.

¹⁴² Shenzhen Capital, создана в 1999 г. В Шеньчжэне с участием правительства ОЭЗ «Шеньчжень».

¹⁴³ Технологии переводят на китайский - УК «Лидер» и Shenzhen Capital создают совместный фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3681816>

внимание опыт предпринимательской деятельности авторов проектов и др. Как отмечают российские участники фонда, к числу такого рода проектов можно отнести, например, создание газовых турбин методом 3D-печати, робототехнические системы различного назначения и др. УК «Лидер» по факту сделки с китайской CDNvideo продемонстрировала свой хороший потенциал на венчурном рынке.

Среди крупных инвестиционных технологичных проектов России и Китая следует отметить «Ямал–СПГ», газопровод «Сила Сибири», нефтепровод ВСТО. Крупные российские проекты на территории Китая в основном связаны с ядерной энергетикой. В свою очередь, китайская сторона осуществляла строительство энергоблока на 600 МВт на Троицкой ГРЭС в Челябинской области. Энергоблок был спроектирован и построен китайской компанией из Харбина, оборудование произведено там же. Российская сторона адаптировала проект под отечественные стандарты. В процессе строительства было задействовано до 2,5 тыс. китайских рабочих.

Промышленное сотрудничество также идет по линии разработки и подготовки к производству тяжелого вертолета АНЕ. На 2-м Международном Пекинском форуме «Один пояс, один путь» (апрель 2019 г.) подписан контракт между российской компанией «Вертолеты России» и китайским предприятием «Avicopter». Данное соглашение представляет собой исключительно технологическое партнерство: китайская сторона непосредственно организует и реализует программу сотрудничества в целом, включая проектирование, сертификацию, производство и продвижение готового образца на рынок; российская сторона осуществляет инвестиции в виде технологий, а также разрабатывает технические предложения и осуществляет поставку отдельных систем, которые не производятся в Китае.

Другим проектом сотрудничества в области производства авиатехники является совместное предприятие между Объединенной Авиастроительной Корпорацией (ОАК) России и китайской «Commercial Aircraft Corporation of China» (COMAC) по производству широкофюзеляжного самолета CR929. По

планам затраты на его производство составят от 18 до 20 млрд. долл. США, что вдвое меньше, чем потратили США на Boeing 787 Dream Liner. Инженерный центр будет в России, а в Китае будет производиться окончательная сборка, изготовление секций фюзеляжа и элементов оперения самолета. В России расширяются мощности предприятия «Аэрокомпозит» и его модернизация, строятся предприятия по сборке крыла, его компонентов. Сборка компонентов крыла в готовый продукт будет осуществляться в Китае. Планируется выпускать до 30 самолетов в год с 2021 г. Следует отметить, что в процессе реализации проекта в него вовлекаются смежные российские, китайские и западные компании по производству отдельных комплектующих.

С 2016 г. Китай и Россия договорились о сотрудничестве в области космических разработок, систем спутниковой навигации и пр.

В области информационных технологий сотрудничество исчисляется не одним десятилетием: известная китайская компания «Хуавэй» (华为) в 1997 г. в Уфе создала совместное предприятие (СП) с российским ОАО «Концерн БЭТО» в области телекоммуникационного оборудования – «БЭТО – «Хуавэй» (华为)) (70 % акций СП принадлежало «Хуавэй» (华为)) для разработки и обслуживания различных сетей связи.

В 2002 г. «Хуавэй» (华为) выиграла крупный контракт на поставку оборудования 65m1800 для оператора «Билайн – Самара». В 2007 г. китайская компания совместно с «Транстелекомом» начала строить первую в России сеть NQN (мультисервисную сеть связи).

Элементы технологического сотрудничества России и Китая можно видеть и в автомобилестроении. Так, российский Центр НТИ СПбПУ из Санкт-Петербурга по заказу китайских автопроизводителей перепроектировал кузов автомобиля для государственного холдинга BAIC (Beijing Automotive Industry Holding Co. Ltd.). Российские инженеры сумели облегчить кузов на 7,5 % (заказчиками была поставлена задача снижения массы кузова на 6 – 7 %).

Результат был достигнут за счет использования российской цифровой платформы, которая была признана уникальной на конкурсе «Лучшие цифровые проекты ЕАЭС».

Если говорить о стратегиях сотрудничества на уровне бизнеса (предприятий), то, как правило, китайские компании стремятся получить доступ к российским технологиям посредством приобретения долей собственности в капитале российских компаний. Информация о некоторых подобных сделках в течение 2015 – 2019 гг. приведена в Таблице 10.

Таблица 10 – Крупнейшие сделки по покупке долей бизнеса китайскими компаниями у российских партнеров

Покупатель (Китай)	Продавец (РФ)	Пакет акций, %	Сумма сделки, млн. долл.
Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC)	ПАО НОВАТЭК («Ямал–СПГ»)	20	н/д
Фонд Шелкового пути (ФШП)	ПАО НОВАТЭК («Ямал–СПГ»)	9,9	н/д
CNPC	ПАО НОВАТЭК («Арктик СПГ-2»)	10	н/д (≈20000-25000)
Национальная нефтяная компания Китая (CNOOC)	ПАО НОВАТЭК («Арктик СПГ-2»)	10	н/д (≈20000-25000)
Китайская инвестиционная корпорация (CIC)	ПАО «Уралкалий»	12,5	2 000
CIC	ПАО «Московская биржа ММВБ -РТС»	5,4	100
Sinorec Group	ПАО «Сибур Холдинг»	10	1300
ФШП	ПАО «Сибур Холдинг»	10	1300
Строительный банк Китая	ПАО ВТБ	2	100
Highland Fund	ПАО ГМК «Норильский никель»	13,3	
CEFC Energy Company Ltd «Хуасинь»	ПАО «Роснефть»	14,16	9100

Источник: составлено автором

Китайскими инвесторами движет не только стремление поучаствовать в сырьевых проектах, но углубить производственно–технологическую кооперацию. Так, например, сотрудничество российской компании «Новатэк» (ПАО «Ямал–СПГ») с китайскими партнерами включало и постройку модуля

на китайской верфи для проекта «Ямал–СПГ», и проектирование судов ледового класса для доставки газа с Ямала.

Ряд российских высокотехнологичных компаний начинает локализацию своей продукции в Китае, используя апробированную в этой стране форму совместного предприятия. В области фармацевтики есть апробированные удачные проекты сотрудничества. Так, Shanghai Phamacenticals и российская «Биокад» на основе заключенного меморандума в 2018 г. организовали производство на базе двух предприятий в Китае шести препаратов для лечения онкологических и аутоиммунных заболеваний. Фармацевтика сегодня в принципе достаточно рентабельная сфера деятельности, а учитывая, что китайский рынок – один из крупнейших в мире, то организация производства востребованных препаратов имеет стратегические перспективы. Российская сторона полагает, что создаваемые предприятия по производству и продвижению, дистрибуции и участию в аукционах предприятия станут первым масштабным российско–китайским проектом в области фармацевтики. «Биокад» в настоящее время уже работает в Китае, занимается производством фармацевтического оборудования на производственных мощностях китайских партнеров.

Одной из ведущих российских компаний, имеющих существенный опыт работы в области цифровых технологий и активно работающих в Китае, является «Лаборатория Касперского», годовой оборот которой на китайском рынке составлял порядка 25 млн. долл. США¹⁴⁴. В 2012 г. российское предприятие заключило с китайской компанией Venustech соглашение о партнерстве на основе модели производственного аутсорсинга (модели OEM, которую российская компания много лет развивает по всему миру).

В 2016 г. российская компания разработала и представила пакет программ, обеспечивающих кибербезопасность определенным промышленным системам (Kaspersky Industrial Control System), который сразу заинтересовал

¹⁴⁴ Китай ограничил госзакупки антивируса «Лаборатории Касперского» [Электронный ресурс] // Ведомости. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2014/08/05/kitaj-hlopnul-dveryu-pered-kasperskim>

китайских предпринимателей и способствовал началу сотрудничества по этому проекту с 2017 г. На 4-ом Всемирном форуме по управлению интернетом, прошедшем в Китае в г. Учжэнь (2017 г.), «Лаборатория Касперского» подписала Меморандум о взаимопонимании с Администрацией киберпространства Китая, включающий такие направления сотрудничества в области безопасности как: сетевые угрозы, инциденты и хакерские атаки на территории Китая, тренинги разной направленности для технических специалистов Китая и др.

Помимо «Лаборатории Касперского» с китайскими партнерами работают и другие российские цифровые компании, например, «Транзас» SPb TV, Spirit. Так, компания Spirit разрабатывает софт для передачи видео и звука и среди ее клиентов «Хуавэй» (华为), «Тяньсинь» (中国电信) и американская Apple.

Также российские компании в рамках сотрудничества поставляют на китайский рынок цифровое оборудование. Например, компания «Инфинет» из Екатеринбурга, производящая системы широкополосного беспроводного доступа (ШБД) оперативного класса, имеет устойчивые связи с ведущими китайскими организациями. Так, «Тяньсинь» (中国电信), являющаяся лидером по предоставлению мобильной связи в Китае и обладающая крупнейшей в мире абонентской базой (800 млн. пользователей), при построении фиксированной широкополосной беспроводной сети в провинции Синьцзян использовала продукцию компании «Инфинет». Другая компания – китайская нефтяная и химическая корпорация Sinopec – использует сеть «Инфинет» для передачи данных с нефтяных вышек. Китайские пользователи высоко оценивают российскую систему ШБД за ее гибкость, удобство в управлении и высокую надежность, продвинутый функционал.

Значительный импульс научно-техническому сотрудничеству России с Китаем был придан с начала практической реализации китайской инициативы ОПОП. Это взаимодействие, определяемое с 2015 г. как «сопряжение» проектов инициативы «Пояса и пути» и проектов ЕАЭС во главе с Россией,

достигло весомых результатов в оценке китайской стороны. В конце 2018 г. Пекинским госуниверситетом в сотрудничестве с Институтом Тайса был составлен рейтинг стран (по 5 категориям), которые в наибольшей степени подходили для сотрудничества в рамках проектов ОПОП. В этом рейтинге Россия заняла первое место среди 94 стран, одобрявших ОПОП.¹⁴⁵

Следует отметить, что после выдвижения инициативы и начала ее практической реализации большинство внешнеэкономических проектов Китая зачисляются в актив ОПОП вне зависимости от того, находятся ли они на его маршрутах или нет.

Можно констатировать, что научно–техническое сотрудничество между Россией и Китаем заложило некоторую базу для успешной кооперации стран в цифровой сфере. Активная цифровизация экономики Китая и реализация госпрограммы «Цифровая экономика» в РФ дают новый импульс в развертывании взаимодействия государств в этих процессах.

3.1.2. Анализ перспективных платформ сопряжения проектов Китая и России в процессах цифровизации экономики¹⁴⁶

Как уже было отмечено в процессе исследования, в ходе теоретической разработки и практической реализации инициатива ОПОП получила свое цифровое измерение, определяемое общими целями и задачами по переходу Китая на новую парадигму развития и образующее новый сегмент в общей стратегии сопряжения проектов сотрудничества России и Китая – ЦШП.

Объективность сопряжения цифровых проектов в рамках «Цифрового Шелкового пути» со стороны России определяется необходимостью внедрения

¹⁴⁵ Китай посчитал Россию лучшим другом – Москве поставили наивысший балл за сотрудничество с Пекином [Электронный ресурс] // Коммерсант. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3681816>

¹⁴⁶ При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная в соавторстве, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Авдокушин Е.Ф., Лю И. Цифровизация экономического пояса шелкового пути // Современные научные исследования: исторический опыт и инновации (Якаевские чтения – 2019): сб. материалов XV Международной научно–практической конференции. – Краснодар: ИМСИТ, 2019. / ISBN 978–5–91020–036–8. – С.16 (1.1 п.л. / личный вклад 0.55 п.л.).

императивов «4-й промреволюции» в ее экономику для обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности. По своему масштабу и степени влияния на будущее цифровизация экономики в России приравнивается к строительству железных дорог в XIX веке, электрификации в XX веке. Для совершения этого рывка в настоящее время в России реализуется долгосрочная госпрограмма «Цифровая экономика»¹⁴⁷, которая может быть использована как основа для сопряжения с китайской Стратегией, в т. ч. в рамках взаимодействия с проектами ЦШП.

Реализация стратегии перехода Китая от «крупной страны» к «мощной державе» осуществляется на основе глубокой интеграции таких сфер как информатизация и индустриализация. Упор в стратегии ОПОП на расширении производственных факторов в реализации незадействованных преимуществ глобализации в ее версии 2.0 меняется на усилия по углублению и эффективному использованию уже достигнутых результатов на основе инновационных подходов развития в контексте «Индустрии 4.0» и императивов цифрового общества. Это не значит, что вектор на экстенсивное развитие достигнутых сравнительных преимуществ отбрасывается. Происходит переход от использования традиционных драйверов роста и развития к новым, используемых как для активизации традиционных для Китая механизмов роста, так и для развития стимулов, свойственных рождению новой экономики.

Рассмотрим подробнее конкретные платформы сотрудничества.

Первая платформа – электронная торговля

Основным направлением цифрового сотрудничества России и Китая в первых десятилетиях XXI в. является электронная торговля. В этом направлении справедливо выделить следующие процессы и мероприятия, а также факторы, активизирующие цифровые торговые отношения между двумя странами (Рисунок 16).

¹⁴⁷ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.06.2017 № 1632-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

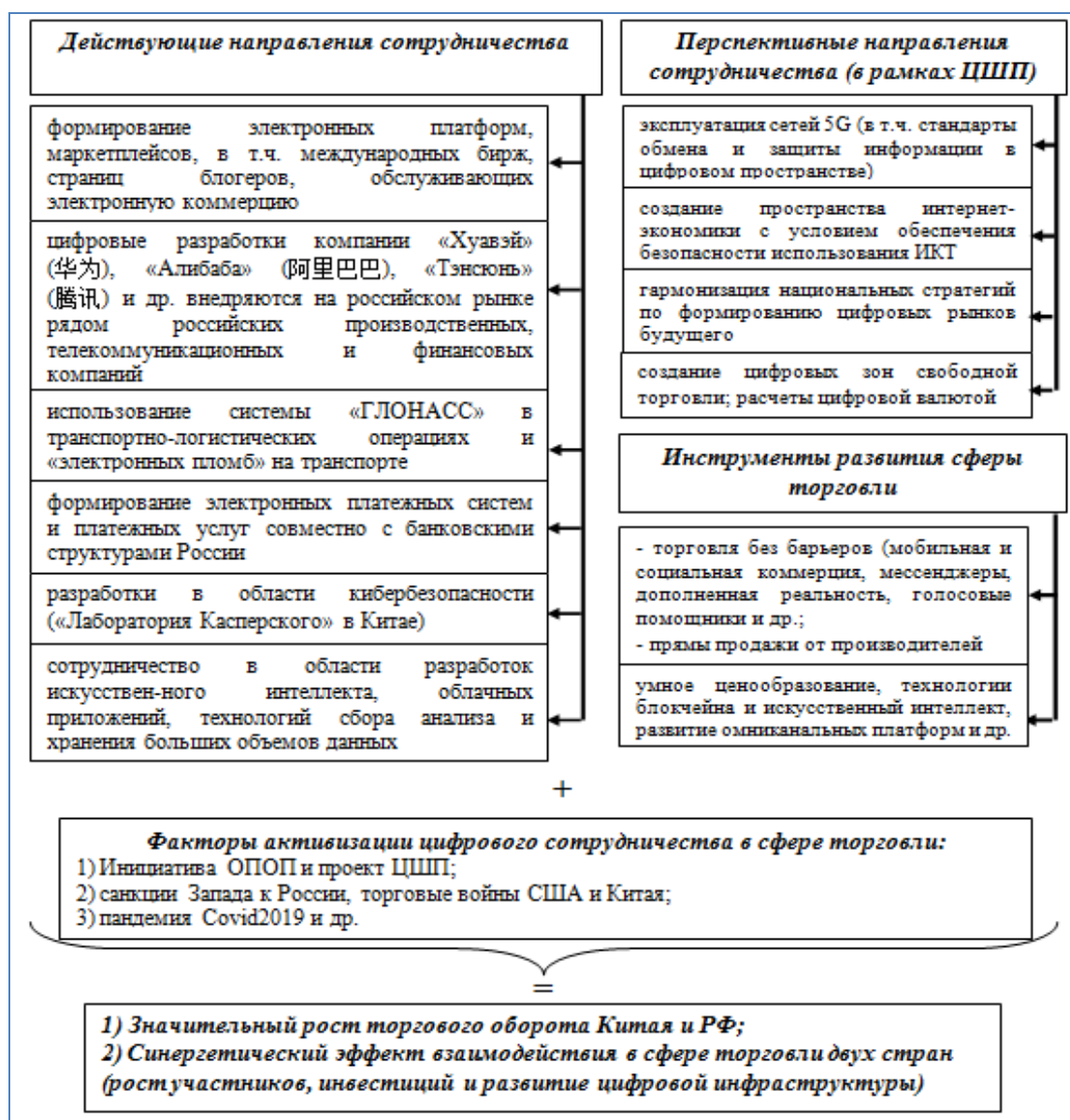

Рисунок 16 – Развитие стратегического сотрудничества России и Китая в рамках проекта «Цифровой Шелковый путь» в сфере электронной торговли

Источник: разработано автором

На Рисунке 16 представлен достаточно широкий спектр уже действующих направлений сотрудничества и не только непосредственно в рамках торговли, но и в смежных отраслях (логистике, кибербезопасности и др.), которые можно отнести к цифровой экономике (по уровню их современной цифровизации). Другими словами, рассматриваемая первая платформа (онлайн – торговля) является стержневой в системе перспективных платформ взаимодействия двух стран.

В качестве одного из важных результатов сотрудничества двух стран в сфере торговли отмечен синергетический эффект, который заключается в том, что выгода от сотрудничества одновременно происходит на разных управленческих уровнях: на уровне бизнеса (сотрудничество предприятий двух стран), на уровне правительств (решение поставленных стратегических задач в экономике каждой из двух стран), на уровне глобальной системы коммуникаций с другими странами (и Россия, и Китай могут расширять успешное двустороннее сотрудничество на соседние страны, особенно в рамках реализации проектов ОПОП).

Для Китая практический опыт применения данной схемы взаимодействия может быть распространен на двустороннее и многостороннее сотрудничество с другими странами – участницами ОПОП.

Обратим внимание, что при этом все перспективные направления кооперации России и Китая в сфере электронной торговли связаны исключительно с внедрением продуктов высоких технологий «Индустрии 4.0».

Санкции Запада в отношении России и торговые войны США с Китаем позволили существенно нарастить объемы российско–китайской электронной торговли (Рисунок 17).

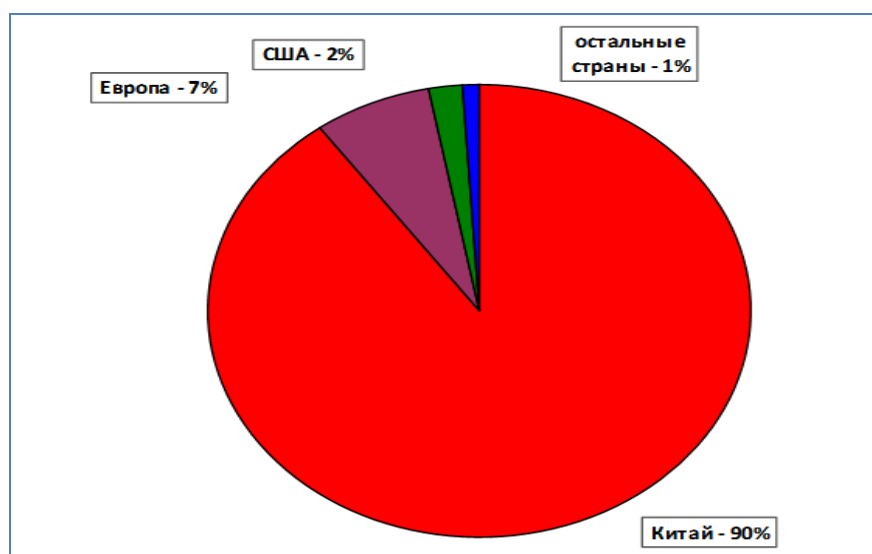

Рисунок 17 – Зарубежные интернет–покупки россиян в 2019 г. (в %)

Источник: составлено автором

На Китай приходится более 90 % всей трансграничной электронной торговли России, порядка 300 млрд. руб. в 2019 г.¹⁴⁸ (Рисунок 17). В 2017 г. объемы почтовых отправок из Китая в Россию превысили 300 млн. посылок и сохранили достаточно высокую динамику до 2019 г. Если рассмотреть в разрезе основных магазинов онлайн, то приоритеты российских потребителей распределены следующим образом (Таблица 11).

Таблица 11 – ТОП–15 российских интернет–магазинов в 2019 году

№	Магазины	Категория товара	Онлайн – продажи, млн. руб.		Заказы, тыс. шт.		Средний чек, руб.	
			2019	Рост, %	2019	Рост, %	2019	Рост, %
1	Wildberries.ru	одежда, обувь и аксессуары	210600	89	152510	110	1380	-10
2	Citilink.ru	электроника и техника	90420	24	8220	7	11000	15
3	Ozon.ru	универсальные магазины	80690	93	32260	107	2500	-7
4	Mvideo.ru	электроника и техника	57500	9	5220	14	11020	-4
5	Dns-shop.ru	электроника и техника	53720	40	6810	30	7890	7
6	Lamoda.ru	одежда, обувь и аксессуары	40000	25	11430	31	3500	-5
7	Aliexpress.ru	универсальные магазины	35940	162	5530	154	6500	3
8	Apteka.ru	красота и здоровье	34230	171	21730	175	1580	-1
9	Eldorado.ru	электроника и техника	27580	13	3500	8	7880	5
10	Vseinstrumenti.ru	товары для дома	26900	51	3800	50	7080	0
11	Petrovich.ru	товары для дома	24400	36	1740	29	14020	5
12	Beru.ru	универсальные магазины	23100	691	5620	806	4110	-13
13	Svyaznoy.ru	электроника и техника	20120	2	1760	4	11430	-2
14	Onlinetrade.ru	универсальные магазины	18840	9	3550	2	5308	7
15	Sima-land.ru	универсальные магазины	17000	78	2620	78	6490	0

Источник: Что и как покупают в интернете жители России: аналитика и статистика за 2019 год [Электронный ресурс] // Рейтинги и обзоры CMS. – Режим доступа: <https://cms-rating.ru/chto-i-kak-pokupayut-v-internete/>

¹⁴⁸ Комраков, А. Китай захватил российский рынок Интернет–торговли // Независимая газета. – 2018. – 12 февраля.

Из представленных магазинов непосредственно китайским является Aliexpress.ru, а многие остальные выступают дистрибьюторами китайских товаров (Таблица 11). Очевидно, что есть большой потенциал сотрудничества в сфере ретейла, в т.ч. и потому, что количество заказов на Aliexpress за год выросло на 154 %, а объем выручки увеличился на 162 % (это только по сделкам с российскими контрагентами).

Наибольшую активность на российском рынке электронной и офлайн торговли развивает китайская «Алибаба» (阿里巴巴). Основатель этой компании Джек Ма (马云) заявил, что электронную коммерцию заменит новая модель ретейла, состоящая из единой цепочки с интегрированными в нее логистикой, торговлей онлайн и офлайн, анализом big data¹⁴⁹.

Вместе с тем наращивание электронной торговли сопровождается ее углубленной цифровизацией. Так, у «Алиэкспресс» (AliExpress) (дочерняя компания «Алибаба» (阿里巴巴)) в России имеется сеть магазинов с элементами виртуальной реальности.

Многие покупатели не решаются заказывать товары в интернете, не видя продукт в реальности, а show-room (с виртуальной реальностью) позволяет приблизить китайские товары к российским покупателям.

Развивая свою экспансию, «Алибаба» (阿里巴巴) привела в Россию, помимо AliExpress, еще две своих компании – «Тяньмао» (天貓) – лидера электронной торговли в Китае и «Таобао» (淘宝) – одну из своих крупнейших торговых площадок. Для «Тяньмао» Россия – первая страна зарубежного бизнеса, где она начала работать с середины октября 2017 г. на базе локализованной платформы «Алиэкспресс» (AliExpress). Последняя предлагает преимущественно товары многих китайских производителей, а «Тяньмао» предлагает в основном известные бренды. В ассортименте компании

¹⁴⁹ Демидова А., Парфентьева И., Камаев П. М. Видео просит у Ма // Газета РБК. – 2017. – 13 ноября.

30 тыс. товарных позиций. Обе компании предпочитают использовать стратегию маркетплейса¹⁵⁰. Маркетплейс «Таобао», как и «Тяньмао», впервые выходит за пределы китайского рынка, где его оборот составляет более 400 млрд. долл. США в год¹⁵¹. Специализация «Таобао» в России на более дорогих товарах, чем у AliExpress, может помочь «Алибаба» росту доли ее российского рынка в среднем ценовом сегменте.

Наращивая свою экспансию в Россию в области интернет–торговли, компания «Алиэкспресс» в марте 2018 г. запустила новый сервис – социальную сеть других электронных площадок (AliExpress Connect). Работа сервиса организована следующим образом: задания на рекламу того или иного товара размещаются разными компаниями с заранее обозначенным гонораром; блогеры (с большим и растущим количеством подписчиков) выступают основными рекламщиками товара и монетизируют контент внутри биржи; подписчики блогеров и одновременно потенциальные покупатели товара получают комментарии и оценки товара от блогера и других подписчиков; сама биржа (администраторы) анализируют социальный капитал (количество подписчиков и друзей, охват стран) блогеров. Доступ к бирже открыт внутри мобильных приложений.

Сегодня социальная коммерция относится к самому быстрорастущему сегменту рынка электронной торговли (за счет большого числа эмоциональных и спонтанных покупок), и китайские компании быстро увеличивают свою долю на нем. Например, китайская платформа iTaо используется в разных международных торговых сетях онлайн и предоставляет возможности обсуждения товара и обмена впечатлениями о нем с фото и видео подтверждениями. Такой социальный коннект способствует повышению доверия и положительной оценке товара со стороны потенциальных покупателей.

¹⁵⁰ AliExpress один из самых популярных маркетплейсов в России. С февраля 2018 г. в России работает новый суббренд AliExpress - «Лоукостер» с товарами для молодежной, малобюджетной категории. В 2015 г. в Китае насчитывалось 11 тыс. маркетплейсов.

¹⁵¹ Чжао, В. Фэнси чжунго пинтай цзнци дэ юсяосин хэ фачжань цзихуа (Анализ эффективности платформенной экономики Китая и планы по её развитию) / В. Чжао // Гайгэ юй Чжанлюэ. – 2019. – № 3. – С. 65.

Наращивание китайского экспорта по маршруту ЭПШП сопровождается цифровизацией его структуры. Так, на рынок ЕАЭС (в т.ч. и России) помимо упомянутых выше вышли китайские высокотехнологичные корпорации «Сяоми» (小米), «Оппо» (Oppo), «Вэйво» (Vivo), «Хуавэй» (华为) и др. Кроме разного рода гаджетов, бытовых приборов, китайские производители поставляют так называемые экшн-камеры (разновидность цифровых видеокамер), которые активно конкурируют с ведущим производителем этой продукции – корпорацией Sony. Все более заметную роль на «цифровом» рынке играют китайские бренды: SjCAM, DigiCare, OneCam, X-tray, Smarterra и Xiaomi.

Электронная торговля занимает ведущее место в цифровом формате «Шелкового пути», но отнюдь не сводится к нему. Уже сегодня в этой сфере используются интеллектуальные системы, включая big data, блокчейн, «облачные» технологии, роботизацию.

Вторая платформа – транспортно-логистическая составляющая

В эпоху цифровизации международной торговли важнейшую роль приобретает быстрая доставка товаров, в особенности на трансграничном уровне.

Как отмечалось выше, китайская компания AliExpress ввела в апреле 2017г. для пользователей раздела «AliExpress Молл» доставку товаров от российских продавцов на следующий день после заказа для жителей 20 крупнейших городов России.

С выходом на рынок России AliExpress создал новый маркетплейс, который может быть использован не только китайскими, но и российскими и зарубежными производителями различных брендов. Маркетплейс с растущей аудиторией покупателей и производителей предлагает своим партнерам не только рекламные услуги, но и склад, доставку, оплату. Можно констатировать, что китайский маркетплейс становится заметным институтом в структуре ЦШП. Этому во многом способствует организация эффективного

сотрудничества AliExpress и Почты России – крупнейшего российского оператора. Обе компании обеспечили качественную ИТ–интеграцию своих платформ для организации системы доставки с возможностью отслеживать движение посылок в течение всего пути следования. Сотрудничество AliExpress и Почты России – едва ли не единственный пример работы (в области электронной торговли с участием государственных структур) в режиме полного обмена данными (data exchange).

Особое место в деле ускорения доставки товара до потребителя и перевозки пассажиров начинают набирать в проекте ЦШП высокоскоростные железнодорожные магистрали (ВСМ), которые получили в Китае существенное развитие. В планах создания ВСМ с учетом углубленной цифровизации на маршрутах ЭШП значится ряд проектов: Москва – Казань и далее в направлении Казахстана и Китая, Челябинск – Екатеринбург и др. Есть проекты создания Северного коридора «Шелкового пути» (ВСМ) по маршруту Синьцзян – Сибирь, Поволжье до Санкт–Петербурга и продолжение морским путем в Европу. Переброска грузов с Тихого океана в район Атлантического океана за 7 – 10 дней будет под силу только при широком использовании цифровых технологий. Пока строительство ВСМ в рамках российско–китайского сотрудничества находится на стадии выдвижения разного рода проектов и переговоров по их реализации¹⁵².

Однако в организации внедрения цифровых технологий в систему автомобильных грузопассажирских перевозок есть практические результаты. Речь о применении спутниковых навигационных систем ГЛОНАСС и китайской «Бэйдоу» (北斗) в обеспечении автоперевозок между двумя странами (на основе межправительственного соглашения). С российской стороны партнером выступает компания «РТ–Инвест Транспортные системы» (оператор системы «Платон»). В государственной системе «Платон» уже зарегистрированы около двухсот 12–тонных грузовиков из Китая. Для

¹⁵² КНР становится еще ближе. Перспективы логистики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shuttle-logistic.com/novyye-vozmozhnosti/kr-stanovitsya-eshhe-blizhe.html>

российских и китайских грузовиков при использовании навигационных систем двух стран появляется возможность доезжать не только до приграничных складов, а заезжать вглубь соседней страны.

Таким образом, очевидно, что цифровой инструментарий, используемый и развиваемый в сфере торговли, может с успехом применяться и в других отраслях, усиливая синергетические эффекты кооперации.

Третья платформа – направления и инструменты «Индустрии 4.0»

Цифровизация «Шелкового пути» идет по ряду направлений, непосредственно связанных с технологиями блокчейна, интернета вещей, искусственного интеллекта (ИИ).

Одним из таких примеров можно назвать российскую блокчейн-платформу Vostok для реализации проектов крупного бизнеса и государственных институтов. Vostok – закрытая платформа, получить доступ к данным и производить транзакции на ней может только ограниченный круг лиц. В числе акционеров присутствуют российские и китайские компании, инвесторы из Европы, Сингапура. Минимальный размер инвестиций составляет 5 млн. долл. США (общий объем проекта 120 млн. долл. США, предполагается его нарастить до 600 млн. долл. США). В обмен на реальное финансирование участники проекта получают токены, с помощью которых можно будет подтверждать транзакции в сети. Чтобы использовать платформу, участники сети должны будут иметь необходимый для этого объем токенов.

Одним из наиболее масштабных партнеров по широкому направлению сотрудничества для российских компаний выступает корпорация «Хуавэй» (华为), пришедшая в Россию еще в конце 90-х гг. прошлого века.

В начале 2000-х гг. главным партнером «Хуавэй» (华为) в России был «Мегафон»: китайская компания инвестировала в модернизацию его инфраструктуры. Для ретейл-сетей других российских телеком-операторов «Хуавэй» производила дешевые мобильные устройства, которые те продавали

под собственными брендами, т.е. сотрудничество было в рамках модели производственного аутсорсинга третьего уровня.

Массовое распространение китайского телекоммуникационного оборудования в России связано с его относительной дешевизной и с введением американских санкций против России. Американское оборудование вытеснялось, а его место заняло телекоммуникационное оборудование и гаджеты «Хуавэй».

С 2016 г. «Хуавэй» наращивает экспансию в Россию после запретов на поставки оборудования китайской компании в США, Японию, Австралию и др. страны. Китайская ТНК увеличивает штат в России, открывает на ее территории научно–исследовательские центры, в частности, в области разработок искусственного интеллекта. Сейчас они уже работают в Москве и Санкт–Петербурге. «Хуавэй» в 2019 г. приобрела российскую компанию «Вокорд», основанную в 1999 г. и создающую софт и программно–аппаратные решения в области распознавания лиц и других объектов.

Также активно на российском рынке «Хуавэй» работает в секторах B2B и B2G. Для глубокого встраивания в российский рынок компании требуется приобретение перспективных стартапов и технологий. Для экспансии в B2G тоже необходимо наличие российских активов из–за внутренних ограничений на госзакупки нелокализованной продукции и программного обеспечения.

В этой связи, «Хуавэй» ведет активные переговоры с рядом российских высокотехнологических компаний о создании СП, либо об их поглощении. Например, для китайской компании представляют большой интерес процессы «Эльбрус», практически ничем не уступающие аналогам компании Intel, но имеющие более привлекательную цену. В условиях постоянно расширяющегося списка американских санкций для «Хуавэй» приобретение не просто качественных процессов, но и их производителя («Российские микропроцессоры и вычислительные комплексы»), рассматривается как стратегически важная сделка, особенно с учетом масштабов бизнеса китайской компании (и количества ее компьютеров и серверов!).

Еще одна российская компания, которая заинтересовала «Хуавэй» – это «Норси–Транс», специализирующаяся на создании систем для оперативно–розыскных мероприятий, продуктов кибербезопасности. Представители «Хуавэй» заявляли о намерениях полностью приобрести эту компанию. Таким образом, «Хуавэй» определяет свои стратегии на ЦШП как создание цифрового пространства, в котором генерируются новейшие сетевые технологии.

Четвертая платформа – системы электронных платежей

Быстрый рост электронной торговли в рамках ЭПШП требует наличия соответствующих систем быстрых платежей. В целях платежного обеспечения данной сферы на российском рынке работают две китайские платежные системы Alipay (связана с компанией «Алибаба» (阿里巴巴)) и «Вэйчат» (微信) (принадлежит ТНК «Тэнсюнь» (腾讯)). Платежный сервис «Вэйчат» также позволяет оплачивать товары с помощью мобильного приложения. Россия для «Вэйчат» стала семнадцатой по счету страной сотрудничества.

В целом «цифровое» сотрудничество России и Китая в рамках ЦШП идет по линии партнерства технологических и банковских структур в целях формирования полноценных цифровых экосистем. Например, Сбербанк РФ в соответствии со стратегией своего развития сделал акцент на цифровой трансформации и сотрудничает со многими ключевыми поставщиками цифровых инструментов, в т.ч. и с компанией «Хуавэй» (华为), помогающей ему модернизировать IP–сеть: специалисты обеих компаний совместно создали архитектуру новой сети, связывающей все структурные подразделения банка (по всей территории России) посредством двойного восходящего канала связи, обеспечивающего надежную технологию сети и непрерывность банковских процессов¹⁵³.

¹⁵³ Авдокушин Е.Ф., Лю И. Цифровизация экономического пояса шелкового пути // Современные научные исследования: исторический опыт и инновации (Якаевские чтения – 2019): сб. материалов XV Международной научно–практической конференции. – Краснодар: ИМСИТ, 2019. / ISBN 978–5–91020–036–8. – С.16 (1.1 п.л. / личный вклад 0.55 п.л.).

В 2020 г. Сбербанк РФ и «Хуавэй» заключили договор о партнерстве (первом в мире на таком уровне развития обеих ТНК!) в сфере облачных технологий¹⁵⁴. Суть партнерства в следующем: обе компании будут развивать цифровую платформу SberCloud.Advanced. «Хуавэй» отказывается от своего бренда HuaweiCloud и продает софт и серверное оборудование Сбербанку (его «дочке» SberCloud). Клиенты HuaweiCloud, соответственно, переходят (по желанию) на развиваемую платформу SberCloud.

Для компании «Хуавэй» – это первое масштабное партнерство в принципе (до этого она предпочитала развивать цифровой бизнес самостоятельно), что объясняется во многом санкционными рисками для клиентов китайской компании на фондовых рынках США. К тому же, без российского партнера компании гораздо труднее выйти в большинство сегментов российского бизнеса, включая облачный. Для Сбербанка новое партнерство является уникальным шансом для лидерства и более полного раскрытия своего цифрового потенциала в развитии облачных технологий в России.

Примеры масштабного сотрудничества не единичны, но сегодня в формируемой экосистеме ЦШП значимость начинает приобретать малый и средний бизнес (МСБ) обеих стран. Ключевые особенности и результаты взаимодействия двух стран в этой сфере можно отразить в нескольких аспектах:

1) основными направлениями развития цифрового партнерства в МСБ двух стран выступают: технологии «умного города»; продвижение на рынке Китая российских компаний, занимающихся развитием технологий промышленного интернета, больших данных и информационной безопасности, нейросетей, компьютерных игр¹⁵⁵;

2) создание совместных технопарков для поиска партнеров МСБ в области цифровых технологий. Например, технопарк «Китайско–российский

¹⁵⁴ Тишина, Ю. Huawei скрылся за облаком Сбербанка / Ю. Тишина // Коммерсант. – 2020. – 3 марта.

¹⁵⁵ Российско–китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др. – М.: НП РСМД, 2018. – С. 139.

шелковый путь» работает синхронно в Москве (локально – это бизнес-парк «Гринвуд») и Сиане, способствует сотрудничеству в таких сферах как: ИКТ, биомедицина, торговля онлайн и офлайн, логистика и др.;

3) заключение контрактов напрямую без посредников. Так, например, организовано сотрудничество между российской Тридиви (г. Челябинск) и китайскими Orbbes и Terlo по производству 3D-терминалов по распознаванию лиц. Российская сторона выступила разработчиком (проектировщиком), а китайская – производителем готовых изделий.

Представленные формы предпринимательства МСБ могут стать существенной основой и прорывным механизмом в активизации цифрового сотрудничества, которое реализуется на основе прямых контактов и связей, а не посредством высоких государственных договоренностей.

Обобщая в целом вышесказанное, отметим, что сотрудничество в цифровой сфере между Россией и Китаем идет активное, больше на уровне отдельных хозяйствующих субъектов. Но при этом, уже есть ряд задач, требующих решения: в Китае есть очень конкретная стратегия с понятными задачами и направлениями их решений, а Россия по-прежнему является донором идей, технологий и талантов (асимметрия на уровне стратегий); есть определенная несинхронность мер на российском государственном уровне по развитию диалога с Китаем в рамках ЦШП и др.

Подводя некоторый итог, уточним, что в целом программа цифрового сотрудничества и сопряжения государственной программы «Цифровая экономика России» и китайских цифровых проектов пока не разработана. В ЦШП, рассматриваемый как открытая программа, формирующаяся экосистема цифрового сотрудничества в деле цифровизации экономик Китая и России, втягивается все больше компаний обеих стран. Расширяющийся объем данных о возможностях обеих сторон в области развития цифровых сегментов стимулирует интерес к сотрудничеству, увеличивается количество реальных проектов.

3.2. Направления сопряжения проекта «Цифрового Шелкового пути» с программами цифровизации экономики других стран Евразийского экономического союза¹⁵⁶

Членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) являются пять стран, бывших республик СССР¹⁵⁷, среди которых негласным лидером является Россия, самая мощная в экономическом и политическом плане и пытающаяся сохранить влияние на территориях соседних стран. Вопрос российско–китайского сотрудничества в области цифровизации экономики был подробно рассмотрен в предыдущем параграфе исследования. Однако, на наш взгляд, важно отметить внешние факторы сотрудничества на уровне глобальных образований: ЕАЭС и ЭПШП (ЦШП как цифровой вариант трансформации ЭПШП)¹⁵⁸. ЕАЭС – политический союз, а ЭПШП – коммерческая инициатива, но оба проекта часто называются конкурирующими¹⁵⁹.

Россия – единственная страна ЕАЭС, которая может противостоять Китаю в его евразийской экспансии за счет определенного превосходства в ряде отраслей и технологий (а также с учетом самой большой территории и запасов природных ископаемых в мире). В этом есть риски для китайской стороны в продвижении не только ЭПШП, но и ШОС, где Китай пытается стабилизировать взаимодействие на уровне Китай – Россия – Центральная Азия. Безусловно, речь не идет ни о каком противостоянии, но риски попасть в полную зависимость от китайской экономики есть практически у всех стран ЕАЭС, за исключением РФ, которая борется за свое влияние в этом регионе, особенно с учетом того, что Китай может все маршруты ЭПШП проложить через территорию Казахстана, минуя Россию. Сами страны–члены ЕАЭС,

¹⁵⁶ При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная в соавторстве, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

Лю И., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ Цифрового шелкового пути // Мир новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 65 (0,99 п.л. / 0.75 п.л.).

¹⁵⁷ К странам-членам ЕАЭС относятся: Россия, Казахстан, Беларусь, Киргизия, Армения

¹⁵⁸ Чубаров, И.Т. География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС / И.Т. Чубаров // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 5. – С. 115.

¹⁵⁹ Хань, И. Перспектива стыковки «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза / И. Хань // Управленческое консультирование – 2015. – № 11 – С. 67.

будучи политически и экономически самостоятельными образованиями, лавируют между двух рычагов силы¹⁶⁰ (речь, в первую очередь, про страны ЦА, не включая Беларусь и Армению) и на этом строят стратегии своего развития.

Данное обстоятельство, связанное с конкуренцией России и Китая, могло стать серьезным препятствием для продвижения ЭПШП и цифрового варианта этого проекта (ЦШП), если бы Россия и Китай не договорились. Еще в 2014 г. было подготовлено Специальное заявление двух стран, которое декларировало сопряжение процессов ЕАЭС и ЭПШП на основе равноправия, взаимного учета интересов и использования разных механизмов интеграции. Однако объективные сложности сопряжения данных проектов остались (Таблица 12).

Таблица № 12 – Проблемы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП (ЦШП)

Проблема	Содержание
Антироссийские санкции со стороны Запада	Поскольку ЭПШП ориентирован на создание сухопутного моста из Китая в Европейский союз, то трудности взаимоотношений России и ЕС вследствие украинского вопроса могут стать серьезным препятствием для сотрудничества Китая и ЕС через РФ. Данная проблема отягощается долгосрочным характером санкций
Институциональные недоработки	Страны-члены ЕАЭС не все точно выполняют договоренности, ссылаясь на национальные нормативные акты. В сфере таможенного оформления и пр. это может стать проблемой
Доминирование межгосударственной, а не наднациональной составляющей	Согласование интересов на государственном уровне превалирует над уровнем бизнеса, что мешает практической реализации договоренностей
Нет дорожной карты сопряжения ЕАЭС и ЭПШП	Доминируют проекты двустороннего формата, слабая координация между действиями стран ЕАЭС
Конфликт интересов в создании зон свободной торговли (ЗСТ)	При заключении соглашений страны стараются сохранить контроль над сферой торговли и инвестиций, что мешает заключению соглашений о ЗСТ (на чем настаивает Китай); с другой стороны, при создании ЗСТ все внутренние рынки открываются, что ставит в неравные условия конкуренции местных производителей
Риски инвестиционных вложений	Проекты ЭПШП требуют больших вложений и являются долгосрочными. Китай несет эти риски, но при этом нет никакой прозрачности в предоставлении инвестиций странам ЕАЭС со стороны Китая (т.е. те страны могут попадать в финансовую зависимость от КНР без информирования других членов ЕАЭС)

Источник: составлено автором

¹⁶⁰ Хасбулатов Р.И, Юнусов Л.А. Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации / Р.И. Хасбулатов, Л.А. Юнусов. – М. : ВЕЧЕ, 2017. – С. 133-135.

Проблем сопряжения двух проектов много (Таблица 12), и пока трудно сказать, как они будут решены на институциональном уровне. На двустороннем, вероятно, результаты будут появляться быстрее, в т. ч. и с учетом вопросов финансирования: ЕАЭС не располагает такими финансовыми возможностями, как Китай, поэтому и проекты на практике реализовывать сложно¹⁶¹.

На сегодняшний день можно отметить, что с 2017 г. ЕАЭС пытается выработать единые подходы к цифровизации национальных экономик. Было принято несколько общих документов, в т.ч. «Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года»¹⁶². Данный документ включает 6 инициатив, в т. ч. цифровую торговлю, цифровые транспортные коридоры, цифровую промышленную кооперацию и др. В качестве основных задач цифровизации экономики ЕАЭС названы: согласованная политика в области развития интернет–экономики, установление правил цифровой торговли и обмена информацией, защита информации и др.; цифровая интеграция на основе трех платформ: ЕАЭС Data X (электронный обмен данным), ЕАЭС ID (идентификация и авторизация), ЕАЭС Geo (контроль транспортировки на основе геоинформационной системы и технологии блокчейн). На промежуточные этапы до 2025 г. разработан блок вспомогательных точечных документов, как, например, Дорожная карта на 2018 – 2020 гг. по устранению ограничений цифровой торговли и таможенного администрирования и др.

Поскольку нет единой программы цифровизации на уровне ЕАЭС (в силу разного уровня развития цифровой экономики в странах–членах и прочих проблемах, в т.ч. указанных в Таблице 12), то сотрудничество между Китаем и странами ЕАЭС идет также точно¹⁶³, как и с Россией, т.е. посредством

¹⁶¹ Селищева Т.А. Сопряжение ЕАЭС и проекта «Экономический пояс Шелкового пути» как новая модель евразийской интеграции / Т.А. Селищева // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4 (64). – С.27.

¹⁶² Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года: перспективы и рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/digital_agenda_eaecu.pdf

¹⁶³ Тань С., Кулинцев Ю.В. Трансазиатское. Европейское экономическое партнерство как вариант сопряжения ЕАЭС и ЭПШП / С. Тань, Ю.В. Кулинцев // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 2. – С. 90.

сотрудничества представителей бизнеса в рамках конкретных проектов цифровизации. Однако есть и существенные отличия. Рассмотрим их в разрезе стран. Акцентируем внимание на цифровой политике Казахстана, Беларуси и Армении. Политику цифровизации Киргизии будем исследовать вместе с другими странами Центральной Азии, не являющимися членами ЕАЭС, поскольку у Киргизии с ними намного больше общего в сфере сотрудничества с Китаем в проектах ЦШП.

Казахстан

Данное государство выбрано Китаем как важнейший стратегический партнер для реализации ЭПШП на евразийском пространстве по широкому спектру преимуществ: транзитных (выходы на все страны Центральной Азии (ЦА), Кавказ, значимые водные артерии и др.); политических (стабильная ситуация и надежные возможности инвестирования в экономику); членства в ЕАЭС и тесных связей с Россией и пр.¹⁶⁴.

Формирование основ цифровой экономики находится в центре внимания Правительства Казахстана. Отвечая на вызовы «Индустрии 4.0», Казахстан разработал в декабре 2017 г. свою национальную программу «Цифровой Казахстан», соответствующую императивам этого процесса, а также – весьма положительно воспринял китайскую инициативу ЦШП¹⁶⁵ и призывы китайских технологических компаний превратить регион в цифровую ЦА. Для этого есть поддержка у Правительства Республики, которое делает все для развития ЦШП с целью, чтобы Казахстан смог получить и использовать отличные возможности зарабатывать на транзите данных. При этом, не стоит забывать, что большинство транзитных коридоров ЭПШП из ЮВА в Европу проходят через территорию Казахстана.

В стране разработана и осуществляется госпрограмма «Цифровой Казахстан». Эта программа включает 4 направлений, объединенных пятым – «Инновационной экосистемой» (Рисунок 18).

¹⁶⁴ Нурсеитов А.А. Казахстан займет стратегически важное место в проекте Экономического пояса Шелкового пути: интервью 13.04.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yvision.kz/post/689004>

¹⁶⁵ Лю И., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ Цифрового шелкового пути // Мир новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 66 (0,99 п.л. / 0,75 п.л.).

Рисунок 18 – Платформа «Цифровой Казахстан»

Источник: Сакен Сарсенов рассказал о проекте «Цифровой Казахстан-2020». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://profit.kz/news/33585/Saken-Sarsenov-rasskazal-o-proekte-Cifrovoj-Kazahstan-2020/>

Первое направление – «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП внутренний) – это нацеленность на доступность интернета для сельских регионов. Казахстанское руководство приняло решение к 2020 г. обеспечить 75% населения сельской местности широкополосным доступом в интернет.

Кроме того, в глобальном смысле, ЦШП внутренний в версии Казахстана ориентирован на активизацию электронной торговли с Китаем и странами ЕАЭС (и остальными странами ЦА). Поскольку в увеличении объемов торговли онлайн (рынков сбыта) больше всех заинтересован Китай, то он и делает все возможное (проекты, оборудование, сопровождение и пр.) для увеличения точек доступа к интернету и повышения скорости интернет-трафика.

Второе направление – «Креативное общество» – предполагает подготовку населения к пользованию возможностями цифровой экономики. К 2020 г. планировалось сделать 80 % населения компьютерно-грамотным. Параллельно

наращиваются усилия для подготовки специалистов необходимого уровня квалификации для работы с цифровыми процессами.

Третье направление – «Цифровые преобразования в отраслях экономики» – сводится в основном к привлечению частных инвестиций, в результате проектная деятельность будет осуществляться и финансироваться на основе государственно–частного партнерства.

Четвертое направление – «Проактивное государство». В Казахстане уже сравнительно давно началось внедрение электронного правительства. Поскольку в стране не существовало цифровой среды в госуправлении, то для реализации программы ЦШП руководство закупило готовые IT–решения и организовало обучение чиновников. В электронный формат из 739 госуслуг переведены 482 государственные услуги; 61 % экономически активного населения зарегистрирован на портале электронного правительства.

Пятое направление «Инновационная экосистема» ориентировано на развитие технологического предпринимательства и инноваций с устойчивыми связями между государством, наукой и бизнесом (например, планируется, что к 2022 г. Astana Hub станет парком международных IT–стартапов).

По всем пяти направлениям «Цифрового Казахстана» в стране проводятся местные и международные форумы, налаживается сотрудничество с китайскими бизнес–партнерами.

Как и в случае с другими странами ЕАЭС, основной точкой сопряжения цифрового сотрудничества является трансграничная электронная торговля и для ее обеспечения принимаются соответствующие решения. Например, на форуме ЕАЭС в режиме двусторонних консультаций в 2018 г. Китай и Казахстан рассматривали возможности цифровой модернизации Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос», в т.ч. построение интегрированной электронной платформы для таможенных органов с целью оптимизации работы: увеличения скорости прохождения потока, контроля наличия свободных мест в контейнерах (при перевозках в обе стороны), повышения в целом эффективности учета грузов и пассажиров,

улучшения качества логистических услуг, например, отслеживания груза в пути с помощью технологий на базе блокчейн, и пр.). Другими словами, все сервисы по обслуживанию и обеспечению перевозок становятся электронными – задача ЦШП в данном проекте.

В конце 2018 г. в Китае прошла встреча бизнес-лидеров стран-участниц ЭПШП, приуроченная к 5-летию инициативы ОПОП. Один из организаторов этого форума казахская виртуальная площадка G-Global при Астанинском экономическом форуме представила свой проект ЦШП, в котором предлагается платформа с использованием технологии блокчейна, больших данных и др.

Реализации ЦШП на уровне бизнеса проходит в партнерстве с бигтехами Китая, в первую очередь, с компанией «Хуавэй» (华为). «Хуавэй» уже на протяжении 20 лет работает в странах ЦА и в настоящее время активно содействует их цифровизации. Особое внимание компания уделяет Казахстану как своеобразному торговому мосту из ЮВА в Европу и как хабу с большим транзитным потенциалом.

Компания «Хуавэй» наращивает свое участие в процессе цифровизации экономики Казахстана посредством участия в реализации проекта «умный город», «умный дом», «Астана-хаб». В числе главных задач китайской компании в Казахстане – расширить применение таких технологий как облачные вычисления, ИИ, большие данные; укрепление собственных позиций на рынке цифровых технологий для бизнеса. Предполагается также активное участие «Хуавэй» в тестировании проекта сетей 5G в Казахстане. Другими словами, подходы компании к сотрудничеству с казахстанскими партнерами очень напоминают русско-китайское взаимодействие в области электронной торговли (Рисунок 16).

Для реализации этих целей Казахстан нацелен на подготовку специалистов в области цифровой экономики. И в этом направлении принимает участие компания «Хуавэй», готовя для себя определенный кадровый плацдарм. Например, более 10 лет (с 2008 г.) китайская компания развивает по

всему миру проект «Семена будущего» для талантливой молодежи. Из стран ЦА в проекте поучаствовало более 500 студентов университетов.

«Хуавэй» содействует реализации в Казахстане таких проектов как «умный город» – одновременно часть программы «Цифровой Казахстан». Кроме того, в рамках создания цифровой экосистемы, компания «Хуавэй» предоставляет партнерам доступ к глобальным технологиям цифровой трансформации. Совместно с партнерами китайская компания в Казахстане и других республиках ЦА разрабатывает решения, способствующие цифровизации правительств и ведущих отраслей экономики разных стран (банковской системы, промышленности, транспорта и др.)¹⁶⁶. Так, например, было реализовано несколько цифровых коммуникационных проектов в области энергетики. На газопроводе Казахстан – Китай (самый длинный в мире, 1304,5 км) «Хуавэй» создала волоконно–оптические сети, мониторинг безопасности, видео–конференц–связь и др., чтобы потребители в Пекине могли в режиме реального времени понять ситуацию на данном газопроводе.

Другие страны ЕАЭС также рассматривают инициативу ЦШП как проект для сопряжения национальных стратегий по построению цифровой экономики.

Беларусь

В Беларуси есть своя национальная Госпрограмма развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 – 2020 гг., включающая такие подпрограммы как информационно–коммуникационная инфраструктура, цифровая трансформация и инфраструктура информатизации¹⁶⁷.

В отличие от соответствующей госпрограммы Казахстана, белорусский вариант включает всего три инициативы: максимально удобные условия работы для привлечения ведущих ИТ–компаний, тотальное устранение барьеров для внедрения инструментов «Индустрии 4.0» и формирование экосистемы инноваций.

¹⁶⁶ Акижанов С. Сопряжение «Цифрового Казахстана» и «Цифрового шелкового пути» обсудили в Пекине [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/sopryazhenie-cifrovogo-kazahstana-i-cifrovogo-shelkovogo-puti-obsudili-v-pekine_a3125476

¹⁶⁷ Дятлов С.А. Цифровая трансформация экономик стран ЕАЭС: приоритеты и институты развития / С.А. Дятлов // Проблемы современной экономики. 2018. – № 3 (67). – С. 20.

В конце 2017 г. Президент страны Лукашенко А.Г. подписал Декрет «О развитии цифровой экономики» (основополагающий документ в области цифровизации страны), который акцентировал внимание на принципиально новых технологических направлениях развития цифровой экономики: блокчейне и криптовалютах.

Помимо озвученных направлений цифровизации в качестве приоритетных задач Правительство республики выделяет: развитие электронной торговли (особенно в сфере госзакупок), электронную логистику и документооборот, сокращение торговых и транспортных барьеров, развитие систем электронных платежей и др.

Надо отметить, что руководство Беларуси всецело поддержало идею ЭПШП и ЦШП и начало активно сотрудничать с Китаем в реализации соответствующих проектов. К таким важно отнести создание в 2012 г. индустриального парка «Великий камень» – особой экономической зоны согласно соглашению между Китаем и Беларусью. Данная зона согласно плану должна стать самым крупным проектом Китая за рубежом и крупнейшим индустриальным парком в Европе. Акцент делается на развитие высокотехнологичных производств с высоким экспортным потенциалом, в т.ч.: электронику, фармацевтику, биотехнологии, электронную коммерцию, обработку больших данных и др. В парке зарегистрированы и уже работают десятки зарубежных компаний из Китая, России и других стран. С 2019 г. на территории парка работает логистическая структура, построенная на технологиях блокчейна.

Кроме того, данный парк одновременно является и хабом из Азии в Европу. Беларусь в отношении транзитной составляющей ЭПШП является не менее ценным для Китая партнером, чем Казахстан, поскольку республика фактически соединяет ЕАЭС и ЕС, Китай и ЕС.

Также как и в других странах ЕАЭС, много проектов ЦШП заключается с «Хуавэй». Например, весной 2020 г. китайская компания и руководство индустриального парка подписали соглашение о сотрудничестве в области 5G

(поставщиком выступит совместное предприятие ООО «Бел Хуавей Технолоджис»).

Армения

В Армении также как и других странах ЕАЭС разработана национальная цифровая программа – «Повестка цифровой трансформации Армении до 2030 года». Документ включает шесть основных направлений: цифровое правительство, кибербезопасность, частный сектор, институциональную основу, цифровые навыки и инфраструктуру¹⁶⁸. К 2030 г. на 100 % должны быть цифровизированы процессы государство – бизнес и на 80% государство – население (цифровизация госуслуг). Одним из наиболее важных проектов в области цифровизации сейчас является создание единой цифровой платформы госуслуг.

Армения поддержала ЭПШП и его цифровую версию ЦШП, но в силу удаленности от маршрутов «Пояса и пути» стране изначально было сложно представлять транзитный интерес для проектов китайской инициативы. Однако в 2019 г. появилась информации, что Правительство республики активно обсуждает возможность стать частью ОПОП посредством запуска автомагистрали «Север–Юг», связывающей коридор «Персидский залив – Черное море». Включение Армении в эту транспортную магистраль автоматически делает страну важным транспортным узлом и позволяет Китаю не ограничиваться только сотрудничеством с Казахстаном, т.е. дифференцировать распределение товарных потоков.

Кроме того, в 2019 г. Армения подписала меморандум о сотрудничестве с Ираном и Катаром по строительству оптоволоконной магистрали, которая должна связать страны Азии и Персидского залива с Европой в обход Азербайджана и Турции. Проект относится к ЦШП, документы подписаны представителями телекоммуникационных компаний

¹⁶⁸ Дятлов С.А. Цифровая трансформация экономик стран ЕАЭС: приоритеты и институты развития / С.А. Дятлов // Проблемы современной экономики. 2018. – № 3 (67). – С. 20.

Не обошлось и без сотрудничества (с 2017 г. подписан меморандум) с «Хуавэй» по реализации проектов ЦШП. Одним из таких проектов в 2019 г. стал «умный город», в рамках которого появляется возможность наблюдать и отслеживать передвижения людей, товаров и услуг посредством большого числа камер наблюдения, обладающих технологиями распознавания лиц и др.

Таким образом, все страны ЕАЭС включены в проекты ЭПШП в большей или меньшей степени, но все стараются максимально эффективно использовать имеющиеся возможности и стратегические преимущества для развития экономики страны на основе инструментов «Индустрии 4.0». Было бы справедливо добавить, что в ближайшей перспективе для ЕАЭС в рамках сопряжения с ЦШП и в целом в условиях построения цифровой экономики сложно достичь такого интеграционного уровня цифрового взаимодействия, чтобы говорить о едином цифровом пространстве или единой архитектуре цифровой платформы для взаимодействия государств–членов ЕАЭС, хотя задача создания такого пространства и платформы очень актуальна, как минимум для обеспечения эффективной внутренней электронной торговли.

В этих условиях Китай справедливо использует все имеющиеся мощности для завоевания экономического лидерства на континенте и получения стабильного фундамента для борьбы за лидерство мировое.

3.3. Реализация проектов «Цифрового Шелкового пути» в странах Центральной Азии¹⁶⁹

Реализация инициативы ОПОП в цифровом формате получила позитивный отклик практически у всех стран Центральной Азии¹⁷⁰, многие из которых разработали и осуществляют свои национальные программы по цифровизации экономики. Цифровой посыл «Пояса и пути» был воспринят как

¹⁶⁹ При подготовке данного раздела диссертации использована публикация, выполненная автором лично, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Лю И. «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь» // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 12. – С.280 (0.75 п.л.).

¹⁷⁰ К странам Центральной Азии относятся: Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан

возможность расширения и ускорения цифровизации общества, государства и экономики центральноазиатских республик при содействии китайского капитала¹⁷¹.

Отрасли ИКТ в этих странах развиваются неравномерно, соответствующий индекс развития в них ниже среднемирового. Коэффициент проникновения интернета в Туркменистане, Таджикистане, Кыргызстане ниже 30 %, в то время среднемировой составляет около 50 % (данные на 2017 г.)¹⁷².

Рассмотрим особенности развития цифровой экономики и проекты ЦШП в каждой из центральноазиатских стран: Киргизии, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане. Начнем с Киргизии как члена ЕАЭС, члена ШОС и одновременно активного участника ЭПШП.

Киргизия (Кыргызстан)

Киргизия является одной из немногих стран, у которой государственная программа цифровизации «Таза коом» (2018 г.) имеет долгосрочный характер и входит в стратегию развития республики до 2040 г. Цель данной программы цифровизации заключается в формировании цифровой структуры промышленности и цифровой индустрии страны.

Киргизия сразу поддержала Китай с его инициативой ЭПШП и проектом ЦШП, причем поддержка проектов инициативы со стороны Киргизии озвучивалась на разных форумах, например, ШОС и др.¹⁷³.

Отметим, что сотрудничество с Киргизией отличается для Китая в сравнении с остальными странами региона: Киргизия – член Всемирной торговой организации (ВТО) и является одним из ключевых коридоров для транзита китайских товаров в Европу. Но проблема заключалась в том, что транспортные магистрали республики и их инфраструктура были в плохом состоянии. Исходя из этого, транспортная сфера и проекты в области безопасности являются стратегическими паттернами взаимодействия Китая и

¹⁷¹ Луконин С.А. Участие стран Центральной Азии в экономическом «Поясе шелкового пути» / С.А. Луконин // «Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации». – М.: ВЕЧЕ, 2017. – С. 35.

¹⁷² Как построить цифровой Великий шелковый путь? [Электронный ресурс] // ICTNEWS. – Режим доступа: <https://ictnews.uz/25/12/2017/digital-silkway/>

¹⁷³ Акаев А.А., Акаева Б.А. Кыргызстан в эпоху цифровой экономики на новом шелковом пути: монография / А.А. Акаев, Б.А. Акаева. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – С. 175.

Киргизии в рамках ЭПШП и ЦШП. Китай вкладывает серьезные ресурсы в транспортную отрасль, строится трасса «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» для последующего выхода на Туркменистан, Афганистан и Иран.

Продолжаются переговоры о создании Кыргызско–Китайского фонда развития (ККФР) со 100 % долей китайского капитала в размере 1 млрд. долл. США. С момента принятия «Таза коом» Президент республики отметил, что страна готова к сопряжению национальной программы цифровизации с китайским ЦШП. Возможно, часть ресурсов ККФР пойдет и на цифровые проекты.

Однако, в области финансовых взаимоотношений между двумя республиками по факту реализации ряда проектов ЭПШП уже возникают разногласия. По состоянию на 2019 г. более половины внешнего долга Киргизии приходится на Китай, причем тревожной тенденцией остается темп роста этого долга.

Еще одной из проблем взаимоотношений в рамках ЭПШП остаются особенности менталитета жителей Кыргызстана (в принципе, и других стран ЦА тоже). Например, с 2019 г. ряд проектов китайских инвесторов в рамках ЭПШП в Киргизии был либо приостановлен, либо закрыт. Один из последних примеров, связанный со строительством индустриально-торговой, логистической зоны по типу «ОЭЗ Кашгар», на китайско-казахской границе, «СЭЗ Ат–Баши» был свернут в начале 2020 г. Причина – недовольство местных жителей в районе строительства зоны (правительством Киргизии было выделено 200 га земли в аренду на 49 лет), опасаящихся потерять свои земли¹⁷⁴ Другой причиной является недостаточная проработка (или ее отсутствие) китайской стороной ситуации с настроениями местного сообщества, игнорирования инструментов PR и корпоративной социальной ответственности. Подобные промахи китайской стороны могут возникнуть и в

¹⁷⁴ Изимов Р.Ю., Мураталиева З.Т. Центральноеазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски / Р.Ю. Изимов, З.Т. Мураталиева // Вестник международных организаций. – 2018. –Т. 13. –№ 3. – С. 132.

процессе цифровизации стран ЦА в условиях слабого учета особенностей и традиций местных сообществ.

Отметим, что в области реализации проектов ЦШП Кыргызстан непосредственно сотрудничает с китайской компанией «Хуавэй». Например, в 2018 г. было подписано инвестиционное соглашение на реализацию проекта «умный город» с суммой инвестиций в 60 млн. долл. США. Отличие данного проекта от подобных в других республиках Центральной Азии в том, что в него включены сразу два города и несколько крупных трасс.

Узбекистан

Узбекистан принял национальную программу цифровизации еще в 2013 г. и сроком до 2020 г. – «Комплексная программа развития Национальной информационно–коммуникационной системы Республики Узбекистан». Она предусматривает внедрение современных ИКТ во всех сферах жизни республики, улучшение интерактивных услуг бизнесу и населению и др.

Изначально Узбекистан более настороженно отнесся к проекту ЭШП в отличие от других стран ЦА. Он предпочитал вектор политических и экономических отношений больше ориентировать на Россию¹⁷⁵ и ЕАЭС. Но по мере реализации ЭШП в других странах, руководство Узбекистана изменило свою позицию (примерно с 2017 г.).

Основной стратегической целью партнерства с Китаем в рамках ЦШП для Узбекистана является формирование узбекско–китайского торгового хаба¹⁷⁶, функционирующего исключительно на основе использования передовых технологий. В рамках государственной программы «Стратегия действий на 2017–2021 гг.» приоритет отдан развитию инновационной деятельности, одним из значимых направлений которой являются программы: «умный город», «умная махалля» и др.

¹⁷⁵ Ходжаев, А. О центральноазиатской политике КНР (на основе китайских источников) / А. Ходжаев // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 3 (51). – С.32.

¹⁷⁶ Хуавэй призывает создать цифровой Шелковый путь через инновации, открытость и взаимную выгоду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huawei.com/ru/events/huawei-central-asia-innovation-day-2017/day-of-innovation-in-central-asia-hw>

Одним из важнейших партнеров в решении этой задачи в Узбекистане видят китайские компании, в т.ч. компанию «Хуавэй» (华为)¹⁷⁷. Так, в 2018 г. среди возможных проектов сотрудничества с «Хуавэй» были помимо «умного города» названы: «эффективное энергосбережение», «вторичная переработка сырья», «умное сельское хозяйство» и др. По состоянию на 2019 г. подписано инвестиционное соглашение на реализацию проекта «Безопасный город» со стартовой суммой инвестиций в 300 млн. долл. США. Кроме того, по факту визита Президента Узбекистана в Китай появилась информация, что компании «Хуавэй» и CITIC Guoan Information Technology подготовили инвестиционный план в размере 1 млрд. долл. США для вложений в цифровую инфраструктуру Республики, в т.ч. в приоритетные направления: телемедицину, электронное правительство, ИКТ, продвижение технологий 5G (для модернизации сетей «Узмобиайл» и Ucell) и пр.

Туркменистан

Цифровизация страны осуществляется на основе Концепции развития цифровой экономики на 2019–2025 гг. В данной концепции нет пока четко обозначенных целевых рубежей, обозначена только задача повышения эффективности экономики на основе широкого использования информационных технологий. В 2020 г. началась разработка госпрограммы «Цифровой Туркменистан», на основе которой будет осуществлен тотальный переход на электронный документооборот.

Туркменистан полностью поддержал проект ЭПШП и ЦШП¹⁷⁸. На сайте Правительства Туркменистана обозначена плоскость общей концепции взаимодействия с Китаем в ЭПШП: «Туркменистан – сердце Шелкового пути». Это о многом говорит. Туркменистан нацелен на максимально возможное использование своей территории для транзитных потоков из Азии в Европу, причем как сухопутных, так и морских.

¹⁷⁷ Узбекистан и Китай намерены построить Цифровой шёлковый путь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/34854271>.

¹⁷⁸ Изимов Р.Ю., Мураталиева З.Т. Центральнoазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски / Р.Ю. Изимов, З.Т. Мураталиева // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. – № 3. – С. 134.

В рамках сотрудничества по внедрению ЦШП в 2020 г. в Туркменистане начата прокладка оптико–волоконной линии в Афганистан и Пакистан (ТАП – Туркменистан, Афганистан, Пакистан), т.е. информационно-коммуникационное взаимодействие государств выйдет на новый уровень. Далее ТАП будет подключен к Каспийскому морю через Баку и далее к сети ЕС.

Кроме того, специалисты «Туркментелеком» в сотрудничестве с «Хуавэй» работают над увеличением пропускной способности магистральных оптико–волоконных линий (на сопредельных участках с Казахстаном, Узбекистаном, Ираном, Афганистаном).

«Хуавэй» работает в Туркменистане с 2003 г. Сегодня одним из проектов сотрудничества является внедрение технологии «умный город» для «Ашхабад сити».

Таджикистан

Таджикистан объективно остается с точки зрения цифровизации своей экономики в сравнении с соседними странами. Только в 2018 г. появилась концепция цифровизации страны, соответствующая программа пока в разработке. В приоритетных проектах – внедрение электронного правительства.

Объективно Таджикистан и в экономическом плане всегда отставал от соседних государств, поэтому Китаю пришлось вкладывать значительные ресурсы в экономику и инфраструктуру страны ¹⁷⁹. Причем инвестиции начались задолго до начала реализации ЭПШП и ЦШП: с 2006 по 2013 гг. Китай предоставил кредитов на сумму порядка 1 млрд. долл. США на развитие инфраструктуры: энергетической системы, дорог и тоннелей, крупных объектов социального назначения и др. Китай является государством, прямые инвестиции которого в экономику Таджикистана составляют порядка 80 % всех внешних инвестиций. Долги Таджикистана перед Китаем тоже, соответственно, огромны (более половины внешнего долга – на Китай). Китай очень

¹⁷⁹ Чжао, Ч. Специфика деятельности китайских компаний на мировом рынке и их стратегические позиции в РФ / Ч. Чжао. – М.: Макс Пресс, 2009. – С. 77.

интересуют углеводородные ресурсы Таджикистана (много проектов и прямых инвестиций в этой сфере).

Таджикистан, безусловно, поддержал инициативу ЭПШП и ЦШП. Также как и другие страны ЦА в рамках проектов ЦШП Таджикистан сотрудничает с китайской компанией «Хуавэй», которая уже реализовала один из своих проектов – «безопасный город» – в этой республике.

Таджикистан сотрудничает с Китаем по программе «Семена будущего» и отправляет студентов на обучение по программам ИКТ.

В многом особенности взаимодействие Китая со странами ЦА в рамках цифровизации их экономик очень похожи. В частности, речь о китайских стратегиях входа на рынок, условий инвестирования и пр. Есть нюансы и в реализации стратегий бигтехов Китая по внедрению цифровых стандартов в странах региона. Рассмотрим эти стратегии подробнее.

Стратегии экспансии «Хуавэй» и других бигтехов Китая

Основываясь на стремлении стран ЦА к развитию отрасли ИКТ, компания «Хуавэй» (华为), заинтересованная в расширении собственных рынков сбыта и превращении в лидирующую глобальную цифровую ТНК, активно участвует в разработке и реализации стратегий развития ИКТ в этих странах. «Хуавэй» проводит «Дни инноваций»¹⁸⁰, приоритетная задача этих «дней» – построить цифровую ЦА и двигаться в сторону интеллектуального мира.

В качестве инструментов продвижения цифровых технологий в соседние страны «Хуавэй» использует: создание бизнес-альянсов, совместную разработку платформ (на базе программного обеспечения с открытым исходным кодом), связи в системе коммуникаций от правительств стран до бизнес-среды и др.¹⁸¹

¹⁸⁰ Начиная с 2013 г. «Дни инноваций Huawei» прошли в Ландао, Милане, Мюнхене, Париже, Сингапуре, Сиднее, Куала-Лумпуре, Дубае и Сан-Паулу.

¹⁸¹ Лю И. «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь» // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 12. – С.280 (0.75 п.л.).

Стратегия компании «Хуавэй» для стран ЦА состоит из четырех этапов и рассматривается как универсальная цифровая стратегия для применения во многих странах (учетом результатов практического опыта внедрения и мнения старшего вице–президента «Хуавэй» Эми Лин, такой эволюционный путь подходит для многих стран¹⁸²) (Рисунок 19).

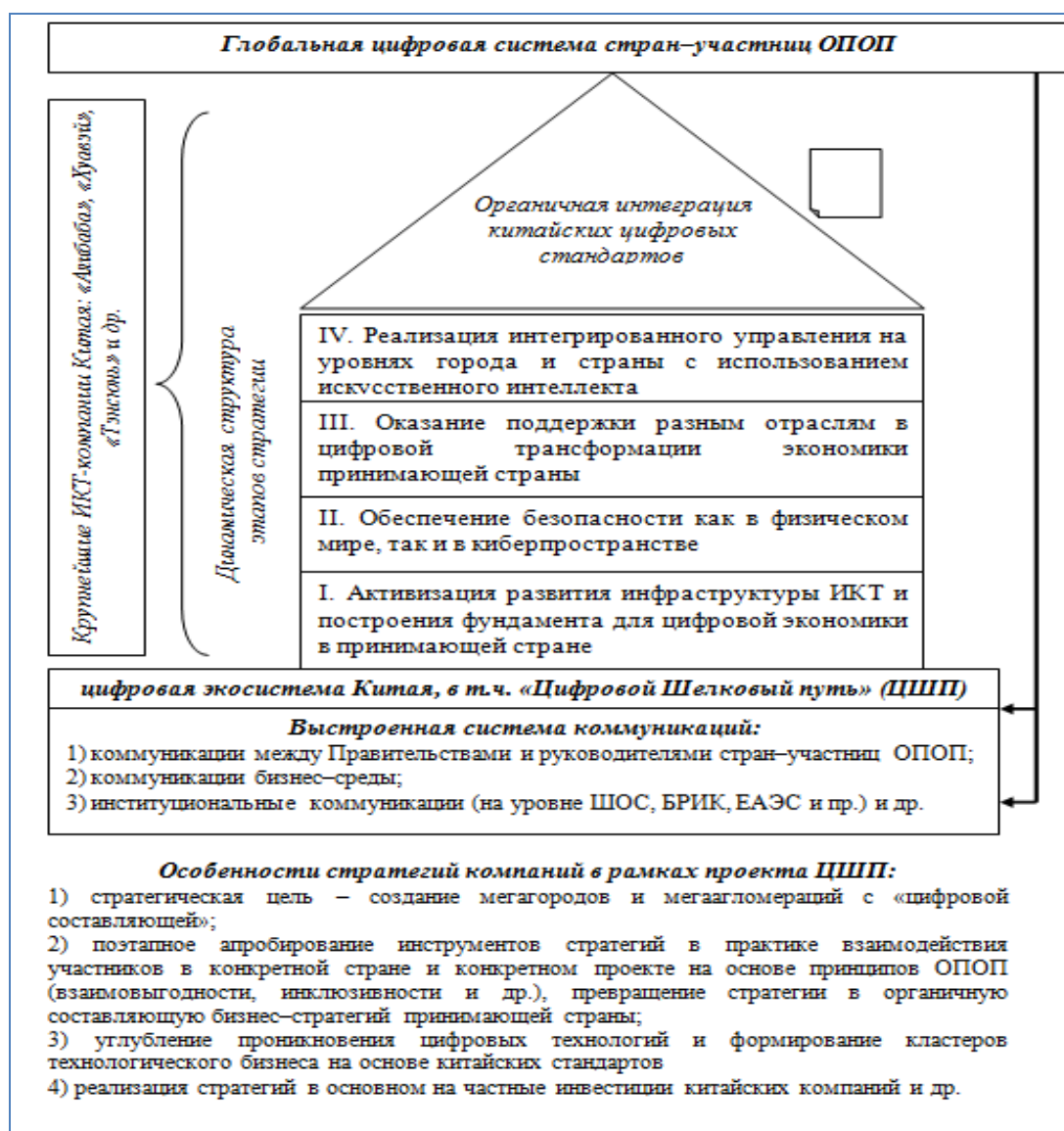

Рисунок 19 – Стратегии экспансии цифровых стандартов крупных ИКТ–компаний Китая

Источник: разработано автором

¹⁸² Хуавэй призывает создать цифровой Шелковый путь через инновации, открытость и взаимную выгоду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huawei.com/ru/events/huawei-central-asia-innovation-day-2017/day-of-innovation-in-central-asia-hw>

В основе рассматриваемой стратегии лежат выстроенные системы коммуникаций и развивающаяся цифровая экосистема Китая, частью которой является в том числе и ЦШП.

Стратегия «Хуавэй» представляет собой последовательное внедрение в экономику принимающей стороны путем создания необходимой цифровой инфраструктуры на основе ее технологий и стандартов, предоставления соответствующего оборудования и технологических разработок и специалистов.

Отмечая активные действия китайской компании по цифровизации некоторых сторон экономики стран ЦА следует отметить, что инвестиционная стратегия «Хуавэй» и других высокотехнологических китайских компаний, как правило, сводится к стремлению создать совместное предприятие с перспективой полного поглощения предприятий, работающих в необходимой им нише. Как и многие российские стартапы, работающие с китайскими IT-гигантами, так и технологичные центральноазиатские компании вряд ли могут рассчитывать на реальное партнерство, во многом из-за разницы в масштабах, хотя рассчитывать на инвестиции от китайских компаний вполне могут. «Хуавэй» открыта для сотрудничества с малыми партнерами в сфере продаж, технологической составляющей и др. Китайская компания получает от партнера локальную экспертизу (например, маркетинговый анализ потребностей заказчика и т.п.), а он, в свою очередь, – доступ к R and D вендора и аналогичным проектам в других странах.

Став технологической глобальной ТНК, «Хуавэй» строит глобальную цифровую систему по своим стандартам. А стандарты уже работают практически во всех странах Центральной Азии, ЕАЭС и др. Более 4 млрд. чел. на планете использует технологии китайских компании в той или иной форме.

Технологическая экспансия Китая в ЦА вызывает беспокойство у экспертов из западных стран, опасаящихся, что «цифровые шелковые пути» смогут сконцентрировать глобальные цифровые потоки, пути коммуникации –

в идеале иметь маркировку made in China, начиная от железа и заканчивая алгоритмами»¹⁸³.

Конечно, деятельность китайских бигтехов на зарубежных рынках, включая и страны ЦА, представляет определенный вызов для западных стран, а также Японии и Южной Кореи, разрабатывающих и реализующих свои «шелковые пути». Однако Китай вступил в серьезную технологическую конкуренцию с развитыми странами и во многом использует те же методы и механизмы, применяемые крупнейшими западными и восточными ТНК. В частности, стратегия компании «Хуавэй» напоминает стратегию компании – «хамелеона», давно используемую многими ТНК. Технологическое «закабаление» со стороны Китая, о котором говорят некоторые западные китаисты, не является фатальным, многое зависит от политики принимающей стороны, которая должна соблюдать баланс своих национальных интересов и выгоды зарубежного инвестора.

В целом можно констатировать, что в странах ЦА инициатива ЦШП вызывает, в основном, положительную реакцию. Курс на создание в этих странах основ цифровой экономики, ее инфраструктуры можно реализовывать на основе сотрудничества с преимущественным участием китайского капитала и технологий.

Таким образом, делая выбор, страны понимают, что для быстрого и качественного перехода к цифровой экономике нужны ресурсы финансовые и технологические – в этом плане помощь Китая при реализации ОПОП принимается хорошо, но растет и зависимость от китайских ресурсов и влияние китайских компаний в национальных экономиках бывших советских республик. Тем не менее, проекты ЦШП не остановить, развитие технологий будет продолжаться быстрыми темпами, и здесь у Китая действительно есть много возможностей для успешной реализации ЭПШП и его цифрового варианта – ЦШП.

¹⁸³ Краснушкина Н., Бутрин Д. Закипающий цифровой котел // Коммерсант (тематическое приложение – Рейтинговые услуги). – 2019. – 4 апреля.

Выводы по III главе

1. Среди географических направлений «Пояса и пути» цифровой вектор экспансии китайских компаний в основном реализуется на маршрутах ЭПШП в странах ЦА и России. Цифровое взаимодействие с Россией базируется во многом на достигнутых результатах предшествующего периода научно – технического сотрудничества.

2. Наибольшее развитие в экономическом сотрудничестве России и Китая получила электронная коммерция с преобладающими объемами в ней электронной торговли на основе использования электронных платформ, маркетплейсов, маркетспейсов. В сфере электронной торговли и смежных с ней отраслях (преимущественно, транспорт, логистика) нашли свое применение новые цифровые решения, базирующиеся на технологиях «Индустрии 4.0».

3. Заметную активность технологические компании Китая (прежде всего «Хуавэй» (华为)) проявляют в реализации цифровых проектов в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане. При этом реализуется долговременная стратегия вживления в экономику принимающей страны по типу компании – «хамелеона», применяемая в практике ведущих западных стран. Китайские бигтехи за годы сотрудничества выработали свой специфический вариант «хамелеона» в рамках ЦШП, включающий несколько этапов: от развития инфраструктуры в принимающей стране до реализации систем управления на базе ИИ. В основе подобных стратегий лежит проверенная опытом многоуровневая система коммуникаций, а особенностью, выгодной для китайской стороны, является углубленное проникновение китайских цифровых стандартов в технологические кластеры на территории стран–партнеров.

4. Опираясь на товарную экспансию в электронном виде, Китай стремится на всем протяжении ЭПШП создать опорные базы, анклавов сотрудничества с использованием цифровых технологий, где будут преобладать ведущие китайские технологические ТНК, работающих на основе собственных стандартов.

5. Формы сотрудничества в области цифровой экономики между Китаем и Россией и странами ЕАЭС представлены в основном традиционными видами: совместными предприятиями, альянсами, партнерствами, аутсорсинговыми отношениями. Начинают использоваться также стратегии слияния и поглощения российских предприятий (M&A), прежде всего малых и средних, стартапов. Поскольку цифровая экономика как в мире, так и Китае находится на подъеме, то по мере ее вызревания, видимо, будут появляться и инновационные формы сотрудничества, имеющие виртуальный по форме, но реальный по содержанию характер.

6. Развитие цифрового сотрудничества между Россией и Китаем ни в коем случае не ставит под сомнение и не отвергает взаимовыгодную кооперацию в сфере традиционных отраслей, подвергающихся воздействию цифровой составляющей современной экономики, которая будет сохраняться пока цифровая экономика не станет преобладающим укладом.

7. Фактически выстраивая ЦШП на маршрутах стран ЦА, Китай уже осуществляет внедрение своего видения глобальной экономики будущего, т.е. имплементирует новую модель глобализации в странах–партнерах в рамках ОПОП посредством стратегий (и цифровых, и управленческих) своих национальных бигтехов.

Заключение

Китай осознанно и целенаправленно движется к достижению своей «китайской мечты» посредством завоевания лидирующих позиций в глобальной цифровой экономике и имплементации китайских цифровых стандартов в новую модель будущего. Основным механизмом, обеспечивающим такой быстрый рост «вовне» китайской экономике, является глобальный проект ОПОП и выстраиваемые серьезные стратегические коммуникации для его реализации. Проект ЦШП как инновационная форма ОПОП ориентирован на обеспечение еще более быстрого освоения цифровых рынков стран–участниц данной инициативы с помощью уникального механизма экспансии элементов национальной цифровой экосистемы Китая.

Основные полученные результаты и выводы исследования заключаются в следующем:

1. Инициатива ОПОП является теоретической и практической реализацией политики внешнеэкономической открытости Китая, проводимой с 80–х гг. XX века в ее новой версии 2.0 («новой архитектоники открытости»), с акцентом на активизацию курса «идти вовне», с расширенным освоением мировых рынков. «Новая архитектоника» включает большую (дозированную) открытость Китая внешнему миру в области импорта товаров, капиталов, технологий и одновременно – открытость мировой экономики Китаю посредством обеспечения разными странами в основном свободного (в рамках национальных законодательств) движения китайских товаров, капиталов, рабочей силы, технологий.

Политика открытости 2.0 предполагает сбалансированную, открытую международную торговую систему, а также открытый рынок капиталов, технологий на основе свободной конкуренции. В результате в противовес растущих протекционистским тенденциям в мировой экономике выдвигается идея растущей открытости, инклюзивности, добросовестной конкуренции.

Инициатива ОПОП (ЭПШП) предстает как открытая платформа, механизм новой, эффективной модели глобализации, предлагаемой мировому сообществу. ОПОП позиционируется как модель развития для широкого круга заинтересованных государств и, прежде всего, развивающихся стран, для которых характерны принципы открытости, взаимовыгодности, инклюзивности. Инициатива ОПОП – это концепция, нацеленная на формирование нового механизма глобальной кооперации стран на принципах сотрудничества, взаимопомощи, взаимовыгодности, инклюзивности в направлении «сообщества единой судьбы» и посредством инновационных механизмов цифровизации в виде проекта «Цифрового Шелкового пути».

2. Изначально выдвижение инициативы ОПОП (ЭПШП) было связано с окончанием периода встраивания Китая в глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) в качестве поставщика товаров массового спроса на основе дешевой рабочей силы и началом периода формирования Китаем собственных ГЦСС, высоких технологий, международных брендов, активизации политики «идти вовне», с превращением страны из объекта в ведущий субъект международной экономики.

Со второй половины 10–х г. XXI века инициатива начинает трансформироваться в ЦШП, при этом ЦШП трактуется и как отдельный сегмент ОПОП и как интегрированная цифровая платформа ОПОП и соответствующих цифровых элементов. Идея ЦШП органично сочетается с целями китайского руководства по построению сильного инновационного государства в опоре на собственные силы в области научных технологических разработок и производства высокотехнологичных товаров на основе собственных стандартов.

Концепт ЦШП опирается на разработки китайской модели цифровой экономики, на результаты ее внедрения на практике, но при этом учитывает и технологические вызовы современного мира. Другими словами, ЦШП является технологической составляющей инициативы ОПОП, важным элементом развивающегося процесса цифровизации экономики и общества Китая, частью

формируемой национальной цифровой экосистемы, с перспективой ведущей роли в создании глобальной цифровой системы.

Цифровизация экономики Китая осуществляется посредством реализации моделей «Интернет+» и «+Интернет», которые предполагают и развитие компаний–генераторов цифровых инноваций, высокотехнологичных компаний на основе цифровых технологий, и цифровую трансформацию предприятий традиционной экономики.

3. В 10–е гг. XXI века Китай совершил технологический прорыв, который позволил начать постепенную цифровизацию своей экономики с выходом на зарубежные рынки, в связи с чем можно позиционировать ЦШП как часть формирующейся цифровой экспансии Китая.

Цифровизация экономики Китая идет по линии развития и внедрения искусственного интеллекта, которому придается исключительное внимание государства. Кроме того, развиваются и другие цифровые технологии: интернет вещей, большие данные, облачные вычисления, квантовые технологии, технологии кибербезопасности, блокчейн и др.

4. В совокупность ключевых составляющих ЦШП на текущем этапе реализации ЭПШП входит ряд приоритетных отраслей, ведущая роль среди которых отдана электронной коммерции. ЦШП в настоящее время – это, прежде всего, торговый путь, переведенный на «цифру», а также – вся экосистема международной торговли, включающая маркетплейсы, маркетспейсы, транспортно–логистическую инфраструктуру, информационное пространство. Одновременно с электронной коммерцией, ЦШП способствует формированию цифровых «оазисов», от высокотехнологичных производств (в основном, на территории Китая и приграничных особых экономических зонах, типа Хоргос) и цифровой инфраструктуры (таможенно–логистической) до «умных городов» и транспортно–коммунального хозяйства (в некоторых городах Казахстана и Узбекистана). Если изначально инициатива ОПОП (ЭПШП) предполагала в основном экспансию китайских товаров, капиталов, рабочей силы, то с выдвижением идеи цифровизации «Пояса и пути», она

дополняется акцентами на экспансию китайских технологий и соответствующих им стандартов.

5. Китай предлагает свои стандарты в области создания «умных городов», с соответствующей инфраструктурой, стандарты сетей 5G, технологии обмена информацией и др. ЦШП предлагает перевод в цифровой формат трансграничной торговли с использованием и торговых сделок в офлайн; продвижение китайских цифровых технологий с соответствующими стандартами в области искусственного интеллекта и основанного на нем интернета вещей, технологий больших данных и т.п.

6. Значимую роль в развитии ЦШП играют стратегии ведущих китайских технологических компаний, таких как Alibaba Group, Tencent, «Хуавэй» и их многочисленные подразделения. Заметную активность они проявляют в реализации цифровых проектов в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и других странах ЦА. При этом реализуется долговременная стратегия вживления в экономику принимающей страны по типу компании – «хамелеона», применяемой в практике ведущих западных стран.

7. Основным направлением в современном цифровом сотрудничестве России и Китая является электронная торговля: формирование электронных платформ, маркетплейсов, в т.ч. и международных, биржи блогеров, обслуживающей электронную коммерцию; локализация цифровых разработок компаний «Хуавэй» (华为), Alibaba, Tencent и др., внедряемых на российском рынке рядом российских производственных, финансовых, телекоммуникационных компаний; использование системы «ГЛОНАСС» в транспортно–логистических операциях, «электронных пломб» на транспорте; формирование электронных платежных систем, платежных сервисов совместно с банковскими структурами России; разработки в области кибербезопасности, антивирусов. С участием Alibaba Group и российскими компаниями «Мегафон», Mail.ru Group и РФПИ создано СП «AliExpress Россия».

Следует отметить и растущие возможности цифрового сотрудничества китайского и российского малого и среднего бизнеса на основе создания

совместных технопарков для поиска стратегических партнеров, заключения прямых договоров на уровне отдельных субъектов бизнеса, покупке готовых продуктов и предприятий, занимающихся внедрением инструментов «Индустрии 4.0» в разные сферы и др.

Китайская сторона во многих проектах на уровне сотрудничества бизнес-субъектов разного масштаба часто становится ведущим партнером в области формирования и использования различных электронных платформ в промышленной сфере, использования технологий 5G, квантовых технологий, беспилотного транспорта, электроавтомобилей, высокоскоростных железнодорожных магистралей и др.

В настоящее время уже имеется ряд проектов по сотрудничеству в области ИИ между двумя странами, в т.ч. в рамках РКИФ, отдельных компаний обеих стран. Однако специальная программа цифрового сотрудничества, сопряжения государственной программы «Цифровая экономика России» и китайских цифровых проектов отсутствует. Взаимодействие происходит, в основном, по инициативе отдельных представителей бизнеса двух стран и носит в значительной степени стихийный характер. Во многом это объясняется тем, что и российская цифровая стратегия, и китайский проект ЦШП пока находятся в начале пути.

Цифровое измерение «Пояса и пути» образует новый сегмент в общей стратегии сопряжения проектов сотрудничества Китая и всех стран на маршрутах ОПОП, давая шанс на существенный импульс взаимного развития. ЦШП – путь модернизации Китая, комплексная программа превращения проекта ОПОП в глобальное интеллектуальное пространство будущего, с вовлечением в нее всех заинтересованных стран на условиях сотрудничества, взаимовыгодности, инклюзивности и доверия.

Список литературы

Нормативные и правовые акты

1. Видения и действия по совместному построению Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути 21 века: офиц. текст 28.03.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm>

2. Коммюнике Третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/8455422.html>

3. Коммюнике Четвертого пленума ЦК КПК 18-го созыва: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://russian.people.com.cn/31857/310514>.

4. Меморандум о взаимопонимании между правительством Китайской Народной Республики и Программой развития Организации Объединенных Наций по совместному продвижению строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21-го века»: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2016-09/20/content_5109850.htm

5. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.06.2017 № 1632-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

6. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank.41919>

7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2015 № 313 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/>

8. Один пояс, один путь. Полный текст речи Си Цзиньпина от 19.05.2017: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа. <http://inosmi.ru/politic//20170519/239391693.html>

9. Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года: перспективы и рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/digital_agenda_eaecu.pdf

10. План развития искусственного интеллекта в новую эпоху (на китайском языке): офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm

11. Рекомендации Госсовета по активному продвижению инициативы «Интернет +»: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm

12. Стратегия КНР «Сделано в Китае – 2025»: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isdpc.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf>

Монографии и статьи на русском языке

13. «13-я пятилетка (2016 – 2020 гг.) – важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан»: сб. статей. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 303 с.

14. Абдрахманова, Г.И. Цифровая экономика 2019: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 96 с.

15. Авдокушин Е.Ф. Промышленная политика Китая / Под. ред. А.С. Булатова. Глава 17 «Промышленная политика Китая». – М.: КНОРУС, 2019. – 23 с.

16. Авдокушин Е.Ф., Лю И. Цифровизация экономического пояса шелкового пути / Е.Ф. Авдокушин, И. Лю // Современные научные исследования: исторический опыт и инновации: сб. материалов XV

Международной научно-практической конференции. – Краснодар: ИМСИТ, 2019. – С. 11.

17. Авдокушин, Е.Ф. 70 лет КНР: от «большого скачка» к технологическому «прорыву» / Е. Ф. Авдокушин // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 4. – С. 126.

18. Авдокушин, Е.Ф. Внешнеэкономический вектор стратегии России. «Поворот на Восток» / Е. Ф. Авдокушин // Вопросы новой экономики. – 2017. – № 3. – С. 9.

19. Авдокушин, Е.Ф. Платформенная экономика как элемент современной новой экономики / Е. Ф. Авдокушин // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 2 (50). – С. 10.

20. Авдокушин, Е.Ф. Тигр прыгнул, дракон взлетел – проект «Один пояс – один путь»: теория и практика / Е.Ф. Авдокушин // Вопросы новой экономики. – 2015. – № 4. – С. 4 – 17.

21. Авдокушин, Е.Ф. Экономика совместного потребления – зарубежный опыт развития: уроки для России / Е. Ф. Авдокушин // Вопросы новой экономики. – 2018. – № 3. – С. 7 .

22. Акаев А.А., Акаева Б.А. Кыргызстан в эпоху цифровой экономики на новом шелковом пути: монография / А.А Акаев, Б.А.Акаева. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 238 с.

23. Барыкин С.А., Лю И. Предпосылки глобального развития рынка финтех в рамках концепции технологических укладов экономики К.Перес / С.А. Барыкин, И. Лю // Экономика Бизнес Банки. – 2019. – № 1(26). – С.149.

24. Белова, Л.Г. Эволюция подходов к конкурентным преимуществам в наиболее развитых странах Азиатско–Тихоокеанского региона / Л.Г. Белова. – М.: РГ–Пресс, 2013. – 158 с.

25. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая: монография / Я.М. Бергер. – Москва: Форум, 2009. – 557 с.

26. Бергер, Я.М. Становление Китая как глобальной инновационной державы / Я.М. Бергер / Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 2. – С. 42.

27. Борох, О.Н. «Политэкономия Си Цзиньпина» и новый этап реформ в КНР / О.Н. Борох // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 3 – С. 70.
28. Бутрин, Д. Физика цифрового пространства // Коммерсант. – 2019. – 28 июня.
29. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики / Р. Бухт, Р. Хикс // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13.– № 2. – С. 161.
30. Габуев, А. Скатертью шелковый путь /А. Габуев // Ведомости. – 2018. – 4 сентября.
31. Демидова А., Парфентьева И., Камаев П. М. Видео просит у Ма // Газета РБК. – 2017. – 13 ноября.
32. Дэн С. О строительстве специфически китайского социализма / С. Дэн. – Пекин: «Издательство литературы на иностранных языках», 1984. – 105 с.
33. Дятлов С.А. Цифровая трансформация экономик стран ЕАЭС: приоритеты и институты развития / С.А. Дятлов // Проблемы современной экономики. 2018. – № 3 (67). – С. 20.
34. Дятлов С.А., Марьяненко А.К., Селищева Т.А. Информационно-сетевая экономика. Структура, динамика, регулирование / С.А. Дятлов, А.К. Марьяненко, Т.А. Селищева. – М.: Инфра–М, 2016. – 414 с.
35. Изимов Р.Ю., Мураталиева З.Т. Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски / Р.Ю. Изимов, З.Т. Мураталиева // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. –№ 3. – С. 132.
36. Каменнов, П. Б. Российско–китайское научно–техническое сотрудничество / П.Б. Каменнов // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 5. – С. 14.
37. Китай и глобализация / Отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 80 с.

38. Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тезисы докладов XXIII Международной научной конференции. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 248 с.
39. Китайско–российское сотрудничество в рамках проекта «Один пояс – один путь» «一代一路背景下的中俄合作»: сборник материалов форума на китайском языке. – Шеньян: Ляолинский университет, 2017. – 534 с.
40. Ковалев М.М., Ван С. Китай строит экономику знаний / М.М. Ковалев, С. Ван. – Минск: Издательский центр БГУ, 2015. – 152 с.
41. Комраков, А. Китай захватил российский рынок Интернет-торговли // Независимая газета. – 2018. – 12 – февраля.
42. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / Р Коуз, Н. Ван. Пер. с англ. А. Козинцевой. – М.: Новое издательство, 2016. – 386 с.
43. Краснушкина Н., Бутрин Д. Закипающий цифровой котел // Коммерсант (тематическое приложение – Рейтинговые услуги). – 2019. – 4 апреля.
44. Кузиев, Н.А. Эволюция современных официальных концепций возрождения Шелкового пути / Н.А. Кузиев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 11–1. – С. 27.
45. Куприяновский В.П., Синягов С.А., Климов А.А., Петров А.В., Намиот Д.Е. Цифровые цепи поставок и технологии на базе блокчейн в совместной экономике / В.П. Куприяновский, С.А. Синягов, А.А. Климов, А.В. Петров, Д.Е. Намиот // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – № 8. – Т. 5. – С. 81.
46. Ли Т. Теория и практика экономических реформ в КНР / Т. Ли. – М.: ИДВ РАН, 2000. – 127 с.
47. Ли, Ч. Нам помогут большие данные / Ч. Ли // Китай. – 2017. – № 11. – С. 65.
48. Линь И., Цой Ф., Ли Чж. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа / И. Линь, Ф. Цой. – М.: ИДВ РАН, 2001. – 367 с.

49. Линь, И. Версия «Пояса и пути 2.0» / И. Линь // Китай. – 2017. – № 5. – С. 22.
50. Лукин, А. Соккрытие возможностей или триумфальное шествие? / А. Лукин // Независимая газета. – 2018. – 20 ноября.
51. Луконин С.А. Участие стран Центральной Азии в экономическом «Поясе шелкового пути» / С.А. Луконин // «Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации». – М.: ВЕЧЕ, 2017. – С. 35.
52. Лю, И. «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь» / И. Лю. // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 12 – С.279.
53. Лю И., Авдокушин Е.Ф. Формирование основ Цифрового шелкового пути / И. Лю, Е.Ф. Авдокушин // Мир новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 65.
54. Лю, И. Некоторые особенности становления и развития цифровой экономики в Китае / И. Лю // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 4. – С. 46.
55. Лю, И. Предпосылки выдвижения и факторы формирования цифрового шелкового пути / И. Лю // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 3. – С.15.
56. Лю И., Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экономики Китая / И. Лю, Е.Ф. Авдокушин // Мир новой экономики. – 2019. – № 1. – С. 70.
57. Марш П. Новая промышленная революция / П. Марш. Пер. с англ. А. Шоломицкой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 419 с.
58. Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010гг.) / В.А. Мельянцева, Л.Х. Матюнина. – М.: Ключ–С, 2019. – 191 с.
59. Мид, У.Р. Китай и «ловушка Ленина» / У.Р. Мид // Ведомости. – 2018. – 27 сентября.
60. Минцберг Г. Менеджмент. Природа и структура организаций глазами гуру / Г.Минцберг. Пер. с англ. О. Медведь. – М.: Эксмо, 2009. – 463 с.

61. Михеев В.В., Луконин С. А. Китай: новые тренды развития на рубеже 2015 – 2016 гг. / В.В. Михеев, С.А. Луконин // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60 – № 6. – С. 27.
62. Основные отрасли и сферы экономики современного Китая: в 2-х книгах / под ред. А.В. Островского. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 447 с.
63. Островский А.В. Планы 13-й пятилетки: как построить общество «сяокан» в Китае к 2020 году (по материалам 4-й сессии ВСНП 12-го созыва, март 2016 г.): доклады ИДВ 2016. – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 8.
64. Островский, А.В. Некоторые аспекты истории и перспектив инновационного развития КНР / А.В. Островский // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 3. – С. 67.
65. Отчет о развитии инновационных тенденций в индустриях цифровой экономики 2019. Анализ наиболее важных новых экономических явлений в интернете / Аналитическое агентство Аймэйзисюнь (艾媒资讯). – Пекин: iiMedia Research, 2019. – 112 с.
66. Отчет о развитии инновационных тенденций в индустриях цифровой экономики в I квартале 2020. Анализ наиболее важных новых экономических явлений в интернете / Аналитическое агентство Аймэйзисюнь (艾媒资讯). – Пекин: iiMedia Research, 2020. – 115 с.
67. Панкратенко, И. Бишкек задолжал Пекину / И. Панкратенко // Независимая газета. – 2018. – 9 апреля.
68. Панышин, Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития / Б. Панышин // Наука и инновации. – 2019. – № 3. – С. 46.
69. Пебро М. Международные экономические, валютные и финансовые отношения / М. Пебро. Пер. с фр. О. С. Савкевич, М. М. Литвякова. – М., 1994. – 493 с.
70. Перская В.В., Эскиндаров М.А., Интеграция в условиях многополярности / В.В. Перская, М.А. Эскиндаров. – М.: Экономика, 2016. – 6 с.

71. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой / Э.П. Пивоварова. – М.: ИД «Форум», 2011. – 352 с.
72. Пивоварова Э.П. Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР / Э.П. Пивоварова. – М.: ИДВ РАН, 2018. – 52 с.
73. Портяков, В. Особенности развития экономики Шэньчжэня в условиях модификации модели роста в КНР / В. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 3. – С. 77.
74. Портяков, В.Я. Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае / В.Я. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 2. – С. 66.
75. Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии / М.А. Потапов, А.И. Салицкий, А.В. Шахматов. – М.: Международные отношения, 2011. – 264 с.
76. Речь Си Цзиньпина на церемонии открытия II Форума по международному сотрудничеству инициативы «Один пояс и один путь» // Информационное приложение Россия–Китай. – 2019. – № 4. – С. 35.
77. Российско–китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др. – М.: НП РСМД, 2018. – 243 с.
78. Сазонов С., Кудрявцев Е., Цзы У. Транспортная составляющая проектов сопряжения Евразийского экономического союза и «Экономического пояса шелкового пути» / С. Сазонов, Е. Кудрявцев, У. Цзы // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 2. – С. 49.
79. Сазонов С.Л., Заклязьминская Е.Ю., Чэнь С. Проект «Пояс и путь» как решающий фактор развития экономики Китая / С.Л. Сазонов, Е.Ю. Заклязьминская, С. Чэнь // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 3. – С. 88.
80. Селищева Т.А. Сопряжение ЕАЭС и проекта «Экономический пояс Шелкового пути» как новая модель евразийской интеграции / Т.А. Селищева // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4 (64). – С.27.

81. Скосырев, В. Вашингтон бросает вызов экономической экспансии КНР в Азии (Помпео поставил миллионы против миллиардов Китая) / В. Скосырев // Независимая газета. – 2018. – 1 августа.
82. Сяо Янь Цзы, Цзяочао Ха Возможности развития инициативы «Один пояс, один путь» после пандемии / Янь Цзы Сяо, Ха Цзяочао // Образование и право. – 2020. – № 4. – С. 498–502.
83. Тавровский, Ю. Первый юбилей / Ю. Тавровский // Китай. – 2018. – № 9. – С. 9.
84. Тань С., Кулинцев Ю.В. Трансазиатское Европейское экономическое партнерство как вариант сопряжения ЕАЭС и ЭПШП / С. Тань, Ю.В. Кулинцев // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 2. – С. 90.
85. Тишина, Ю. Huawei скрылся за облаком Сбербанка / Ю. Тишина // Коммерсант. – 2020. – 3 марта.
86. Трифонов, П.В. Трансформация управления цепями поставок в условиях четвертой промышленной революции / П.В. Трифонов // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – № 3. – С. 33.
87. Успехи и проблемы модернизации современного Китая: сборник тезисов докладов участников III Международной научно-практической конференции «Великие экономисты и великие реформы». Под ред. Р.М. Нуриева, С.А. Просекова. – М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2014. – 308 с.
88. Хань, И. Перспектива стыковки «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза / И. Хань // Управленческое консультирование – 2015. – № 11 – С. 67.
89. Хасбулатов Р.И, Юнусов Л.А. Экономика и политика постсоциалистических государств: опыт трансформации / Р.И. Хасбулатов, Л.А. Юнусов. – М. : ВЕЧЕ, 2017. – 560 с.
90. Хейфец, Б.А. Экономический пояс шелкового пути – новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС / Б.А. Хейфец // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 5. – С. 42.

91. Ходжаев, А. О центральноазиатской политике КНР (на основе китайских источников) / А. Ходжаев // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 3 (51). – С.32.
92. Цзэн М. Alibaba и умный бизнес будущего. Как оцифровка бизнес-процессов изменила взгляд на стратегию / М. Цзэн. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 320 с.
93. Цифровая трансформация «Хуавэй» (华为). От виртуализации инфраструктуры к цифровому двойнику // Тематическое приложение к газете «Коммерсант». – 2018. – 29 марта.
94. Цифровая экономика Китая. Белая книга. – Пекин: издательство Китайского института информации и коммуникации, 2020. – С.94.
95. Цыплаков, С. Как в Китае выполняются заветы Дэн Сяопина / С. Цыплаков // Независимая газета. – 2018. – 29 октября.
96. Чжан, Л. К общему пониманию / Л. Чжан // Китай. – 2017. – № 5. – С. 46.
97. Чжан, Ю. Сотрудничество нового типа / Ю. Чжан // Китай. – 2017. – № 5. – С. 33.
98. Чжао, М. Наши общие пути / М. Чжао // Китай. – 2018. – № 4. – С. 14.
99. Чжао, Ч. Специфика деятельности китайских компаний на мировом рынке и их стратегические позиции в РФ / Ч. Чжао. – М.: Макс Пресс, 2009. – 139 с.
100. Чжоу, Ю. Формирование новой парадигмы открытости / Ю. Чжоу // Китай. – 2018 – № 4. – С. 12.
101. Чжу, Ю. «Один пояс, один путь» и китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество / Ю. Чжу // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 2. – С. 101.

102. Чубаров, И.Т. География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС / И.Т. Чубаров // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 5. – С. 115.

103. Чэнь М., Чжун Я. «Умные магазины» / М. Чэнь, Я. Чжун // Китай. – 2017. – № 9. – С. 33.

104. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции / К. Шваб. Пер. с английского К. Ахметова. – М.: Бомбора, 2018. – 317 с.

105. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. Пер. с английского. – М.: Эксмо, 2017. – 207 с.

106. Шнуренко, И. Длинная партия в го / И. Шнуренко // Эксперт. – 2018. – № 50. – С. 47.

107. Щепина И.Н., Бородин А.А. Цифровая экономика как одна из моделей развития постиндустриального общества / И.Н. Щепина, А.А. Бородин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 101.

108. Экономика КНР: 10 лет после вступления в ВТО / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 208 с.

109. Яньхун Л. Интеллектуальная революция: встреча с социальными, экономическими и культурными изменениями в эпоху искусственного интеллекта. / Л.Яньхун. – Пекин: Издательская группа CITIC, 2017. – 324 с.

Монографии и статьи на иностранных языках

110. Ван Ч. «И дай и лу» дэ диюань бэйцзин юй цзунти сылу (Географическая подоплека и общая идея «Одного пояса, одного пути» / Ч. Ван. – Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2010. – 340 р

111. Ван Ш. Чжунго дуйвай маои луньли юй чжэнцэ (Теория и политика внешней торговли Китая) / Ш. Ван. – Пекин: «Чжунго дуйвай цзинцзи маои чубаньшэ», 1989. – 256 с.

112. Жэн, Ц., Бай К., Гу М. Сычоу чжи лу ланьсэ пишу: Сычоу чжи лу цзинцзи дай фачжань баогао (2018) («Голубая книга» шелкового пути: доклад о

развитии экономического пояса шелкового пути (2018)) / Ц. Жэн, К. Бай, М. Гу. – Пекин: Шехуэй кэсюэ веньчжай чубаньшэ, 2018. – 55 с.

113. И дай и лу 2.0: чжунго инлинся лэ сылу синь гэцзю («Один пояс, один путь» 2.0. Китай в условиях новой структуры шелкового пути) / Под ред. Линь Ифу. – Хуанчжоу: Чжэцзян дасюэчубаньшэ, 2018. – 436 с.

114. И дай и лу няньду баогао. Чжихуэй дуйцзе: 2018 (Ежегодный отчет по «Одному поясу, одному пути». Стыковка знаний: 2018) / под ред. Чжао Лэй. – Пекин: Шанъу иншугуань, 2018. – 436 с.

115. И дай и лу цюаньцюхуа баогао («Один пояс, один путь»: развитие электронной коммерции) / под ред. Ян Шаньмина. – Пекин: «Шехуэй кэсюэ веньчжай чубаньшэ», 2020. – С.22.

116. И дай и лу: шуньин цзинцзи цюаньцюхуа чаолу дэ цзуй гуанфа гоцзи хэцзо тай («Один пояс, один путь»: самая широкая площадка международного сотрудничества для адаптации к направлению экономической глобализации) / под ред. Ван Лингуй. – Пекин : шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – 190 с.

117. Синь и дай жэньгун чжинэн фачжань гуйцэ (План развития искусственного интеллекта в новую эпоху). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2017. – 248 с.

118. Синь чантайся чуансинь цюдун вого ццинцзи цэнцзячжан дэ лилунь сыкао (Теоретическое мышление об инновациях, способствующих экономическому росту Китая в условиях новой нормы) // Цююй цзинцзи пинлунь. – 2016. – № 3. – С.34.

119. Синь яоу далу цяо цзинцзи цзоулан (Экономический коридор нового евразийского континентального моста) / под ред. Ван Жуйцю. – Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 2018. – 108 с.

120. Сычоу чжилу цзинцзидай юй дицю цзинцзин фачжан (Экономический пояс Шелкового пути и региональное экономическое развитие) / Под ред. Сунь Ц., Гао Ч. – Пекин: Цзинцзи гуаньли чубаньшэ, 2019. – 98 с.

121. Цзинцзи жибао чубаньшэ (Цифровая экономика. Новая экономика) / Под ред. Сюй Чэня, У. Дахуа, Тан Синлуна» (на китайском языке). – Бэйзин, 2020. – С. 9 – 10.

122. Цзоу сян шуцзы цзинцзи (На пути к цифровой экономике) / под ред. Чжу Сяомин. – Шанхай: Шанхай цзяотун дасюэ чубаньшэ, 2018. – 255 с.

123. Цзю Ц., Юй С. «И дай и лу» дэ диюань чжэнжи. Гоуцзянь хуася гунти, туйцзинь дуйвай кайфан синь чжаньлюэ 2.0 (Политическая география «Одного пояса, одного пути». Построение китайского общества и новая конструкция открытости Китая – Один пояс, один путь 2.0) / Ц. Цзю, С. Юй. – Ханчжоу: Чжэцзян дасюэ чубаньшэ, 2018. – 371 с.

124. Цзян С., Цзяо П. Сычоу чжи лу ланьсэ пишу: Сычоу чжи лу цзинцзи дай дяньцзы шанъу фачжань баогао (2017) («Голубая книга» шелкового пути: Отчет о развитии электронной коммерции экономического пояса Шелкового пути – 2017). – Пекин: Шехуэй кэсюэ веньчжай чубаньшэ, 2018. – С. 23-40.

125. Чжао, В. Фэнси чжунго пинтай цзнцзи дэ юсяосин хэ фачжань цзихуа (Анализ эффективности платформенной экономики Китая и планы по её развитию) / В. Чжао // Гайгэ юй Чжанлюэ. – 2019. – № 3. – С. 65.

126. Чжунго «И дай и лу» тоуцзы аньцюань яньцзю баогао (Ежегодный исследовательский доклад об инвестиционной безопасности реализации «пояса и пути» Китая / под ред. Цзи Цзиньбяо, Лан Угуан. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – 118 с.

127. Чжунго тунцзи няньцзянь – 2018 (Ежегодный статистический сборник – 2018) / отв. ред. Син Чжихун, Е Чжица. – Пекин: Государственное бюро статистики КНР, 2019. – 428 с.

128. Чжунго чжицзао 2025. Ланьпишу 2017 (Сделано в Китае 2025. Голубая книга 2017) / под ред. Го Хуэйзюань. – Пекин: Даньцзя гунъе чубаньшэ, 2017. – 134 с.

129. Чжунго чжицзао 2025. Ланьпишу 2019 (Сделано в Китае 2025. Голубая книга 2019) / под ред. Го Хуэйзюань. – Пекин: Даньцзя гунъе чубаньшэ, 2019. – 137 с.

130. Чэнь, Ч. Алибаба цзитуань синь ванло фуу (Новый интернет-сервис компании Alibabagroup) / Ч. Чэнь // Лунбао. – 2016. – 25 мая.
131. Шаньчжуй лай лэ (Шаньчжай пришел) / под ред. Лю Баопина. – Пекин: Цзичэн гунье чубаньшэ, 2009. – 267 с.
132. Эр цы кайфан: цюаньцюхуа шицзы лукоу дэ чжунго сюаньцзе (Вторая открытость: выбор Китая на перекрестке глобализации) / под ред. Чи Фу. – Пекин: Чжунго гунжэнь чубаньшэ, 2017. – 220 с.
133. Asia 2050: Realizing the Asian Century. – Singapore: ADB, 2011. – 321p.
134. Brennen J. Scott, Kreiss D. Digitalization / J.S. Brennen, D. Kreiss // The international encyclopedia of communication theory and philosophy. – 2016. – V 28. – P. 5.
135. Cherniavska Olena V., Liu Yi-ru, Cherniavska Oleksandra D., Khan Imran and Zham Olena Scaling up chengyu's role in Xij Jinping's government policies concept: from specific Chinese national linguistic constructions up to markers and goals of the GEO / O. V. Cherniavska, Yi-ru Liu, O.D. Cherniavska, I. Khan, O. Zham // International Journal of Management. – 2020. – № 5. – P. 188.
136. China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. – Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development, 2013. – 157 p.
137. Economic Survey 2016–17 Government of India Ministry of Finance Department of Economic Affairs // Economic Division August. – 2017. – Vol. 2. – P. 66.
138. Francopan P. New Silk Road / P. Francopan. – London: Oxford Press, 2018. – 356 p.
139. Freedman G. The next 100 years. A Forecast for the 21st Century / G. Freedman. – London, Toronto: Doubleday, 2004. – 253 p.
140. Kroeber A. R. China's Economy. What's everyone needs to know / A.R. Kroeber. – Oxford University, 2016. – 324 p.

141. Maier R., Passiante G. & Zhang S. Creating value in networks / R. Maier, G Passiante // International Journal of Innovation and Technology Management. – 2011. – № 3. – Т. 8. – С. 362.

142. Miller T. China Asia Dream: Empire building along the New Silk road. Zed Books, 2017. – 304 p.

143. Rifkin J. The Third Industrial Revolution Paradigm / J. Rifkin // Shuzihua sichou zhi lu. – Beijing: Renmin publishing, 2017. – 410 p.

144. Summers T. China's New Silk Roads: sub-national regions and networks of global political economy / T. Summers // Third World Quarterly– 2016. – Vol. 3. – P. 54.

145. Weber I. M. Unlikely Partners: Chinese Reforms Western Economics, and the making of Global China. Harvard University Press, 2017. – 416 p.

146. World Bank. World Development Report 2016. Digital Dividends. Washington. DC: World Bank, 2017. – 359 p.

147. Yu Haiqing. Networking China: The Digital Transformation of the Chinese Economy / Yu Haiqing. – Chicago and Springfield: University of Illinois Press, 2017. – 225 p.

Интернет-ресурсы

148. Акижанов С. Сопряжение «Цифрового Казахстана» и «Цифрового шелкового пути» обсудили в Пекине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/sopryazhenie-cifrovogo-kazahstana-i-cifrovogo-shelkovogo-puti-obsudili-v-pekine_a3125476

149. Белая книга о развитии цифровой экономики Китая и занятости [Электронный ресурс] // Китайский Институт Информатики и Коммуникаций.– 2019. – Режим доступа: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/201904/t20190417_197904.htm

150. Вейланд Д., Бланд Б. США хотят нанести удар по лидерским амбициям Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/03/28/755102-ssha-udar-ambitsiyam-kitaya>

151. Власти Китая обнародовали стратегию «Интернет Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekd.me/2015/07/internet-plus/>

152. Власти Китая планируют довести объем электронной коммерции до \$ 6 трлн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/business/2016/12/30/1580499.html>.

153. Волков К. В Китае начали использовать цифровой юань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/08/31/v-kitae-nachali-ispolzovat-cifrovoy-iuan.html>

154. Всемирное исследование PwCDigital IQ® за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/publications/global-digital-iq-survey-rus.pdf>

155. Глоссарий Евразийской Экономической Комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/glossary.aspx>

156. Грач Т. Знакомьтесь, Дэниел Чжан! Каков он – новый будущий хозяин Алибаба? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new-retail.ru/business/znakomtes_deniel_chzhan_kakov_on_novyuy_budushchiy_khozyain_alibaba7979/

157. Ефимушкин В.А. Понятие цифровой экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bi.hse.ru>.

158. Интеллектуальная цифровая логистика станет главным трендом отрасли экспресс–доставки Китая в 2017 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.cri.cn/3069/2017/04/10/1s601500.htm>

159. Итоги заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54079>

160. Как построить цифровой Великий шелковый путь? [Электронный ресурс] // ICTNEWS. – Режим доступа: <https://ictnews.uz/25/12/2017/digital-silkway/>

161. Китай ограничил госзакупки антивируса «Лаборатории Касперского» [Электронный ресурс] // Ведомости. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2014/08/05/kitaj-hlopnul-dveryu-pered-kasperskim>

162. Китай планирует в 2025 году ежедневно обрабатывать около миллиарда посылок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customsforum.ru/news/business/kitav-planiruet-v-2025-godu-ezhednevno-obrabatyvat-okolo-milliarda-posylok-545902.html>

163. Китай посчитал Россию лучшим другом – Москве поставили наивысший балл за сотрудничество с Пекином [Электронный ресурс] // Коммерсант. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3681816>

164. Китай привлекает до 60 % мировых инвестиций в искусственный интеллект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rossaprimavera.ru/news/f2a37625>

165. КНР становится еще ближе. Перспективы логистики Китая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shuttle-logistic.com/novyye-vozmozhnosti/knr-stanovitsya-eshhe-blizhe.html>

166. Кокарев К.А. «Новое нормальное» состояние и «вторая реформа» Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analitycs/11823>

167. Нурсеитов А.А. Казахстан займет стратегически важное место в проекте Экономического пояса Шелкового пути: интервью 13.04.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yvision.kz/post/689004>

168. Обзоры инвестиционной деятельности международных банков развития в странах СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eabr.org/cooperation/reviews-idb-investment/#tab2019>

169. Овчинникова Л.С. Особенности рынков слияний и поглощений на примере России и Китая [Электронный ресурс] / Л.С. Овчинникова // Международная торговля и торговая политика. –2019. – № 3 (19). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rynkov-sliyaniy-i-poglascheniy-na-primere-rossii-i-kitiya>

170. Рабочий доклад института исследований развивающихся рынков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdt.scolkovo.ru>ru/cdy/research>.
171. РКИФ и Tus–Holdings создают Российско-китайский венчурный фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rdif.ru/fullNews/1840/>
172. Сакен Сарсенов рассказал о проекте «Цифровой Казахстан–2020» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profit.kz/news/33585/Saken-Sarsenov-rasskazal-o-proekte-Cifrovoj-Kazahstan-2020/>
173. Семь определений цифровой экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=116780>
174. Технологии переводят на китайский - УК «Лидер» и Shenzhen Capital создают совместный фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3681816>
175. Узбекистан и Китай намерены построить Цифровой шёлковый путь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/34854271>.
176. Ху А. Синь чантайся чжунго цзян бяньянь гэн чжунъяо дэ вэньдин цицзяосе (При новой нормальности Китай будет играть более важную роль стабилизатора) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://china.huanqiu.com/article/9CaKrnJJ5G4>
177. Ху Аньган 10 важных положительных моментов в развитии экономики КНР в 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201702/t20170208_350182.shtm.
178. Хуавэй призывает создать цифровой Шелковый путь через инновации, открытость и взаимную выгоду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huawei.com/ru/events/huawei-central-asia-innovation-day-2017/day-of-innovation-in-central-asia-hw>
179. Цзэн Вэй План Маршала китайской версии по содействию развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jinji> 21 cdh.com(2014/5-1/2 OMDAZNTFfMTE INDA=OA.html).

180. Цифровой шелковый путь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://logistics.ru/9/10/i20_1032.htm

181. Что и как покупают в интернете жители России: аналитика и статистика за 2019 год [Электронный ресурс] // Рейтинги и обзоры CMS. – Режим доступа: <https://cms-rating.ru/chto-i-kak-pokupayut-v-internete/>

182. Google займется развитием ИИ в Китае, создав первый центр во всей Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.regnum.ru/news/2357196.html>

183. Чунцин динвэй «И дай и лу» чжанлюэ чжидянь цу маои цзоуцзинь синь шидай. Чжуанти баогао (Позиционирование Чунцина как стратегической точки опоры «Одного пояса, одного пути» для продвижения торговли в новую эру. Специальный доклад) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cq.people.com.cn/n/2015/0616/c367889-25262359.html>

184. Alibaba (阿里巴巴): офиц. сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinese.alibaba.com>

185. Artificial intelligence implications for China // McKinsey Global institute, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/artificial-intelligence-implications-for-china>

186. Baidu (百度): офиц. сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://as.baidu.com>

187. China AI Development Report 2019. Отчет о развитии искусственного интеллекта в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа. http://www.sppm.tsinghua.edu.cn/eWeb/Editor/Upload/File/China_AI_development_report_2019.pdf.

188. China is building a new Silk Road, and this one is digital [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2018/08/china-is-building-a-new-silk-road-and-this-one-s-digital/>

189. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, Implications for the United States [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.everycrsreport.com/reports/RL33534.html>.

190. Chipman J. China long and winding digital Silk road [Электронный ресурс] / J. Chipman // World Economic Forum in Davos. – 2019 – Режим доступа: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2019/01/china-digital-silk-road>

191. Elmasry T. et.al. Digital Middle East: Transforming the Region into a Leading Digital Economy N.Y. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mckinsey.com/global-themes/middle-east-and-africa/digital-middle-east-transforming-the-region-into-a-leading-digital-economy>

192. Huawei (华为): офиц. сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huawei.com/cn/>

193. National Bureau of Statistic of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn>.

194. Tencent (腾讯): офиц. сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tencent.com/en-us/>

195. The long view: how will the global economic order change by 2050? [Электронный ресурс] // PWC summary report, February 2017. – Режим доступа: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf>

Приложения

Приложение 1

Этапы политики открытости

Политика внешней открытости в своем обосновании и развитии прошла два этапа и перешла на третий. Общей характеристикой этих этапов является всестороннее теоретическое обоснование и последовательная, ступенчатая реализация.

Первый этап (80-90 гг. XX века) разработки и проведения политики открытости Китая внешнему миру представляет собой время активных дискуссий о сути, механизмах, особенностях проведения Китаем политики внешней открытости, ставшей новым изданием «политики открытых дверей», проводимых Китайской Республикой в конце XX века. Политика «открытых дверей» в конечном счете привела к закабалению Китая западными государствами, поэтому китайские обществоведы отмечали возможные риски следования по пути проведения политики открытости. Неудивительно, что реализация новой политики проходила под строгим контролем государства.

Инструменты открытости на первом этапе использовались для подготовки условий для функционирования в стране иностранного капитала в целях создания демонстрационного инвестиционного климата. Открытость носила точечный, очаговый характер, связанный с использованием иностранного капитала, оперирующего в основном в особых экономических зонах, зонах технико-экономического развития. Открытость проявлялась в форме либерализации внешнеэкономической (внешнеторговой) сфере деятельности, где осуществлялся постепенный отход от тотальной монополизации государством внешней торговли и проведения инвестиционной политики. Однако и здесь открытость носила в основном точечный, дозированный характер под контролем государства, чтобы в «приоткрытое окно не залетели комары и мухи», т.е. нежелательные элементы, могущие

нанести ущерб и внешнеэкономическому комплексу, и китайской экономике в целом.

Политика внешней открытости не носила самодовлеющего характера, находясь на службе у внутриэкономической реформы Китая. При всей ее важности, политика открытости носила характер подчиненного механизма в проведении комплексной реформы экономической системы Китая. Эта особенность в той или иной степени сохранялась на последующих этапах ее разработки и осуществления, с соответствующими акцентами в проведении экономической реформы, особенностями международной экономической конъюнктуры.

Второй этап в развитии и реализации политики внешней открытости связан с выдвижением в 90-х гг. стратегии «идти вовне» (走出去, «цзоу чуюй») и присоединении страны к ВТО (нулевые годы XXI века). Этот этап характеризуется активизацией внешнеэкономической политики КНР в торгово-инвестиционной сфере, формированием отряда «национальных чемпионов», т.е. ведущих китайских корпораций, нацеленных на занятие лидирующих позиций на международных рынках. Одновременно Китай открывает мировой рынок и для своих мелких и средних предприятий, но все больше не как объекта приложения иностранного капитала, а как субъекта международного рынка прежде всего в области внешней торговли. В этот же период был принят ряд новых законодательных мер по либерализации допуска иностранных инвесторов на китайский рынок.

Постепенное развертывание политики внешней открытости, дозированная либерализация режима доступа иностранных инвесторов и торговцев на китайский рынок еще не означало существенного перелома в его статусе объекта мировой экономики. Лишь получение почетного статуса «Мировой фабрики» и выход в число безусловных мировых лидеров по экспорту товаров стало отправной точкой выдвижения Китая в число определяющих субъектов мировой экономики. Тем более, что Китай стал играть весьма заметную роль в обеспечении роста мировой экономики –

обеспечивая его более чем на треть. Все эти обстоятельства стали объективной основой для пересмотра китайскими лидерами целей и задач развития национальной экономики и ее реформы и соответственно, проведения политики внешней открытости.

Разработка и реализация политики внешней открытости вступает в третий этап, начавшийся со времени выдвижения Председателем КНР Си Цзиньпином (习近平) инициативы ЭПШП, переросшей впоследствии в более комплексное содержание ОПОП.

Если политика открытости на первом этапе носила откровенно оборонительный, адаптивный характер, без существенных намеков на внешнеэкономическую экспансию Китая, то второй этап реализации политики внешней открытости свидетельствует уже о начале экономической экспансии Китая на внешние, прежде всего азиатские рынки и рынки ряда развивающихся стран (в Африке). Однако о глобальном измерении открытой экономической политики речь еще не шла, за исключением активизации деятельности ряда китайских корпораций в некоторых отраслях и занятия ими ряда лидерских мест в международных рейтингах. Третий этап развития и реализации открытой внешней политики к середине 10-х гг. XXI начинает приобретать глобалистский характер.

Приложение 2

Эволюция политики открытости

Рассмотрим более детально модификацию политики внешней открытости на текущем этапе через призму инициативы ОПОП как ключевого этапа расширения внешней открытости Китая.

Поначалу инициатива ОПОП делала значительный акцент на реализации ее целей и принципов на маршрутах «Пути» внутри страны, в основном на северо-западном его векторе. Внутренний посыл в развитии нового шелкового пути (НШП) до определенной степени преобладал над его внешней направленностью¹⁸⁴.

Однако по мере роста международного интереса к инициативе ОПОП, внешний ее аспект выходит на первый план, что, отнюдь, не снимает с повестки дня внутреннюю составляющую НШП, поскольку реализация внешней составляющей является залогом реализации целей и задач ОПОП для развития национальной экономики Китая, расшивки ее узких, проблемных мест, стимулом для развития отсталых провинций центрального и северо-западного Китая.

Как отмечал Председатель КНР Си Цзиньпин (习近平), «инициатива ЭПШП отвечает требованиям экономического внутреннего развития Китая. Она способствует развитию периферийных национальных районов страны». В ходе строительства ОПОП следует более эффективно считать заимствование извне и выход вовне, открытость приморских городов и внутриконтинентальных городов вдоль государственной границы.

Таким образом, политика открытости по-прежнему остается в тесной связке с политикой экономических реформ в Китае по перестройке модели развития экономики, переходу от опоры на внешний спрос, к внутреннему спросу, к развитию собственных инновационных технологий, производству

¹⁸⁴ Сычоу чжилу цзинцидай юй дицю цзинцин фачжан (Экономический пояс Шелкового пути и региональное экономическое развитие) / Под ред. Сунь Ц., Гао Ч. Пекин: Цзинци гуаньли чубаньшэ, 2015. – С. 57.

отечественных высокотехнологичных товаров с высокой международной конкурентоспособностью.

Политика внешней открытости в предложенной инициативе ОПОП строилась на продолжении использования традиционной модели развития экономической глобализации вширь, открывая для Китая все новые зарубежные рынки сбыта товаров, приложения капитала и технологий, с одновременным ее развитием вглубь, как за пределами Китая (осуществляя локализацию), так и внутри страны посредством открытия новых отраслей, ранее не доступных иностранным предпринимателям, расширению присутствия зарубежных инвесторов в сфере прямых инвестиций, а также на фондовом рынке.

Приложение 3

Некоторые особенности развития искусственного интеллекта в цифровой экономике Китая

Подготовка и реализация мер по достижению мирового лидерства в области искусственного интеллекта (ИИ) в Китае начинается со школы. В общеобразовательных школах введен предмет «Основы искусственного интеллекта». В китайских вузах Министерство образования запустило «План действий по инновациям для колледжей и университетов Китая», в соответствии с которым к 2030 году страна должна превратиться в ведущий научно-исследовательский центр в области ИИ. В настоящее время более 70 вузов Китая открыли специальности по обучению разработкам в области ИИ.

При реализации поставленных планов по развитию ИИ Китай и Северная Америка в 2030, по прогнозу известной консалтинговой компании PWC, получит наибольшие выгоды (Рисунок 1).

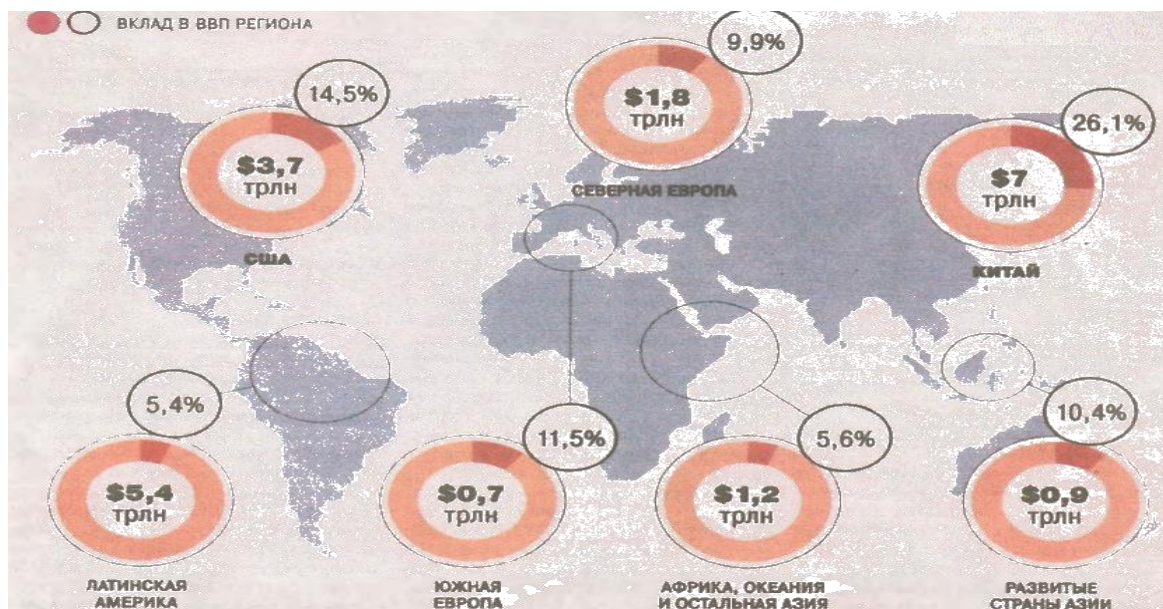

Рисунок 1 – Финансовые выгоды стран от внедрения AI к 2030 году

Источник: <https://www.consulting.us/news/2926/ai-set-to-add-potential-157-trillion-to-global-economy>

Китай является лидером по количеству компаний, работающих в сфере ИИ и объемам их капитала. Непрерывный рост в этой сфере привел к значительному росту числа таких предприятий, что позволило Китаю занять 2-ое место в мире после США (Рисунок 2).

Рисунок 2 – Доля Китая в мировом количестве компаний сферы ИИ в 2019 году

Источник: составлено автором

Успехи Китая в области разработок и использования ИИ с эффективной государственной политикой и массированными капиталовложениями в эту сферу, о чем свидетельствует «Отчет о развитии искусственного интеллекта в Китае» за 2018 г. (Рисунок 3). В стране наращиваются усилия по развитию ИИ. В 2018 г. ЦК КПК программу развития ИИ в стране перевел на новый уровень, включающий 17 направлений внедрения.

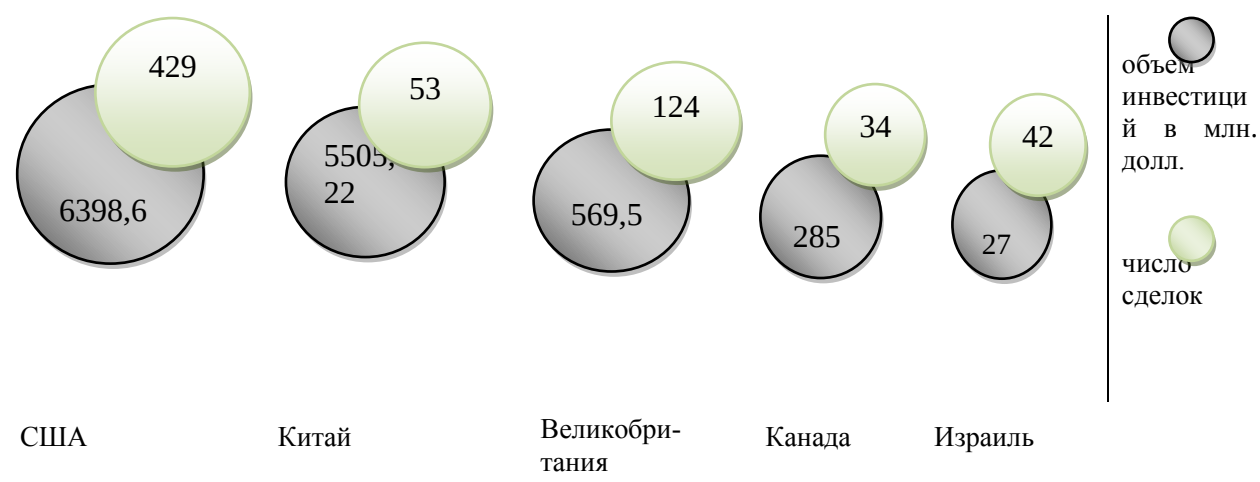

Рисунок 3 – Лидеры по инвестициям в развитие ИИ (2018)

Источник: составлено автором на основе Чжунго «И дай и лу» тоуцзы аньцюань яньцзю баогао (Ежегодный исследовательский доклад об инвестиционной безопасности реализации «пояса и пути» Китая / под ред. Цзи Цзиньбяо, Лан Угуан. – Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. – С. 77–78.

Приложение 4

Динамика некоторых показателей цифровизации экономики Китая

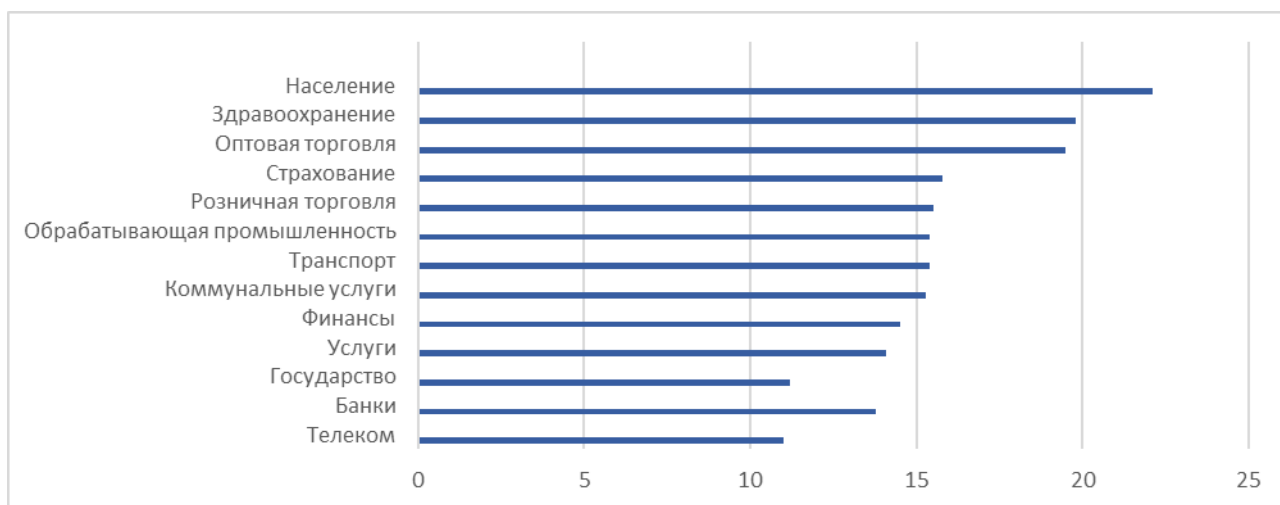

Рисунок 1 – Информатизация отраслей китайской экономики в период 2015-2025 гг. (темпы роста, %).

Источник: Сделано в Китае 2025. Синяя книга. – Дяньцзы гунъе чубаньшэ. – Пекин, 2017. (на китайском языке)

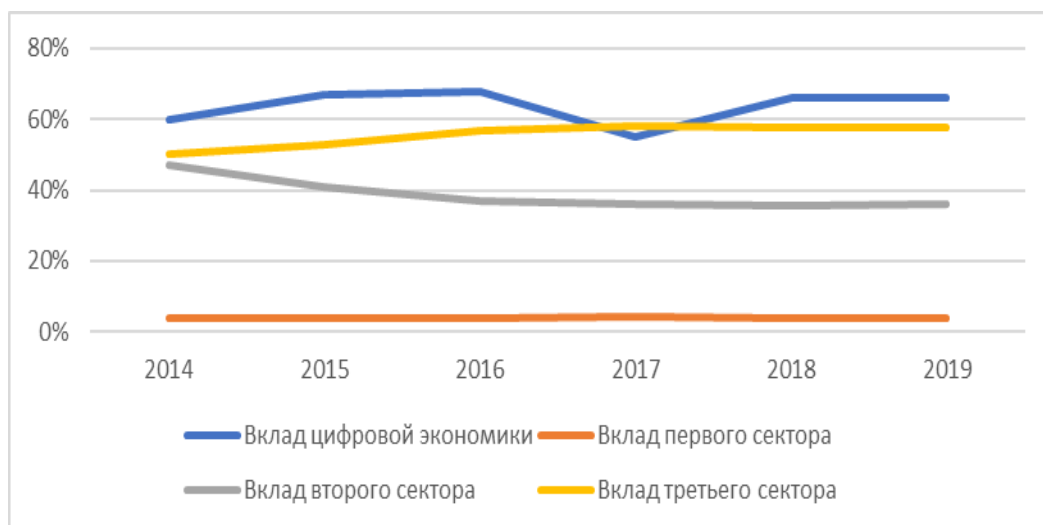

Рисунок 2 – Вклад цифровой экономики в рост ВВП

Источник: Цифровая экономика Китая. Белая книга. – Пекин: издательство Китайского института информации и коммуникации, 2020.

Рисунок 3 – Объем розничной интернет-торговли в Китае в 2011–2019 гг.

Источник: Государственное управление статистики КНР. – Пекин, 2019. (на китайском языке)

Приложение 5

Особенности цифрового инструмента «Умный» дом

«Умный» дом – это экосреда, созданная в квартире на основе технологий интернета вещей с применением приборов (умные бытовые приборы, системы контроля безопасности, умная мебель), систем программ и облачных вычислений, которая благодаря сбору данных о пользователе и их анализу предоставляет ему индивидуализированные услуги (Рисунок 1).

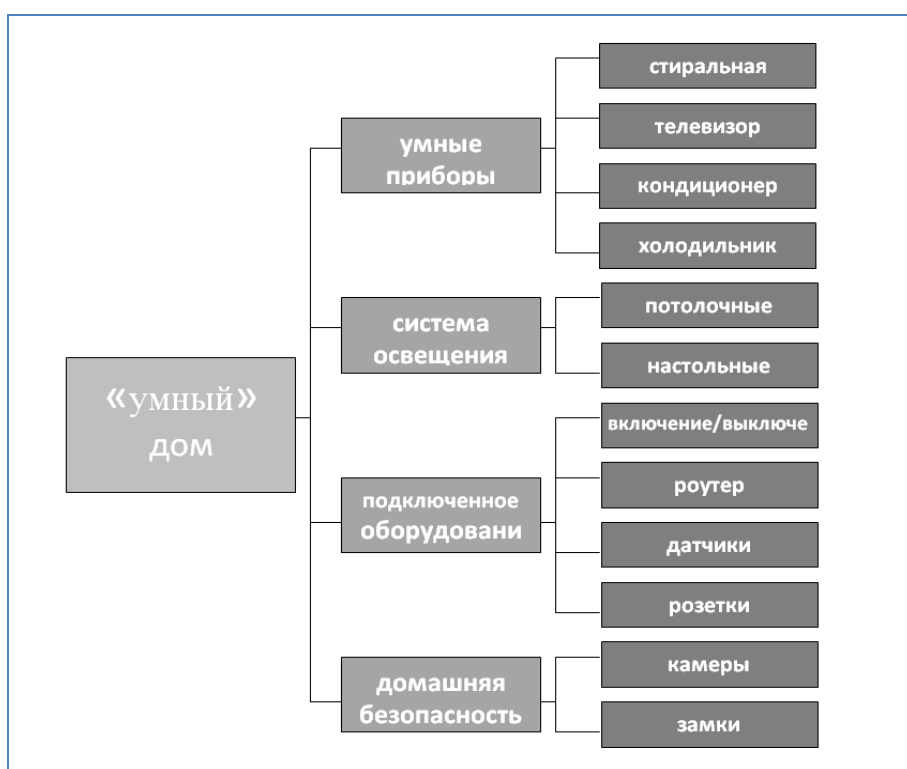

Рисунок 1 – Основные составляющие «умного дома»

Источник: составлено автором

В основном «умный» дом включает «умные» приборы, домашнюю безопасность, «умное» освещение, систему контроля подключения. Среди основных сфер применения выделяются музыка и развлечения, безопасность, гигиена, приготовление пищи, сон. Приведенные примеры весьма показательны для современного Китая, они уже далеко не единичны, а представляют собой элементы складывающейся цифровой экосистемы Китая. Как отмечает член консорциума по вопросам электронной коммерции при министерстве

коммерции КНР Чэнь Шугуан(陈曙光), «Китай вступает в новую эпоху «умного производства и потребления»».

Заметное развитие в Китае с середины 10 г. XXI века получают проекты «умных домов». «Умный дом» к концу текущего десятилетия становится атрибутом жизни жителей в крупных городах страны. Общий объем экономики «умных домов» достиг 40,34 млрд. юаней (примерно 6 млрд. долл.), а в 2020 г. возрастет до 286, 5 млрд. юаней (~ 42,5 млрд. долл.) т.е. в 7 раз. (Рисунок 2)

В сентябре 2016 г. на Берлинской выставке потребительской электроники китайские предприятия получили 9 из 12 премий за технические инновации в сфере потребительской электроники.

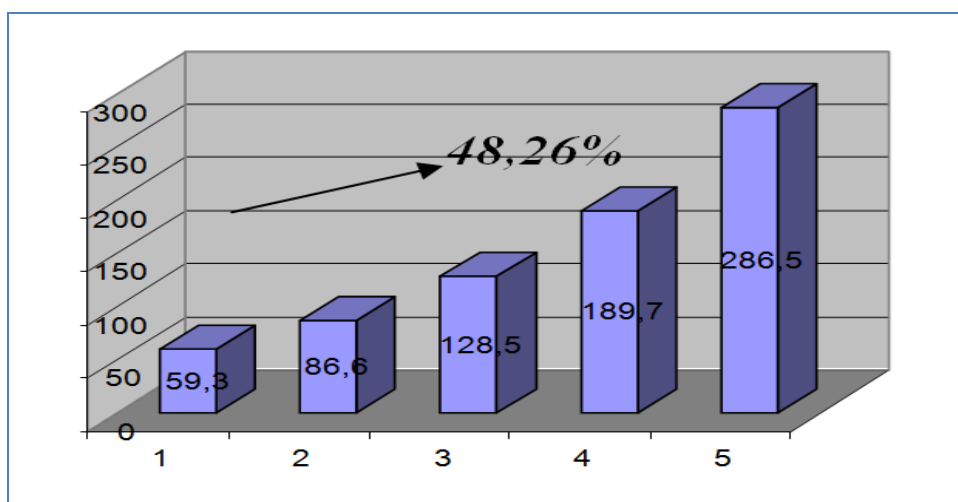

Рисунок 2 – Общий объем производства «умного» дома в Китае

Источник: Е Сяонань, Пэй Лифэнь. Активная жизнь в умном доме / Китай 2017, № 2, С. 40.

Китайская отрасль «умного дома» еще находится на этапе роста, т.е. на пути от первоначального использования к массовому потреблению. Маркетологи в этой сфере накапливают информацию об актуальных потребностях, запросах клиентов, анализируют эти данные, разрабатывают ценовую политику на «умные» приложения, ищут инструменты сопряжения «умных» технологий.